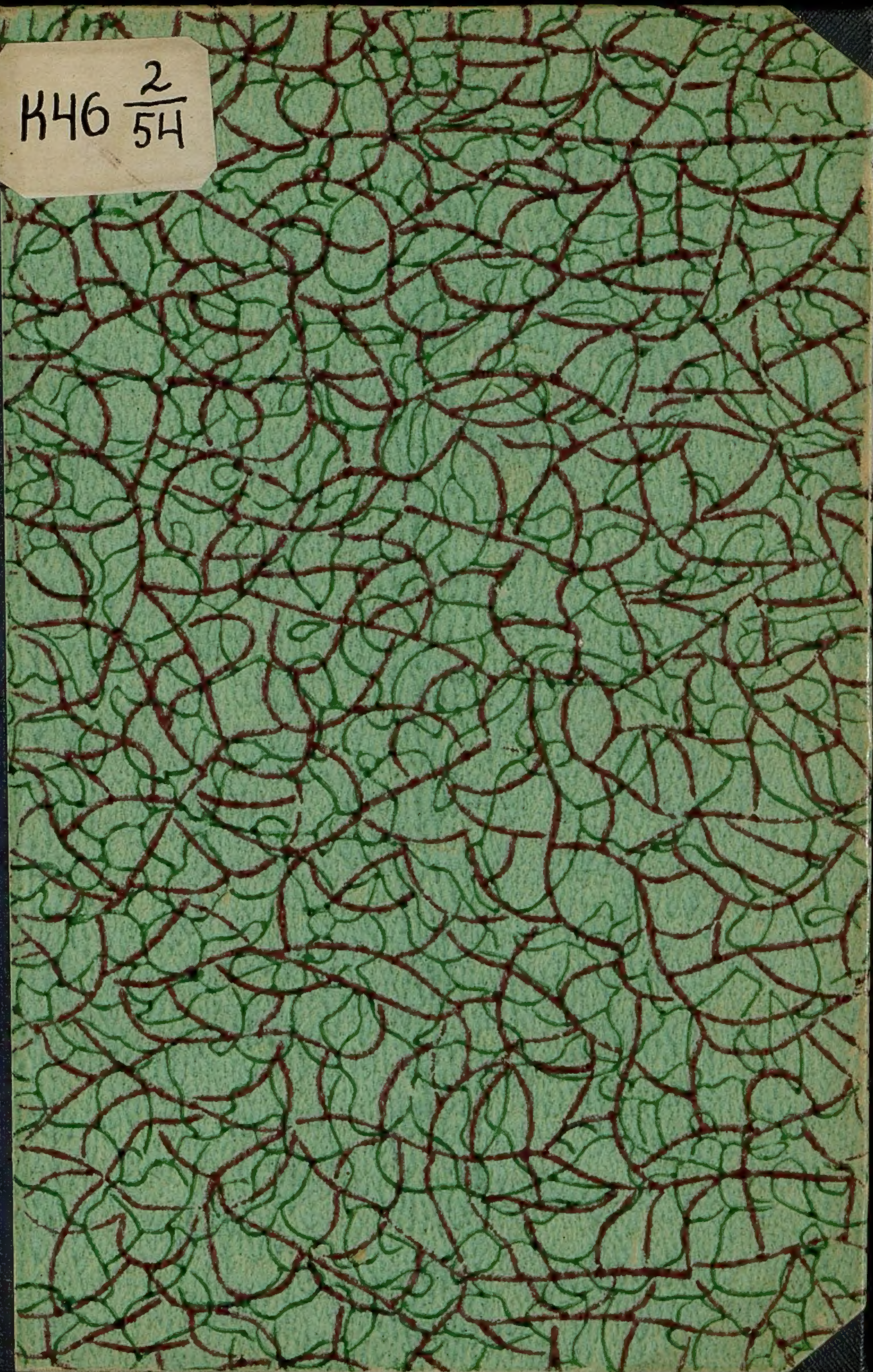
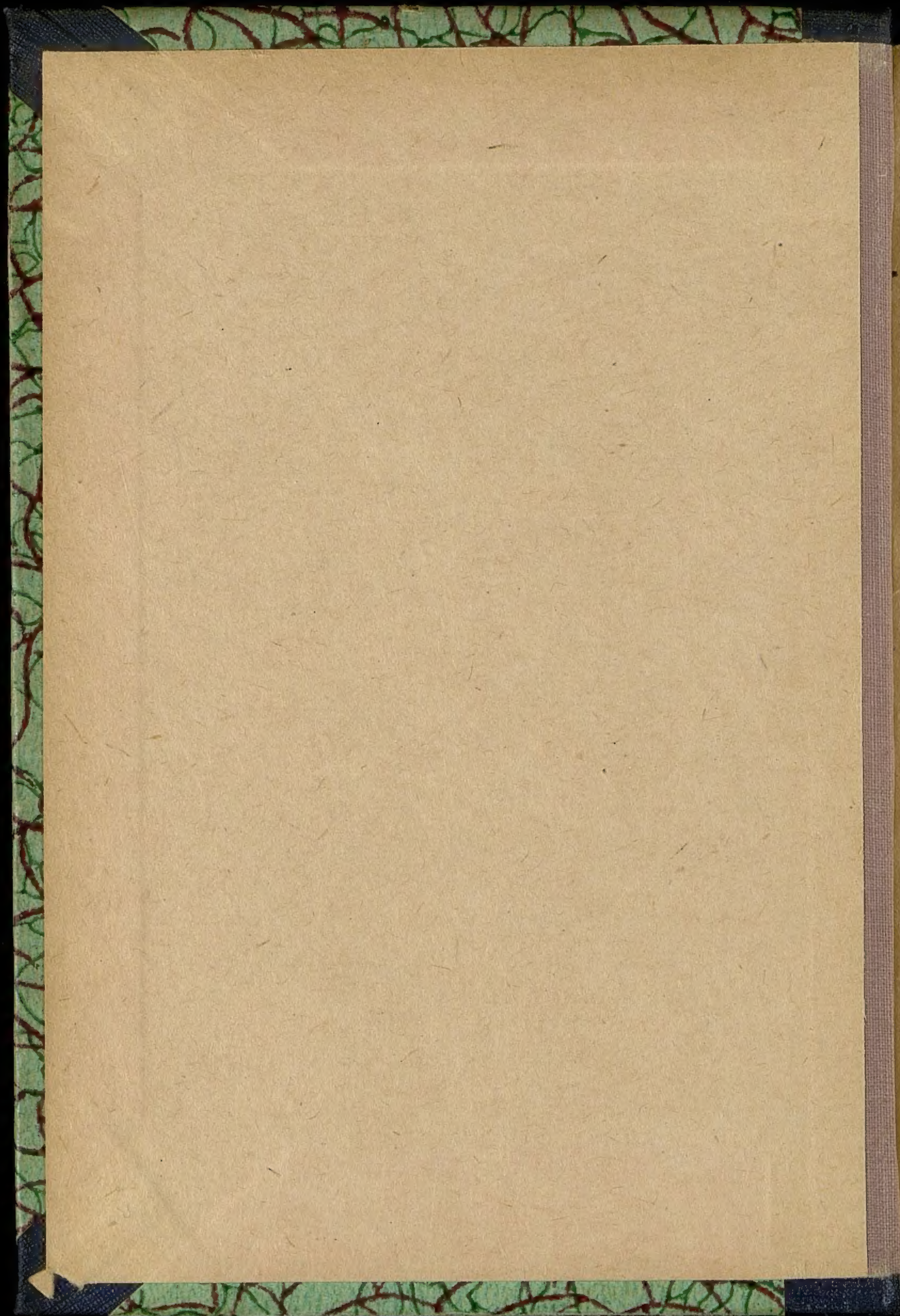
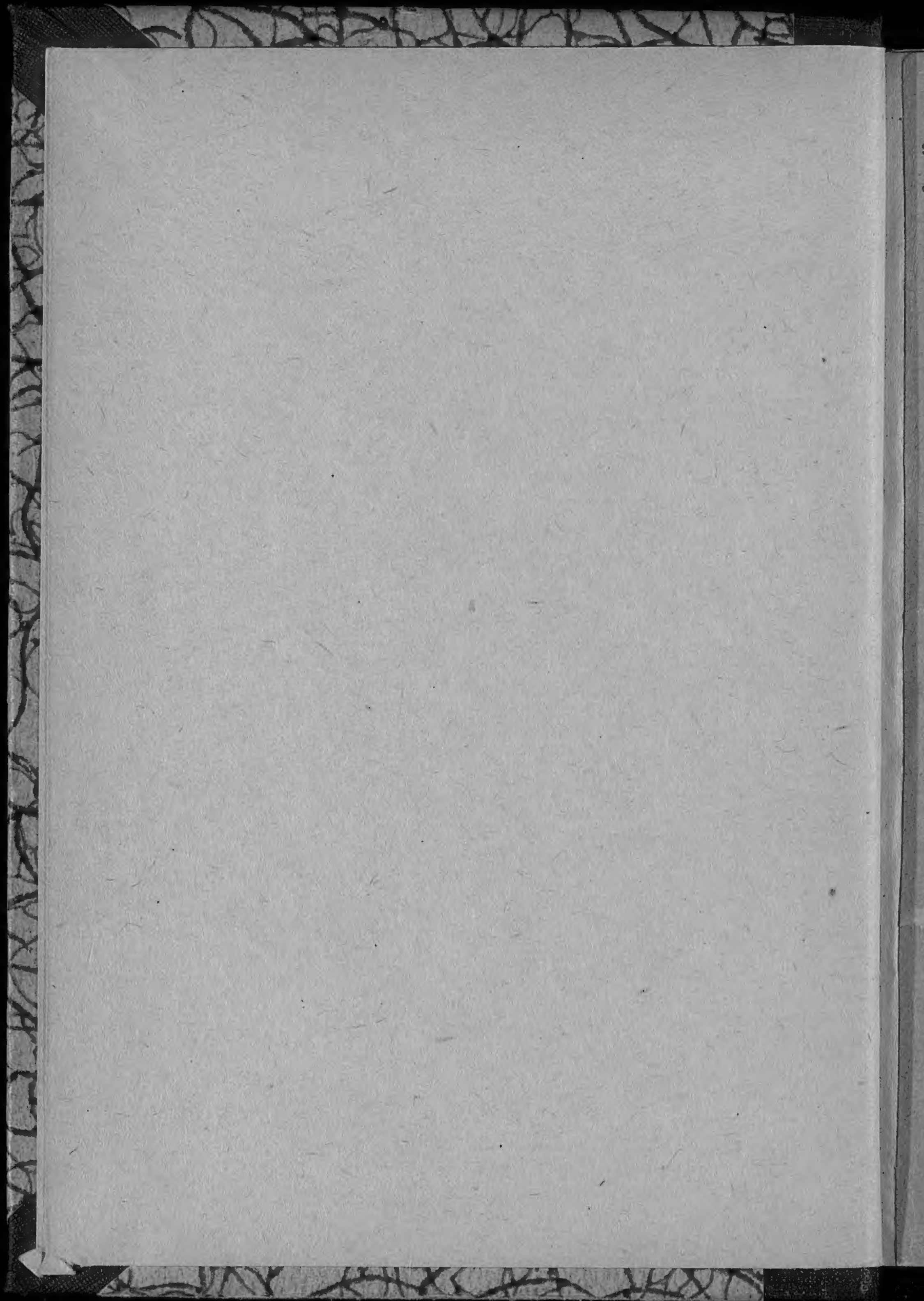

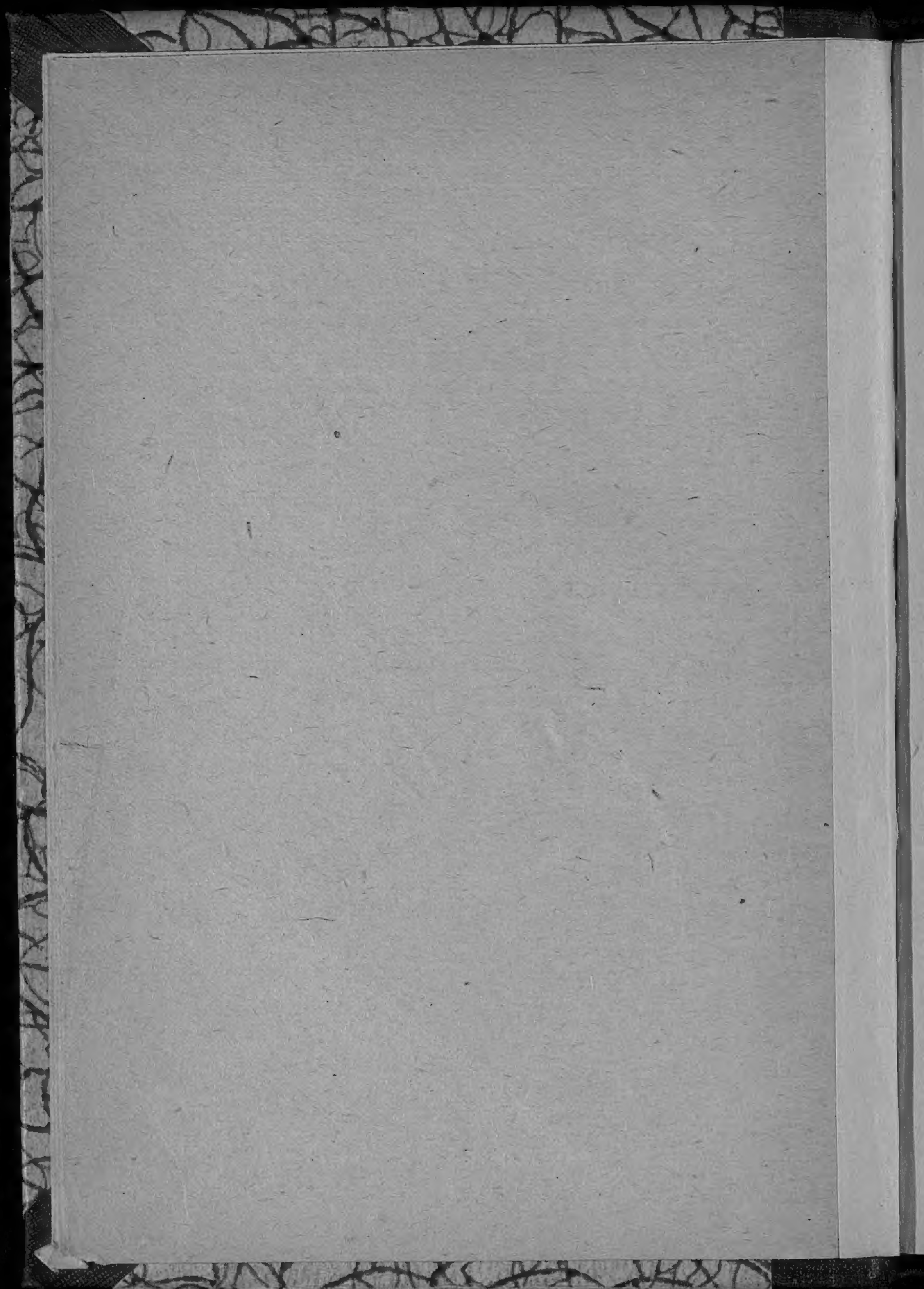
2 р. 40 к.

КИРИЛЛ
/БЕРЕЗОВСКИЙ/

ДРАМА В ТЕНДЕРОВСКОЙ БУХТЕ

ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ
В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. НЕВСКОГО И П. АНАТОЛЬЕВА

„КИРИЛЛ“ А. П. БЕРЕЗОВСКИЙ

ДРАМА В ТЕНДЕРОВСКОЙ БУХТЕ

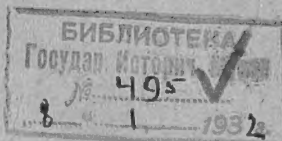
ПРЕДИСЛОВИЕ
А. ПАНКРАТОВОЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

Сдана в производство 26/XI 1930.
Подписана к печати 20/VI 1931.
Редактор П. Анатольев.
Техредактор А. Налимов.

М. Г. № 1524. Инд. Д-8—302/м Июль 1931
Ленинградский Областлит № 72655. Тираж 5 250. П. л. 18¹/₄. Авт. л. 12³/₄

11-я тип. ОГИЗа РСФСР „Молодая Гвардия", В. О., 5 лин. д. 28.

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ „ПОТЕМКИН“ И ЕГО РОЛЬ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

Переиздаваемая книга „Драма в Тендеровской бухте“ будет прочитана молодым поколением и перечитана старым с глубоким интересом.

Необыкновенно ярки, поучительны и живы еще и сейчас эти правдивые страницы, повествующие о революционной Одиссее восставшего броненосца. Вместе с тем этот драматический эпизод борьбы с самодержавием первого военного судна, поднявшего красное знамя восстания, полон глубокого исторического смысла и значения. Именно с этой стороной мы и хотим познакомить молодого читателя.

Восстание „Потемкина“ не было случайным эпизодом борьбы передового отряда революции. Оно вытекало из всей обстановки 1905 г.

Стачечное движение после 9 января захватило сотни тысяч рабочих Петербурга и перекинулось в промышленные центры России. Число стачек и количество стачечников возростало, свидетельствуя о вовлечении в движение все новых слоев рабочих. Стачки, начинаясь с экономических требований, быстро принимали политическую окраску.

Общий подъем в стране дал также повышение стачечной волны в Севастополе и Одессе. Связанное с военными заказами оживление в промышленности, работавшей на армию и флот, не принесло для севастопольских и одесских рабочих значительных экономических улучшений. К рабочим присоединились матросы торговых судов и портовые рабочие. Самые отсталые слои (например рабочие каменоломен в Одессе, грузчики и т. п.) вовлекались в борьбу, придавая движению небывалый размах. В мае стачечное движение рабочих Одессы уже выросло во всеобщую забастовку. В Севастополе в мае происходили политические и массовые сходки рабочих совместно с матросами. Революционизирующее влияние на армию и флот оказывало кроме рабочего также и крестьянское движение. Оно не было таким организованным, решительным и повсеместным, как рабочее движение. Но горючего материала в деревне, страдавшей от малоземелья, поборов и повинностей, было много. Не только деревенская беднота, но

и зажиточные элементы деревни, не имея и не видя выхода для развития капиталистического хозяйства вследствие многообразных остатков крепостничества, грозно и стихийно поднимались. Зарево помещичьих усадеб было своеобразным красным знаменем крестьянской революции. Для усмирения рабочих и крестьянских „бунтов" посылались войска. Но они подчас отказывались стрелять в рабочих и крестьян, хотя не осмеливались стрелять и в своих угнетателей. Даже буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция резче и отчетливее выражали свою оппозиционность в отношении самодержавия. Революция была в процессе вызревания и накопления сил.

Таким образом выступление „Потемкина" не было изолированным и случайным эпизодом.

Но нельзя также сказать, что „потемкинцы" были наиболее отважным, решительным и передовым отрядом революции во флоте. По своему составу, политической выучке и революционной сознательности матросов, а также по количеству и качеству своих вождей и руководителей „Потемкин" немногим отличался от других крупных военных судов Черноморского флота. Как-раз перед событиями команда „Потемкина" была докомплектована новобранцами—сырым крестьянским элементом, разбавившим спаянный и распропагандированный состав команды. События показали, что эта масса, способная легко воспламеняться, стихийно подниматься и самоотверженно бороться в моменты подъема, столь же легко остывала, поддавалась панике и провокации, представляя собой неустойчивый и ненадежный для форпостной борьбы элемент. Но и руководители восстания, о которых правильно было бы сказать „герои, но не вожди", были не на высоте. Колеблющаяся, нерешительная тактика в моменты, когда успех зависел от быстроты и революционной решимости, мягкосердечие в отношении своих классовых врагов, своеобразный „экономизм" и приспособление к стихийным настроениям масс, политическая неоформленность и неорганизованность большинства из них—все это не свидетельствует о политической зрелости вождей восставшего броненосца. И все же, начав свою борьбу с протеста против плохой пищи, восставшие „потемкинцы" быстро перешли к политическим лозунгам и стойко продержались одиннадцать дней. Объясняется это тем, что восстание на броненосце „Потемкин" было одним из звеньев стихийно развернувшейся массовой революционной борьбы. Оно должно было открыть своим выступлением общее восстание всего Черноморского

флота и при помощи последнего создать прочную вооруженную базу всероссийского восстания против самодержавия. Но оно произошло преждевременно и стихийно и оказалось не в состоянии объединить разрозненные выступления, за ним последовавшие, в мощное и организованное всеобщее восстание.

Каким же образом броненосец „Потемкин" пришел к восстанию и почему оно потерпело поражение, несмотря на ряд благоприятных для него обстоятельств и на всеобщее сочувствие рабочих и матросов?

Причины восстания кроются не только в тяжелых условиях жизни военных моряков, но особенно в той общей экономической и политической обстановке России, какая вызвала к борьбе широкие народные массы. Ко времени революции 1905 г. восстание было поставлено на очередь. Еще во время ростовской стачки 1902 г. и всеобщей стачки на юге в 1903 г. рабочий класс убедился, что в условиях самодержавия всякая экономическая стачка превращается в политическую борьбу, а последняя в своем развитии неминуемо перерастает в восстание.

Постоянные поражения на Дальнем Востоке, вся тяжесть которых перекладывалась на народные массы, падение Порт-Артура, расстрел безоружных рабочих 9 января, последовавшие за ним стачки, столкновения с полицией и войсками—все это революционизировало рабочие массы и делало для них необходимым и неизбежным вооруженное восстание.

Революционная социалдемократия (большевики) под руководством В. И. Ленина стремилась, чтобы весь рабочий класс воспринял эту революционную перспективу и организовал свои силы для грядущей борьбы. Но успех восстания рабочих мог быть обеспечен только переходом на сторону революции вооруженной силы, т. е. хотя бы части армии и флота. Армия—самое могучее орудие классового угнетения и опора самодержавия—должна была в лице передовых элементов перейти на сторону революции и выступить совместно с рабочими. Именно в этом направлении развернула свою агитацию в войсках революционная социалдемократия. События 9 января показали, что партия еще мало использовала свои связи в войсках и не имела никакой военной организации. Так, в начале 1905 г. создалась в Петербурге военная организация социал-демократической партии (большевиков) и массовая работа партии в армии и флоте.

Военный флот за последнее десятилетие перед русско-японской войной чрезвычайно усилился и преобразился. Гигантские броненосцы, крейсера, миноносцы, вооруженные и оборудованные по последнему слову военной техники, потребовали для своего обслуживания новый квалифицированный технический персонал. Хорошо подготовленные, развитые и энергичные рабочие-механики, машинисты, слесаря, даже чернорабочие и простые матросы, раньше подолгу плававшие и служившие на пароходах,—таков был преимущественный состав нового военного флота. Семилетний срок службы во флоте создавал из матросов дружный сплоченный коллектив.

Противоположным и глубоко враждебным лагерем во флоте был офицерский состав. Моряки-офицеры обособились в замкнутую, реакционную и высокомерную касту, смотревшую на матросов, как на низшую породу, были плохо технически подготовлены, время проводили в пьянстве, кутежах и картежной игре.

Именно на столкновениях с флотским офицерством познавали матросы первые уроки классовой ненависти и делали выводы о необходимости классовой борьбы. Причин для недовольства матросов было много. Казарменный режим, несправедливые наказания „драконов и скорпионов“, злоупотребления с выдачей пищи, одежды и жалованья, оскорбления словами и действием. Для революционной агитации и пропаганды среди моряков создавалась благоприятная почва.

В первые годы двадцатого столетия усилилась и социалдемократическая работа среди матросов Черноморья. Первыми агитаторами и пропагандистами были рабочие-социалдемократы, поступавшие во флот матросами, и рабочие портовых городов, заражавшие матросов своей революционностью. Социалисты-революционеры почти не пользовались среди матросов популярностью. Социалдемократы вели свою работу через кружки, сходки и специальные листовки, прокламации и литературу, распространяемую с большим искусством самими матросами.

„В 1903 г., в январе,— вспоминает один из первых революционеров - матросов тов. И. Яхновский, о своей работе в Черноморском флоте — в Черноморском флоте впервые появилась сплоченная организация РСДРП, готовая на упорную борьбу. Первые участники, находясь в разных экипажах, сходились в разных местах, делились нелегальной литературой, прокламациями, относили их каждый на свое судно, распространяли, вели пропаганду, агитацию, завербовывали новых и новых товарищей. Должен сказать, что во флот

направляли служить главным образом квалифицированных рабочих-металлистов с разных городов и заводов и только 30–35% крестьян из деревни; это облегчало пропаганду. В 1904 г. наше ядро организации связалось с портовыми рабочими, хотя офицерство флота всячески старалось не допускать какого бы то ни было знакомства матросов с рабочими".

В 1903 г. стали чаще появляться прокламации „Крымского Союза" РСДРП. Для борьбы с социалдемократической пропагандой и агитацией суда были наводнены шпионами. Из Симферополя были выписаны жандармы. Начались обыски и аресты. Но революционная пропаганда захватывала все большие массы, особенно большую роль сыграла для революционизирования матросов русско-японская война.

Разгром русской эскадры в то время, когда весь командный состав Порт-Артура находился на балу у адмирала Алексеева, затем отправка на верную гибель эскадры Рожественского чрезвычайно волновали черноморских матросов. Положение же их с назначением нового командующего флотом, адмирала Чухнина, значительно ухудшилось. Стремясь поднять дисциплину, Чухнин издал приказ о замене вольных рабочих матросами. Тяжелая работа не оставляла времени даже для минимального отдыха. Кроме того пища была ухудшена. Экипажи оказались переполненными, так как кроме новобранцев были призваны запасные. Говорили об отправке Черноморского флота в Японию, часть матросов без предупреждения была переброшена на пополнение Балтийского флота. Чухнин издал кроме того унизительный приказ, запрещавший матросам появляться на главных улицах и некоторых аллеях бульваров Севастополя. Недовольство росло и в ноябре 1904 г. вылилось в первое открытое выступление севастопольских матросов против начальства. Были разгромлены офицерские казармы и произошло столкновение матросов с солдатами. В результате несколько матросов было убито и ранено, 100 человек арестовано, многие активные матросы переведены на тяжелые работы и т. п.

Настроение среди матросов становилось все более боевым. В порядок дня стал вопрос о восстании.

Яхновский в своих воспоминаниях так говорит об этом новом этапе: „В 1904 г. мы уже начали подумывать о вооруженном выступлении. Должен отметить, что большинство из организованных матросов примыкало к фракции большевиков. Мы не могли ограничи-

ваться одними словами, литературой и прокламациями. Революционные силы росли во всей матросской толще"... Другой матрос-революционер, участник „потемкинского" восстания, Степан Денисенко рассказывает, что к началу 1905 г. идея восстания захватила уже многих матросов: „В 1905 г. матросы Черноморского флота бесповоротно решили перестать играть пассивную роль и как можно скорее помочь народу активным своим участием в деле его освобождения от так долго тяготевшего над Россией ига Романовых". В последние месяцы 1904 г. и в начале 1905 г. тайные собрания матросов в лесу и особенно возле Малахова кургана за Севастополем становились все многолюднее и революционнее. В некоторых из „массовок" участвовало уже 300—400 матросов. Севастопольский комитет за время с ноября по март организовал 11 „массовок" и распространил 12 000 экземпляров листовок, в которых разъяснял матросам условия их жизни и характер предстоящей борьбы. Самым популярным лозунгом среди матросов был лозунг „Долой войну". Сильное впечатление произвел листок, подписанный „матросами и учениками броненосца „Екатерина II". В нем требовалось:

1) сокращение службы во флоте до трех лет;

2) точное определение продолжительности рабочего дня;

3) выдача жалованья, достаточного для содержания семейств матросов;

4) применение к матросам тех же правил, что и к рабочим, для обеспечения их во время несчастных случаев и болезни;

5) расходование денег, назначенных на пищу матросам, под их контролем, закупка провизии матросами и выбор ими самими поваров.

Другие требования—отмена титулов, вежливое обращение офицеров, привлечение в состав судов половины его из матросов и т. п.— должны были обеспечить матросам гражданские и человеческие права.

2 апреля 1905 г. состоялась массовка, на которой присутствовавшие 194 матроса приняли резолюцию против войны. 1 мая матросы снова созвали большую массовку, на которой выступали социалдемократические ораторы. После Цусимской катастрофы, во время которой погибло 8 000 моряков эскадры Рожественского, боевое настроение матросов поставило уже вопрос о подготовке и разработке плана восстания всего Черноморского флота. Проект восстания разработала созданная ранее „Флотская централка", куда вошли депутаты от судовых команд.

Начинать восстание должен был броненосец „Екатерина II" во время морских маневров, когда все суда будут собраны в Тендеровском заливе.

Но морское командование, боявшееся боевого настроения матросов, приняло все меры для предупреждения возможного выступления. Наиболее активные матросы учебной команды „Екатерины II" были переведены на другие суда, с орудий были сняты замки и отобраны винтовки. А когда волнения на „Екатерине II" все же не прекратились и команда однажды вечером отказалась петь „благоверному императору", ее почти всю списали на берег.

Какова же была роль „Потемкина" в этих планах всеобщего вооруженного восстания?

Броненосец „Князь Потемкин" был как боевая единица наиболее важным и значительным судном. Его роль в восстании поэтому могла быть чрезвычайно велика. Вот почему на собрании 23 апреля при обсуждении плана восстания матросы других судов предлагали „Потемкину" выступить первому. На „Потемкине" находилось 740 матросов, 12 кондукторов, 20 офицеров и 30 рабочих-мастеровых. Из числа матросов человек 15—20 было убежденных социалдемократов, побывавших в социалдемократических кружках и державших связь с социалдемократической организацией. Вокруг них группировалось ядро человек в 50 революционно-настроенных, но ни к каким социалистическим партиям не примыкавших матросов. В моменты борьбы и подъема к ним более или менее твердо примыкало еще человек 300 матросов. Учитывая ненадежность половины команды—новобранцев,—„Флотская централка" отклонила предложение революционного ядра „потемкинцев" начинать восстание и предложила ему провести усиленную политическую обработку новой части команды. „Потемкинцы" обещали подождать.

Но при возбужденном настроении матросов и революционной атмосфере во всей России выполнить это обещание было не так легко. Достаточно было малейшего повода, чтобы вызвать стихийный взрыв возмущения, перешедший в восстание. Поводом к нему послужило тухлое мясо...

Хотя и преждевременно, „Потемкин" должен был открыть своим выступлением общее восстание всего Черноморского флота. Инструкция, разработанная участвовавшими в заговоре представителями революционных судов, предусматривала подробный план действий революционного ядра в момент восстания и непосредственно после него.

Инструкция рекомендовала беспощадно расправиться с командным составом, распределить обязанности между революционными, наиболее сознательными матросами, установить революционную дисциплину и порядок...

Далее „инструкция" подробно указывала, как воздействовать на эскадру, с целью поднять ее на восстание, а также как присоединить к восставшим армию и севастопольских рабочих.

По смыслу инструкции, восставший броненосец должен был стать сигнализатором и организатором всеобщего восстания рабочих, армии и флота.

Мог ли им быть и пытался ли им стать броненосец „Потемкин"? „Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно переходить в наступление. Оборона есть смерть для вооруженного восстания" (Ленин).

Понимал ли и придерживался ли такой революционной тактики открывший восстание броненосец?

Проанализируем с этой точки зрения его важнейшие действия. Когда читаешь потрясающие по правдивому драматизму страницы записок тов. Кирилла, то получается впечатление, будто успех был чрезвычайно близок и возможен и что только ряд мелких случайностей и ошибок сорвал его. Так, ошибочно оставили на свободе часть офицеров и кондукторов, случайно не узнали о сигнале революционеров Одессы о необходимости дальнейшей бомбардировки города, по ошибке или по случайной причине не послали к матросам присоединившегося броненосца „Георгий Победоносец" стойких и надежных матросов-агитаторов, случайно не встретились с восставшим „Прутом" и т. п.

Однако не случайна была вся эта цепь „случайностей" и ошибок, приведшая к поражению.

Боевых и решительных действий броненосец „Потемкин" почти не проявлял. Каждое же из его революционных и решительных действий не закреплялось, а наоборот—тормозилось, задерживалось и теряло достигнутые результаты. Победа над командованием была сведена на-нет гуманностью и оставлением в живых и на свободе части враждебных революции офицеров и кондукторов. Недостаточная революционная бдительность и неорганизованность сказались в том, что в состав руководящей „комиссии" были выбраны люди нестойкие и даже явные черносотенцы (как изменник—сигнальщик Ведермейер).

Командиром судна был намечен бесхарактерный и боявшийся революции офицер Алексеев. Несмотря на явную контрреволюционную, подрывную работу кондукторов, последние были оставлены на броненосце до конца. С другой стороны, руководители восстания вместо решительных и совместных боевых действий с революционными рабочими Одессы отдают свои силы, энергию и время на удовлетворение экономических нужд команды, плетутся в хвосте ее настроений и сомнений в отношении бомбардировки города, а после измены „Георгия Победоносца"—в отношении стихийного желания бежать в Румынию. Столь же стихийным и мало продуманным было и возвращение в Феодосию. Наиболее смелый и решительный шаг „Потемкина"—это встреча с эскадрой, посланной на его усмирение. Два раза „Потемкин" врезывается в самую середину эскадры, вызывает в ней дезорганизацию и без единого выстрела получает серьезное подкрепление—присоединившегося к нему броненосца „Георгий Победоносец". Но и эту свою наиболее значительную победу „Потемкин" не использовал и не закрепил. Не попытался присоединить к себе другие суда эскадры. Между тем, по свидетельствам современников и официальным документам, такая возможность была.

Известие о восстании „Потемкина" вызвало взрыв восторга не только среди рабочих Одессы, боровшихся с большим героизмом на улицах с полицией и войсками, но и среди рабочих и матросов Севастополя. Рабочие устроили большую демонстрацию в несколько тысяч человек, разогнанную конными частями. Запасные матросы, находившиеся в Севастополе, готовы были поддержать восставших с оружием в руках. „Настроение матросов было приподнятое,—пишет корреспондент газеты „Пролетарий".—Все сознательные товарищи хорошо знали о готовящемся восстании эскадры... Сознательными товарищами велась усиленная агитация, и на многих судах, а также и у нас, почти все команды были уже сагитированы. Поддержка ожидалась прочная. Уверенность в успехе была полная..." Но меньшевистский Севастопольский комитет не учел настроений и не предпринял решительных действий для организации восстания в Севастополе.

В дни восстания наиболее революционные матросы хитростью были разоружены и увезены в крепость. В течение одного дня в плавучие тюрьмы было посажено 1 500 матросов, к которым присоединили 700 восставших матросов учебного судна „Прут",

Что касается состояния самой эскадры в момент восстания „Потемкина“, то о нем адмирал Вишневецкий передает следующее: „В момент отдачи приказаний самый сильный корабль („Три святителя“), могущий противостоять „Потемкину, был без зарядов и с неисправною 6-дюймовою батареей“.

Подготовка к походу происходила тайно, чтобы матросы не узнали о восстании „Потемкина“ и не сговорились выступить в защиту и на помощь восставшему броненосцу.

Любопытно самое соотношение сил: вооружение эскадры, высланной против „Потемкина“, составляло 12 судов (броненосцы: „Ростислав“, „Три святителя“, „12 апостолов“, „Георгий Победоносец“, „Синоп“, минный крейсер „Казарский“, два контр-миноносца 4 миноносца) с общим водоизмещением в 54 349 тонн, с 3 486 чел. экипажа, с большой артиллерией и минными снарядами. Этой эскадре противостоял один броненосец „Потемкин“ и один миноносец с общим водоизмещением в 12 658 тонн, с 752 чел. команды. Встреча „Потемкина“ с эскадрой, как известно, кончилась безрезультатным уходом, почти бегством эскадры и присоединением к „Потемкину“ одного из больших броненосцев—„Георгия Победоносца“.

Адмирал Кригер созвал на броненосце „Ростислав“ военный совет из всех командиров эскадры и предложил послать в Одессу миноносцы с целью взорвать оба броненосца. Но командиры отклонили этот план, ссылаясь на „неблагонадежное настроение духа вверенных им команд, в большинстве своем, если не проявивших еще открыто солидарности с изменниками своему долгу, тем не менее довольно явственно выражающих свое нежелание действовать против восставших силою оружия“. При встрече с „Потемкиным“, после боевой тревоги, матросы неохотно готовили орудия, воздушные насосы оказались недействующими, вследствие чего нельзя было ни стрелять из орудий, ни выпускать мин. Кроме того указывали, что переход броненосца „Георгий Победоносец“ на сторону восстания настолько деморализовал матросов эскадры, что не только нельзя возвращаться к Одессе, но даже оставаться от нее близко, так как достаточно ничтожного повода, чтобы произошло восстание во всей эскадре.

Все эти факты свидетельствуют, что если бы восставший „Потемкин“ проявил больше революционной решимости и быстрого натиска, восстание, начавшееся без плана, могло бы также вылиться во всеобщее и даже иметь успех. Почему же все-таки оно потерпело поражение?

Конечно, все указанные ошибки и „случайности" сыграли свою печальную роль, но основной причиной поражения являлись не они. Скорее они были только следствием. Причиной же поражения восстания „Потемкина" была та же совокупность факторов, которая определила и поражение революции 1905 года в целом. В этом первом восставшем корабле, как в фокусе, отразилось то, что происходило во всей стране. Сила и слабость революции 1905 года в меньшем масштабе нашли свое отражение в восстании „Потемкина". Силой революции было пробуждение к борьбе громадных народных масс. Но неорганизованность движения, отсутствие четкого, единого руководства им со стороны революционной партии было ее слабым местом. Пролетарская борьба вызвала подъем крестьянской революции. Но размах и активность двух решающих сил революции не совпадали во времени и силе.

Следующая табличка характеризует размах движения рабочих, крестьян и солдат в 1905 году.

	Январь—март	Апрель—июнь	Июль—сентябрь	Октябрь—декабрь
Количество стачек рабочих (в тысячах)	777	444	265	1 223
Количество крестьянских выступлений (число случаев)	229	935	474	1 590
Количество солдатских и матросских выступлений (число случаев)	—	2	8	89

Как видим, стачечная борьба рабочих и крестьянско-солдатские выступления растут из месяца в месяц, но насколько даже количественно стачки превосходят выступления солдат и крестьян, достигающие только в 1906 г. наибольшего размаха и силы! Рабочее движение, в октябре достигшее максимального напряжения, не было поддержано с достаточной силой крестьянско-солдатскими выступлениями.

Точно так же летом 1905 года, когда поднимается волна крестьянских волнений, когда во флоте происходят большие восстания, рабочий класс, обессиленный предыдущими боями, уже не в состоянии был подняться на борьбу с прежней силой. На „Потемкине", как и во всей стране, активную роль играли рабочие-металлисты. Механики, машинисты, матросы минной, машинной, артиллерийской команд были руководящим революционным ядром броненосца. Но, как и в стране, они были в меньшинстве. Они не всегда могли отразить стихийный напор массы менее сознательных матросов. То, что произошло в малом масштабе на одном броненосце „Потемкин", в гораздо большем масштабе произошло во всем флоте. Разный социальный состав его, разная степень политической зрелости и революционной подготовки привели к разновременным действиям отдельных военных судов и отдельных частей флота.

Восстание „Потемкина" вызвало присоединение „Георгия Победоносца" и „Прута", продержавшихся недолго вследствие своей неподготовленности и неорганизованности. Июньское восстание во флоте, хотя и неудачное, забросило искру и вызвало пожар в гораздо большем масштабе осенью 1905 г. в Севастополе и Кронштадте. Жестоко подавленные, эти матросские восстания перебросили свои революционные лозунги в другие, позднее собирающие свои силы части флота. Происходят новые попытки восстания в Свеаборге и Кронштадте в июле 1906 г.

Таким образом все эти восстания во флоте представляют единую революционную нить, ведущую свое начало от восстания „Потемкина". Армия—плоть от плоти крестьянства—переживала те же революционные сдвиги. Частично, а главное разрозненно и несвоевременно она также становилась на сторону революции. И это первое революционное выступление армии и флота сыграло громадную роль.

„Русская армия объявила Европе об открытой войне народов с царизмом,—писал Ленин в статье „Русский царь ищет защиты от своего народа у румынского короля и турецкого султана".—Фактически русская революция делает этим попытку выступить от имени нового революционного правительства России. Несомненно, это лишь первая слабая попытка, но „лиха беда—начало", говорит пословица". Армия переходит и перейдет на сторону революции,—таков главнейший вывод, к которому приходит Ленин в результате потемкинского

восстания. „Царское правительство осталось без флота, самое большее, чего ему удалось пока добиться,—это удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец „Потемкин" остался непобежденной территорией революции, и какова бы ни была его судьба, перед нами несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии".

Какие же уроки и выводы делает В. И. Ленин из факта восстания „Потемкина" для партии и революции?

В той же статье („Революционная армия и революционное правительство") Ленин, словно предвидя ошибки руководства, пишет: „Наше дело теперь — поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное знамя свободы, способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие..."

Ленин не только писал, но и предпринял ряд шагов для помощи восставшим матросам. Он командировал для связи и руководства восстанием „Потемкина" представителя от ЦК большевиков, которому дал наказ: „Действовать решительно и быстро", связать действия восставших моряков с революционной борьбой одесских рабочих, а если не удастся, то батумских рабочих и гарнизона, заручившись на юге поддержкой революционной части крестьян. Так из своего эмигрантского далека В. И. Ленин стремился увязать обе революционные струи: рабочую и солдатско-крестьянскую. Слабость, а временами и отсутствие твердого партийного руководства помешали этого достигнуть. Идейный и организационный разброд в социалдемократических центрах юга, особенно в Севастополе и Одессе, привел к тому, что объединить движение и организовать его во всеобщее восстание рабочих, солдат, матросов и крестьян не удалось.

Одесская большевистская организация была разгромлена полицией как-раз накануне восстания „Потемкина". Большевистская типография провалилась. Наиболее активные большевики были арестованы. Организацией руководили меньшевики. Когда они узнали о восстании, они создали объединенную комиссию из представителей меньшевиков, большевиков и бунда. Меньшевики послали своих представителей на броненосец. Несмотря на свою субъективную революционность, посланные представители не могли овладеть и руководить

движением, тем более, что скоро они оказались совершенно изолированными от организации. Действовать решительно и быстро, как рекомендовал Ленин, вести массу к всеобщему восстанию меньшевики не могли, прежде всего исходя из своего отрицательного отношения к самой „идее восстания". В своих партийных решениях они указывали только на необходимость „вооружить рабочих жгучей потребностью восстания". Столкнувшись же не с „возможностью", а с реальным фактом, они растерялись и предоставили восставших их собственной судьбе. Одесская организация меньшевиков даже высказалась против бомбардировки города, находя это жестоким.

„Рабочие Одессы, как манны небесной, ждали бомбардировки,— пишет в своем письме член одесского социалдемократического комитета Мохов, — а социалдемократия вместе с буржуями высказалась против бомбардировки аристократических черноморских кварталов. Теперь настанет реакция, ибо, видно, организации слабы..."

Слабость руководства и отсутствие помощи восставшему броненосцу со стороны социалдемократии помогли контрреволюции собрать свои силы и по одиночке разгромить и рабочее движение и первое революционное восстание во флоте.

А. Панкратова

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Я не был матросом Черноморского флота. На броненосец „Князь Потемкин" я попал уже в момент восстания, когда он после „Драмы в Тендеровской бухте" бросил якорь на Одесском рейде. Я состоял членом одесского комитета РСДРП и вел подпольную работу среди каменоломщиков многочисленных каменоломен, разбросанных в окрестностях Одессы. Громадный митинг рабочих, собравшихся в порту в момент прихода броненосца, избрал меня в качестве делегата от рабочих и дал наказ объединить их восстание на берегу с восставшими матросами на море. Уже самими матросами я был введен, на основании этого наказа, в состав „судового революционного комитета". Позднее одесский комитет партии в свою очередь утвердил меня членом „судебного революционного комитета" также и от имени организации.

Все последующие события и моя деятельность на корабле довольно подробно изложены в печатаемых воспоминаниях.

У современного любознательного читателя могут возникнуть по прочтении „Драмы в Тендеровской бухте" еще два вопроса:

1. Что было с автором как активным участником восстания на броненосце с момента его сдачи в Румынии и до настоящих дней.

2. И вообще какое участие тов. Кирилл принимал в пролетарской революции еще до событий 1905 г.

Постараюсь ответить на оба эти вопроса.

В 1898 году меня выслали из Юрьева, где я был вольнослушателем университета, за участие в подпольном марксистском кружке и в „студенческих беспорядках" в западную Сибирь, в гор. Курган, под гласный надзор жандармской полиции и „без права продолжения своего образования в каких бы то ни было российских учебных заведениях".

Тогда достраивалась вновь проведенная Сибирская железная дорога и был большой спрос на рабочие руки. Я поступил путевым ремонтным рабочим, так как найти какой-либо другой заработок

„политическому поднадзорному“ было трудно. Проработав месяцев восемь, я был снят с этой работы местной жандармерией за якобы „вредное влияние“, распространяемое мною среди рабочих, работавших на линии. К счастью, мне подвернулись уроки русского языка среди иностранных контор, экспортировавших за границу масло наших маслодельных артелей, нарождавшихся тогда в массе по всей Тобольской губернии.

Мои „иностранные ученики“ впервые возбудили во мне мысль уехать за границу и там продолжать свое образование; при этом они выразили желание оказать мне свое содействие.

Я подал заявление куда следует; но „власти“ ответили, что сначала я должен отбыть воинскую повинность и что только после этого я могу рассчитывать получить заграничный паспорт.

Воинскую повинность мне предложили отбыть в гор. Тобольске.

Здесь, состоя на военной службе, я принял участие в организации подпольного марксистского кружка среди семинаристов духовной семинарии.

Вспоминая теперь это время, я очень счастлив, что один из первых участников этого кружка, Н. Н. Накоряков, в результате занятий в этом кружке, пошел тогда же по пути пролетарского революционного движения и сейчас, будучи членом ВКП (б) и членом правления ГИЗа, может служить живым свидетелем того счастливого юношеского прошлого.

Военную службу я закончил в начале 1900 года в чине ефрейтора запаса пехоты и тогда же уехал за границу, в Германию.

В Германии, в предместьях Берлина, в Гезундбрунене, я вначале был рабочим на различных фабриках и заводах. Был также и ночным наборщиком в типографиях.

Не имея средств и материальной помощи, пришлось первое время самому создать себе материальную базу для продолжения научного образования.

В это время я принимал участие в немецких социалдемократических организациях и состоял „нелегально“ их членом.

Кроме того я непрерывно работал в подпольных эмигрантских кружках среди русского студенчества.

Наконец я поступил в Высший технический институт в княжестве Ангальт, где и продолжал свое образование. В конце 1902 года я решил возвратиться в Россию, так как чувствовалось начало рево-

люционного пробуждения рабочих масс и крестьянского аграрного движения.

Возвратившись в Россию, я принял деятельное участие в организации казанского комитета РСДРП.

При развертывании своей работы в рабочих массах наш комитет „провалился", и я в числе других товарищей был арестован.

Активными участниками этого дела между прочим были Н. Н. Накоряков и Н. П. Брюханов.

Сначала я сидел в Казанской тюрьме, отсюда меня переслали в „Самарский централ", затем в Красноярскую тюрьму и в ссылку на север Енисейской губернии.

В Самарской тюрьме я познакомился тогда с тов. Джугашвили (Сталиным), с которым мы расстались в Красноярке, так как он был направлен в Иркутскую губернию. Это было в 1904 году. Но вот в феврале 1905 г. до глухой далекой ссылки долетают первые газетные известия о событиях 9 января в Петербурге. За этими событиями вся пролетарская ссылка невольно почувствовала начало громадных революционных событий. И в марте того же года я бежал из ссылки, перешел на „нелегальное" положение и вначале работал в самарском комитете партии, затем в московском. В Москве я работал под кличкой „тов. Мефодий". В 1905 году решено было всеми парторганизациями устроить в день 1 Мая открытое выступление всех организованных рабочих, увлечь массы и итти вплоть до вооруженного столкновения с полицией и жандармерией. Был подготовлен даже небольшой отряд „бомбометчиков". Выступление состоялось в Сокольниках и действительно самое широкое, самое грандиозное. Однако вооруженных столкновений не произошло по причине недостатка в оружии и огнеприпасах, а также вследствие того, что как-раз накануне „маевки" московский комитет РСДРП распался на две самостоятельные части: на „большевистскую" и „меньшевистскую" Это конечно сильно ослабило силы обеих подпольных организаций.

В результате начались массовые аресты и „разгром" партийных организаций.

По счастливой случайности мне удалось благополучно перебраться из Москвы сначала в Киев, а затем в Одессу, где с мая 1905 года и принял участие в партийной подпольной работе. Остальные события и мое участие в них читатель найдет ниже. Теперь вкратце постараюсь ответить и на второй вопрос.

Высадившись в Румынии, в Констанце, вместе с матросами-потемкинцами, я занялся при помощи Х. И. Раковского сбором документов и материалов, подробно освещающих всю обстановку восстания броненосца „Князь Потемкин". Однако в виду шпионажа заграничной охранки мне не пришлось долго оставаться в Румынии. При помощи того же Х. И. Раковского и его революционных друзей я конспиративно перебрался через границу и очутился в гор. Вене. Здесь я занялся литературной работой по составлению своих воспоминаний, на что потратил 3-4 месяца.

При этом я держал себя конспиративно, избегая излишних встреч и знакомств с революционной эмиграцией и не делая никаких публичных выступлений. Я поставил себе целью тщательно „очиститься" от всякой слежки со стороны заграничной охранки. Труд свой я закончил благополучно, и в 1905 году он был издан в Вене на немецком языке. Гонорар, полученный мной за эту книгу, дал мне возможность продолжать свою подпольную революционную работу. В ноябре я возвратился нелегально в Россию. В Ленинграде я был во время так называемых „дней свободы" и застал открытие I Государственной думы.

Однако, принимая участие в рабочем движении, я вновь навлек на себя подозрение охранки. У меня на квартире был произведен обыск, но в мое отсутствие, что дало мне возможность скрыться в Финляндию.

Здесь я свои воспоминания о восстании на Черном море написал на русском языке под названием—„Одиннадцать дней на Потемкине"...

В 1907 году в Петербурге книга эта была издана революционным издательством „Земля", но почти все издание было конфисковано и уничтожено. Теперь отдельные экземпляры этого издания имеются в Харьковском и Московском музеях революции.

В Финляндии по окончании книги я принял участие в местном рабочем движении и в организации известной в то время „Красной гвардии".

Но и тогда в конце-концов пришлось скрыться, несмотря на вполне надежный паспорт и документы „заграничного подданного", по которым я жил.

В начале 1907 г. я был уже на Урале и при участии тт. Цурюпы, Н. П. Брюханова, Н. Н. Накорякова и других принимал активное участие в издании партийной газеты „Южный Урал".

Газета эта выдержала одиннадцать номеров. А затем царские самодуры того времени опечатали типографию и разгромили нашу редакцию. Это совпало с выборами во II Государственную думу. Мне пришлось долго скрываться от ищеек охранки; затем я перебрался в Петербург, а оттуда в Донецкий бассейн. Я работал в Мариуполе, в партийных организациях заводов Никополя и Провиденса.

Здесь я был арестован и крепко засажен в Мариупольскую тюрьму. Однако, благодаря хорошим нелегальным документам, спокойствию, с которым я держался, и отсутствию провокации, я был освобожден под гласный надзор до окончательного разбора дела судом.

Конечно я тотчас же „исчез“ из Мариуполя на рыбацкой лодке, сначала в Таганрог, потом в Ростов, Москву и т. д.

В 1908 году я был арестован вновь в Нижнем-Новгороде. После долгого сидения выяснилось, что я арестован за побег из Сибири в 1905 году, так как меня опознал какой-то охранник по фотографической карточке.

Это дело было амнистировано, и департамент полиции, продержав меня довольно долго в тюрьме, опять-таки не найдя против меня новых улик, вынужден был освободить, выслав под гласный надзор в Сибирь, т. е. на место моей родины. Таким образом, я проработал в подполье „нелегальным“ с 1905 по 1909.

Вследствие легализации и висевшего надо мной смертного приговора по „Потемкинскому делу“ мне пришлось держаться очень осторожно и отстраниться от всякой партийной работы. Все это время (с 1909 года и по 1917 год) я работал среди крестьян в качестве агронома-кооператора.

После Февральской революции я не примкнул ни к одной из политических группировок, оставаясь „независимым марксистом“ (многие товарищи в шутку называли меня еще „диким марксистом“) и общественным работником на поприще борьбы за наши общие социалистические идеалы. В 1919 году я принимал участие в качестве сотрудника в редакции „Красного стрелка“ при штабе 5-й Красной армии, а затем в 1920 г. и по сие время работаю в области советского строительства и по выборам и по назначению, но главным образом как агроном в области колхозного строительства.

Да и сейчас, когда я пишу эти строки, я работаю в качестве районного агронома колхозсоюза Терского округа.

С 1898 по 1929 г. пройден довольно длинный путь общественно-революционной работы, но работы впереди остается еще очень и очень много, личные же силы и здоровье, как и каждого живого существа, имеют свои весьма узкие пределы. Однако вера в то, что наше дело никогда не умрет, а будет еще настойчивее, еще энергичнее продолжаться молодой сменой, идущей вслед за нами, дает полную возможность закончить спокойно то, что мы могли сделать по мере наших скромных сил и возможностей.

А. П. Березовский („Кирилл“

Село Арзгир, Терского окр.,
5 февраля 1929 г.

ОТ АВТОРА

Книга „Драма в Тендеровской бухте" до сего времени оставалась неизвестной для широкого круга читателей. Первый раз по условиям полицейского режима в России она была издана в 1905 году на немецком языке за границей. Русское же издание было выпущено впервые в 1907 году в Санкт-Петербурге, причем явочным порядком, без предварительной цензуры. После напечатания ее в количестве 10 000 экземпляров книга была конфискована охранкой и уничтожена в типографии и на складах издательства „Земля". Только небольшое количество удалось спасти.

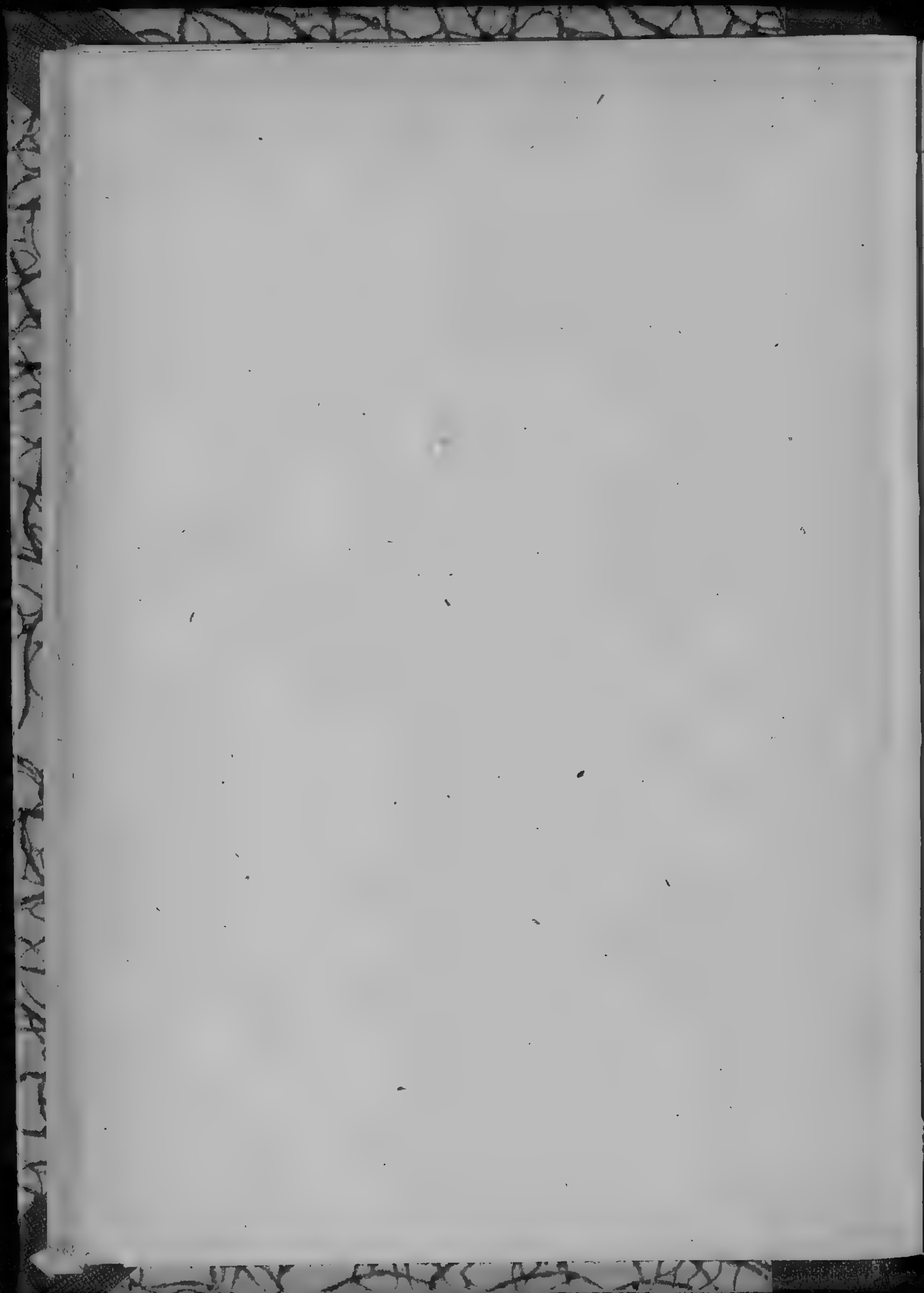
Препятствием к переизданию книги являлось то обстоятельство, что крайне трудно было отыскать хоть один экземпляр „Одиннадцати дней",—так была названа в первом издании моя книга. Во втором издании книги пришлось опустить главу, вводящую читателя в исторические события. Эти факты общеизвестны. Я дал описание тех событий и фактов, в гуще которых мне довелось быть или которые я слышал от непосредственных участников движения.

По соображениям технического порядка книгу пришлось немного сократить и сделать ряд стилистических исправлений по сравнению с первым изданием, наскоро написанным.

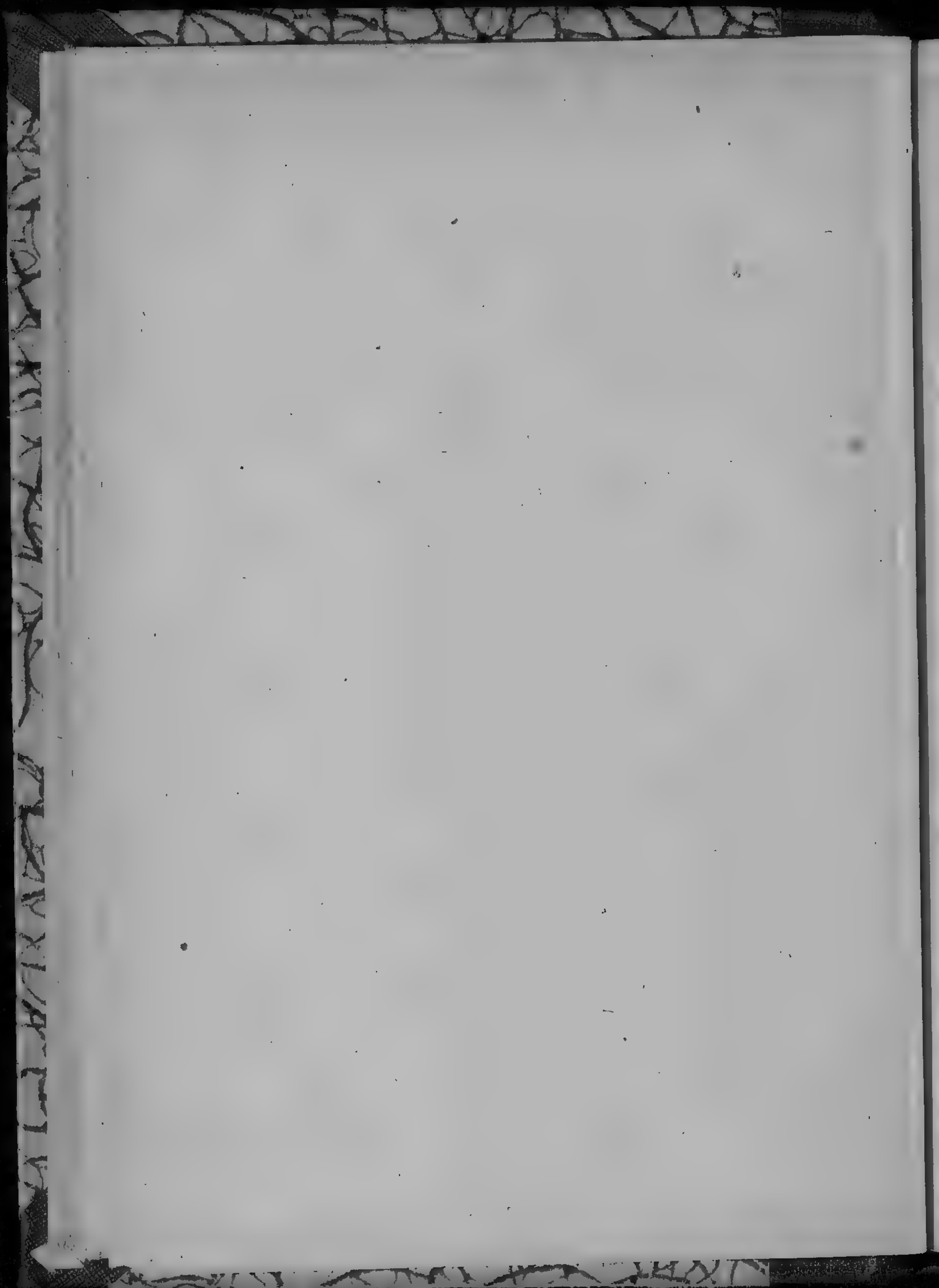
Ряд примечаний, текст воззваний и обращений, отправленных „Потемкиным", редакция из текста перенесла в примечания.

А. П. Березовский („Кирилл")

Село Павловское,
Кубанск. округа
1928 г.

ДРАМА
В ТЕНДЕРОВСКОЙ БУХТЕ

Глава первая

СОБЫТИЯ В ОДЕССЕ

Одесская жизнь еще с первых чисел мая 1905 года стала выходить из своей обычной колеи. «Забастовка», распространившаяся с момента разорительной японской войны почти по всем городам и промышленным центрам России, захватила своей волной и Одессу.

Первые стачки возникли здесь среди городских ремесленников — портных и сапожников. Все они единодушно добивались улучшения своего тяжелого материального положения и невыносимых условий труда. Ничтожная сдельная плата, чрезмерно продолжительный рабочий день, доходящий до 14—16 часов в сутки, антисанитарная обстановка, грубое, унизительное обращение и отсутствие даже крупицы фабричного законодательства, которое так или иначе охраняло от беззастенчивой эксплоатации рабочих крупных заводов, делали существование одесских ремесленников нечеловеческим. Ни досуга, ни отдыха, ни разумных здоровых развлечений, которые скрашивали бы их беспросветную жизнь. И все это при полном политическом бесправии.

Поэтому естественно, что вследствие общего ухудшения в положении наемного труда благодаря вызванному войной экономическому застою страны и отражению

его на местной торговле и промышленности городские ремесленники первые не выдержали усугубления своей нищеты и вступили в борьбу со своими хозяевами, устроив ряд стачек.

Стачка, начавшись с одной отрасли труда, быстро заражала рабочих и других ремесел, положение которых было одинаково плохо и тягостно. Прекратившись у портных, забастовка возникала сейчас же у сапожников, а за сапожниками поднимались пекаря и т. д.

Она вспыхивала также и на крупных фабриках и заводах. Так были вовлечены в общее стачечное движение почти все местные отрасли производства, за самым незначительным исключением. Однако забастовка еще не была всеобщей и носила скорее характер пароксизмов перемежающейся лихорадки [1]. Протекала она пока безо всяких бурных проявлений.

Но при наших самодержавно-полицейских порядках, когда на рабочего привыкли смотреть только как на безгласную, вьючную скотину, никакая мирная борьба невозможна. Самый факт проявления человеческого достоинства и предъявления элементарных требований со стороны трудящегося человека считался по основным законам русского деспотизма уголовным преступлением. Поэтому неудивительно, что всякое массовое выступление рабочих, начавшееся в экономической области, заканчивалось почти всегда стихийным политическим взрывом и кровавыми жертвами. Так было и в данном случае.

Рабочие-стачечники, вырвавшись из душных мастерских, собирались постоянно большими толпами на перекрестках улиц и по чайным, трактирам. Живое обсуждение текущих дел борьбы, чтение газет, разговоры

о войне [2] и связанных с нею социально-политических событиях вносили в среду рабочих небывалое дотоле одушевление и интерес ко всему совершавшемуся на нашей родине. С большим вниманием и охотой слушали они своих передовых товарищей, являвшихся в большинстве случаев главными руководителями стачки и вообще идейными вожаками местных рабочих.

В Одессе существовала русская и еврейская социалдемократические организации, которые в этот период общего социально-политического пробуждения широких рабочих масс проявили энергичную деятельность [3]. Ежедневно устраивались митинги, собрания; на улицах произносились речи на политические и революционные темы и распространялись в громадном количестве всевозможные воззвания и прокламации.

Все это делалось конечно при полном отсутствии какой-либо гражданской свободы.

Социалдемократическая агитация обостряла классовую ненависть рабочих масс к предпринимателям и фабрикантам, будила их политическую мысль, указывая на их решающую общественно-политическую роль в делах всей страны, усиливала и без того возбужденное настроение.

Среди других слоев городского населения, выведенных стачкой из своего обычного образа жизни, господствовало не менее нервное настроение.

Скрытое недовольство российскими неурядицами тлело почти повсюду.

Если к этому прибавить еще настроение ежедневной печати, переполненной сведениями о стачках, демонстрациях и кровавых событиях других городов, если прибавить сюда сенсационное известие о позорном

Цусимском поражении и тысяче погибших в море родных людей, станет вполне понятной та напряженная общественная атмосфера, которая создалась в то время в Одессе. Подобное настроение будило революционное самосознание среди самых отсталых слоев рабочих и ремесленников.

Многие фабриканты и заводчики, раздосадованные забастовкой рабочих в то время, когда их предпринимательская прибыль и без того сильно страдала от общего застоя в торговле и промышленности, не хотели и слушать о каких-либо уступках стачечникам. Даже такие требования, как «вежливое обращение» с рабочими, некоторые из хозяев не считали возможным удовлетворить.

Это еще больше обостряло борьбу, бессмысленно затягивало ее и страшно озлобляло рабочих. Гонения же полиции и всякие препятствия с ее стороны к свободным собраниям рабочих и совместному обсуждению своих дел окончательно переполнили чашу.

Наиболее развитым средоточием фабричной и заводской промышленности в Одессе является предместье под названием «Пересыпь».

Отделенная от города дугообразной, высокой железнодорожной насыпью, Пересыпь непосредственно примыкает продольной своей стороной к морю и к северной части корабельного порта. Две широких прямых улицы, начинаясь мостами под железнодорожной насыпью, идут параллельно берегу. Почти на всем своем протяжении они застроены фабриками, машиностроительными заводами, мукомольными мельницами, громадными портовыми мастерскими и всякими промышленными заведениями. На выезде, уже совсем в степи,

виднеется ряд высоких труб от обжигательных печей кирпичных заводов.

Наиболее оживленная улица этого предместья—Московская. На ней расположено большинство лавок и магазинов и все местные общественные учреждения.

Густо скученное пересыпское население состоит исключительно из рабочих.

Бедность и многочисленная детвора, бегающая и ползающая около своих домов — типичные явления этой части города.

Вот в этом-то предместьи стачка имела наиболее яркое свое проявление, завершившись в конце-концов дикой вооруженной расправой казаков с беззащитными забастовщиками.

В самом начале стачки рабочие местных фабрик и заводов выбрали из своей среды руководителей.

«Уполномоченные» собирались почти ежедневно, конечно тайком от полиции, и обсуждали все текущие дела. Они вырабатывали общие требования, объединяли средства борьбы, заведывали сборами стачечных средств и их распределением, вступали в переговоры с предпринимателями и административными властями. «Уполномоченные» тайно вели сношения с социалдемократической организацией, руководившей идейно всем рабочим движением. Благодаря этому стачка была упорной и приняла скоро весьма острый оборот.

Некоторые заводы бастовали уже больше четырех недель.

Рабочие проели свои ничтожные сбережения, заложили и продали все, что можно было продать. Стачечных средств нехватало, и многие семьи голодали. Упорству же предпринимателей не видно было и конца,

и многие из них готовы были даже с легким сердцем закрыть свои фабрики вследствие их малой доходности. Это вносило нетерпение, ожесточение и возбуждение в самые широкие слои изголодавшегося пролетариата.

Первоначально мирное настроение рабочих быстро перерождалось, и взамен его скрыто назревало революционное возбуждение. Даже самые недальновидные, по мере того как безрезультатная стачка затягивалась, начинали понимать, что упорство предпринимателей черпает свою силу в невозможности уступить, когда производство стало почти убыточным. Они стали понимать, что в основе всех их теперешних бедствий лежит разорительная война и преступная политика самодержавного русского правительства.

Социалдемократы конечно, вполне сознательно развивали и доказывали то, что стихийно назревало в головах самих рабочих. Произносились горячие политические речи на ежедневных громадных митингах рабочих перед забастовавшими фабриками и заводами. Издавались и распространялись нашими организациями тысячи летучих революционных листков и прокламаций, призывавших рабочих к борьбе с самодержавием и со всем капиталистическим строем.

Все эти призывы толкали сознание рабочих перенести центр тяжести своей борьбы из узкой экономической области повседневных интересов на широкую политическую арену.

Да и сама окружающая общественно-политическая жизнь неумолимо вела к тому же.

К середине июня настроение было уже настолько напряженным, что достаточно было малейшего повода для вспышки бурного революционного взрыва.

Все это произошло без всякого организационного участия местных революционных групп, и тем более этот стихийно назревший в массах взрыв мог послужить верным показателем надвигающихся политических событий.

12 июня вечером выборные от рабочих и заводов в числе 20-30 человек собрались опять для решения вопроса о том, как выйти из тяжелого положения затянувшейся стачки.

Рабочие, выросшие за почти месячный период борьбы, почувствовавшие в себе человеческое достоинство и перенесшие уже много нужды и лишений, не хотели теперь приступать к работе на прежних унизительных условиях. Но и многие из фабрикантов не хотели делать никаких уступок рабочим.

Экономическая борьба зашла в тупой угол, так как мирные средства были уже все использованы и для большинства заводов не дали положительных результатов.

Как выйти из этого положения?

Что предпринять дальше?

Как отнестись к репрессиям властей и полиции?

Для обсуждения всех волнующих вопросов выборные от рабочих решили собраться, пригласив к участию на совещание и представителей социалдемократической организации. Собрание должно было происходить за городом, на берегу моря. Но лишь только рабочие начали сходиться, как их окружили солдаты и полиция. Почти всех арестовали и развезли по различным участкам и тюрьмам.

13 июня уже вся Пересыпь знала о втором аресте уполномоченных и с раннего утра была охвачена необычайным волнением.

Полиция же, чувствуя поднимающийся народный пожар, принялась его тушить, подливая по своему обыкновению только масла в огонь, и этим ускорила надвигающуюся кровавую развязку.

10 июня утром «уполномоченные» были вдруг арестованы и заперты в полицейский участок. Догадливые власти думали этим вероятно сразу положить конец волнениям, но результат получился обратный.

Весть об аресте «уполномоченных» распространилась по Пересыпи. Моментально перед полицейским управлением, где сидели арестованные, собралась толпа рабочих в несколько сот человек и стала требовать освобождения своих выборных товарищей или же настаивала посадить под арест их всех.

Толпа была решительно настроена и грозила разгромить весь полицейский участок в случае промедления в удовлетворении ее требования.

Полиция струсила перед неожиданным взрывом негодования со стороны рабочих и благоразумно поспешила освободить арестованных уполномоченных.

Толпа встретила выходящих товарищей криками «ура» и вместе с ними двинулась по Московской улице. По пути были сняты с работы грузчики, и, увеличившись до 1 000 человек, стачечники направились дальше. Запели одну революционную песню, потом другую, и так, с демонстративным пением, прошли дружной громадной толпой почти всю Московскую улицу. На углу остановились и, расхватав кем-то принесенные прокламации, стали расходиться по домам, разнося с собой по всей Пересыпи возбужденные возгласы:

«Долой полицию!» «Долой правительство!»

«Да здравствует всеобщая забастовка!»

Я еще не знал о происшедшем и случайно проходил по Московской улице. Меня поразило крайнее оживление в ранний час. То-и-дело навстречу попадались группы рабочих, возбужденно обсуждающих возмутительное поведение полиции и властей, и отборные крепкие выражения сыпались по их адресу. У ворот домов и на перекрестках улиц скопились значительные толпы. Один из рабочих, с негодованием в голосе, жестикулируя, рассказал мне о новой выходке административных властей.

Убедившись, что положение действительно серьезно, я поспешил в город предупредить членов организации о надвигавшейся грозе.

Шнырявшие полицейские почуяли приближение опасности и что-то замышляли, шушукаясь с околоточными и приставами.

В городе я никого из товарищей не мог отыскать и вернулся на Пересыпь.

Был десятый час, когда я подъехал на конке к мосту, от которого начинается Московская улица.

Мне бросилось в глаза царившее на ней смятение. Вагоны конок стояли без лошадей. Лавки и магазины были заперты.

Тротуары были переполнены взволнованно-снующими людьми.

С нахальным видом разъезжали по улице конные полицейские, мимо прошла рота солдат с барабанным боем.

Женщины плакали, громко проклинали правительство и торопились увести с улицы своих детей.

Кругом раздавались раздраженные крики и стоял невообразимый шум.

Меня охватило предчувствие уже свершившейся драмы. Я быстро направился по Московской, думая встретить кого-либо из знакомых.

В конце этой улицы стояли спешившиеся казаки; они слезли с лошадей и раскуривали «цыгарки». Тут же, неподалеку, расположились бивуаком солдаты перед сложенными в козла ружьями и о чем-то беседовали с окружавшими их рабочими. Поперек улицы валялись перевернутые на бок вагоны конки, телеги и обломки всякого дерева.

Меня кто-то схватил за плечо. Обернувшись, я увидел своего товарища по организации. Он был страшно бледен, и нервная дрожь передергивала ему все лицо.

— Уже расстреляли! Федор тоже убит, — глухо, с рыданием в голосе, обратился он ко мне.

— Кого расстреляли? — невольно вздрогнув, спросил я товарища, все еще не догадываясь о происшедшем.

Страшно волнуясь, он рассказал о случившемся. Он принимал участие в этом событии.

Узнав утром о вчерашнем аресте полицией своих «уполномоченных», рабочие стали толпами стекаться к машиностроительному заводу Гена, находящемуся в конце Московской улицы. Сюда же пришла и часть выборных, случайно уцелевших от ареста. Человек 800 расположившись плотным кругом, стали ожидать прибытия товарищей с других фабрик и заводов, где должны были произойти выборы новых уполномоченных взамен арестованных.

Они мирно стояли и обсуждали свои дела, не подозревая о кровавых замыслах полиции. Вдруг перед заводом явился пристав с полусотней верховых каза-

ков и стал грубо требовать, чтобы рабочие или разошлись или вошли во двор завода.

Не желая попадать в ловушку, рабочие ответили ему, что во двор они не пойдут, так как им здесь удобнее, и добавили, что расходиться по домам они тоже не будут, ибо собрались обсудить свои неотложные дела.

Пристав резко и грубо настаивал на своем, угрожая разогнать их плетьми. В ответ на это рабочие, и без того ожесточенные против полиции арестом своих товарищей, начали оглушительно «шикать» и свистать.

Пристав отъехал с казаками в сторону, а рабочие, думая, что он уже отвязался от них, успокоились и мирно уселись на земле.

Но не прошло и пяти минут, как казаки, по данному приставом знаку, выхватили нагайки и, бросившись во весь опор на сидящих рабочих, начали их нещадно бить направо и налево и топтать лошадьми. Толпа в паническом страхе бросилась сначала бежать, но кто-то из товарищей крикнул:

— Камнями их, мерзавцев!

И в миг в казаков полетели тысячи камней, лежавщих тут по случаю ремонта улиц.

Первый камень попал в голову офицеру, и он упал с лошади с раздробленным черепом.

Жаркая схватка продолжалась минут пять.

Полусотня башибузуков не выдержала дружного натиска разъяренной толпы и ударилась в бегство.

Рабочие, воодушевленные победой, бросились с криками и гиканьем за ними, осыпая удиравших казаков дождем камней. Толпа преследующих увеличивалась присоединяющимися группами рабочих.

Беглецы дали карьер и скрылись в переулок. Почти в это же время перед рабочими, как из-под земли, выступила откуда-то из боковой улицы еще сотня казаков.

Толпа остановилась и попятилась назад...

Раздался предательский залп без всякого предупрежденья, и пули засвистели роем.

Все бросились в паническое бегство, давя друг друга. Двое рабочих было убито на месте и несколько ранено. Первым из убитых оказался наш товарищ социал-демократ, Николай Медведев, он же «Федор»[4]. Пуля попала ему в сердце, и он моментально скончался.

Рабочие подхватили труп этого честного пролетарского борца и внесли его в ограду завода Гена, окружив товарищеской охраной.

Другая часть смельчаков начала строить баррикаду, переворачивая поперек улицы вагоны конок и проезжие телеги.

Казаки, совершив свое кровавое дело, отошли к одной стороне улицы и расположились бивуаком.

*

Пересыпь обратилась буквально в революционное предместье, куда толпами устремлялись как городские рабочие, так и прочая любопытная публика.

Самые забитые и темные в политическом отношении слои рабочих после этой жестокой расправы открыто кричали:

— Оружия дайте нам, оружия!

— Где же бомбы?! — в возбуждении спрашивали другие.

Даже дряхлые старики, казалось бы сжившиеся уже за свою долгую жизнь со старыми порядками, и те кричали:

— Вот оно, правительство, до чего доводит.

— Убить их, мерзавцев, за это мало!

По улицам шли все новые и новые войска, провожаемые злобными взглядами рабочих.

Зловеще раздавался рев гудков останавливаемых фабрик и заводов, которые кое-где еще работали.

Около часу дня в начале Московской улицы, на мосту и полотне железной дороги, а также внизу образовалась громадная толпа рабочих, увеличивающаяся непрерывно прибывающими рабочими и прохожими из публики.

Движение поездов прекратилось, так как толпа не пропускала их.

На верху насыпи, поодаль от моста, стоял неподвижно паровоз, из которого забастовщиками были выпущены пары. Машинист был прогнан, и мальчуганы-подростки то-и-дело вскакивали на него, дергали за ручку и оглушительно свистели остатками пара.

Со стороны Пересыпи подъехала сотня казаков с двумя офицерами впереди. Толпа окружила их и стала стыдить за невиннопролитую рабочую кровь. Офицер сконфузился и начал уверять, что он никогда не будет ни стрелять в народ, ни избивать его нагайками. Он даже подал будто бы своему начальству заявление об отказе от участия в делах полиции.

Тогда рабочие стали настаивать, чтобы он уезжал со своими казаками.

Офицер отдал команду, и сотня казаков, повернувшись кругом, уехала в правый переулок, где слезла с лошадей и мирно расположилась на мостовой,

На мосту начали выступать ораторы социалдемократы и другие. Многочисленное собрание превратилось в бурный, возбужденный митинг.

Было далеко за полночь, а толпа все стояла и слушала речи.

Что происходило в городе дальше я не видел, так как отправился за город, на Хаджибейский лиман, чтобы там организовать среди каменоломщиков, с которыми я работал в шахтах, поддержку восставшим городским рабочим.

Слышал я после, что в эту ночь опять стреляли по рабочим, когда они хотели остановить городскую электрическую станцию.

14 июня волнения, возникшие на Пересыпи, распространились и охватили весь город. Вот как описывают их товарищи, принимавшие в нем самое живое участие.

Точно молния пронесся по городу слух об аресте уполномоченных на Пересыпи, о стрельбе казаков по рабочим и о жертвах казацких пуль.

По многим мастерским и заводам в городе с понедельника рабочие побросали работы и призывали всех остальных товарищей присоединиться к ним и выходить на улицу. К вечеру на Преображенской и Базарной собралась толпа, устроившая манифестацию...

На следующее утро, к девяти часам, на углу Ришельевской и Греческой толпа рабочих ожидала листков с призывом к всеобщей политической забастовке. Здесь же решено было разделиться на отряды для того, чтобы снимать с работы еще небастовавших. В это время мимо прошел надзиратель и предложил разойтись.

Рабочие двинулись по Ришельевской; часть же — по направлению к Полицейской. За ними пошел надзиратель. Не прошло и пяти минут, как два товарища были арестованы и посажены на дрожки «под конвоем» городового. Один из рабочих побежал за извозчиком и выстрелил в воздух. Лошадь испугалась, поднялась на дыбы и заплясала на месте. Раздался второй выстрел, после чего дуло револьвера направили в упор городовому. Он соскочил с извозчика и удрал.

Арестованные вновь смешались с толпой.

На углу Успенской и Пушкинской наши организованные товарищи с бундовцами снимали работающих в типографиях Диклера и «Прогресс». Вместе со снятыми образовалась значительная толпа и направилась вверх по Успенской, к чайной фабрике Высоцкого.

На углу Успенской и Канатной точно из-под земли выскочил околоточный.

Никто не подумал о возможности появления полицейских.

Увидев околоточного, толпа на минуту замедлила ход, но сейчас же двинулась вперед. Блюститель порядка стал созывать дворников, которые почему-то не появлялись. Толпа продолжала итти; околоточный, схватившись за саблю, хотел преградить ей дорогу, но, побоявшись угроз, стал обходить толпу по Канатной улице, направляясь к воротам фабрики Высоцкого. Здесь он снова пытался остановить рабочих. Из толпы раздался выстрел, и околоточный побежал без оглядки в участок.

Рабочие предоставили ему собирать полицейских, а сами вызывали работающих. 500 человек присоединились к толпе и направились по Канатной улице

к типографии Левенсона. Рабочие последней присоединились к бастующим.

На углу Канатной и Еврейской рабочие остановились. Предстояло итти на Ново-Рыбную, где находилось много мастерских.

Со стороны Троицкой появился наряд полиции. Рабочие медленно стали поддаваться назад.

Со стороны Карантинного переулка появился новый наряд, среди которого были и хулиганы-погромщики. Объединившись, оба отряда набросились на безоружную толпу и стали избивать всех без разбора.

Среди рабочих было больше половины девочек-подростков с чайной фабрики Высоцкого. Девочек только-что сняли с работы. Радостные, они шли с толпой взрослых рабочих с фабрики Левенсона.

Толпа с громкими криками, страшно возбужденная, двигалась навстречу быстро приближавшемуся отряду городовых.

Началось поистине дикое избиение.

Раздалась частая револьверная пальба и отчаянные крики растерявшихся девушек.

Полицейские шашками зверски рубили отдельные кучки рабочих. В результате—множество избитых и до десятка сильно изрубленных шашками.

Одну девушку изрубили на-смерть.

Разбежавшаяся толпа быстро собралась и продолжала останавливать работы в других мастерских. В это время раздались залпы с Преображенской улицы, где полиция стреляла с промежутками в два-три часа и получалась картина беспрерывной стрельбы.

В этот день стали закрывать магазины, банки и т. п.

Войска было пока мало. Действовала главным образом полиция. Большинство выстрелов было холостых — иначе трудно было бы объяснить поразительно малое число жертв при почти непрерывной стрельбе. Толпа же не рассеивалась ни разу более чем на 15 минут.

В пяти-шести пунктах воздвигались баррикады.

Были отдельные случаи геройской борьбы. Так, на одной из баррикад упорно защищался четырнадцатилетний гимназист, отстреливаясь из револьвера от своры полицейских. Спустя много дней его с трудом отыскали в одной больнице. Он был тяжело ранен пулей в грудь, и голова была рассечена саблей.

При постройке баррикад выдающуюся роль играли дети.

С поразительным бесстрашием кучка мальчуганов окружала конку, высаживала пассажиров и мгновенно валила вагон на рельсы.

С полудня движение по некоторым линиям прекратилось.

Были приостановлены работы почти во всем городе и отчасти на окраинах. Остановка работ всюду сопровождалась столкновениями с полицией, избиением рабочих и стрельбой залпами...

Если масса была безоружна и пускала в ход только находившиеся под рукою камни, не причиняя казакам и полиции особого вреда, то отдельные нападения толпы на городовых происходили довольно часто. Стреляли по свирепствующим казакам и полиции из окон многих домов.

К вечеру насчитывалось несколько убитых и умерших и несколько десятков раненых.

Была брошена бомба на Соборной площади в одного полицейского, который гнался, по указанию шпиона, за рабочим, несшим ее. Полицейского разорвало в мелкие куски, а бросивший бомбу скончался во время спора между персоналом «Скорой помощи» и полицией насчет того, куда увезти «преступника».

К вечеру толпы народа стали еще гуще.

После взрыва бомбы казаки начали разгонять публику, и к 11 часам улицы города были пустынны.

На Пересыпи в этот день опять шли открытые собрания у завода Гена.

Решено было итти в город, остановить все заводы и устроить всеобщую забастовку в знак траура по убитым товарищам. Около двух тысяч рабочих двинулись в путь окольной дорогой к водокачке, избегая столкновения с войсками.

Толпа растянулась на несколько кварталов, захватывая и увлекая за собой всех попадавшихся по дороге рабочих.

Вооруженных рабочих не было, и все чувствовали, что при первом же натиске полиции безоружная масса обратится в бегство.

Долгий и протяжный гудок известил всех демонстрантов, что передовой отряд остановил уже водопроводную станцию.

Показался пассажирский поезд, и небольшая часть товарищей бросилась его останавливать. Буржуазная публика. бывшая в поезде, не на шутку перепугалась, когда одному рабочему пришла мысль пригласить пассажиров присоединиться к толпе. Умоляющими голосами просили они не тревожить их, уверяя в своем сочувствии.

Не теряя времени, рабочие двинулись дальше. Вскоре мы очутились у завода Шполянского. Была произнесена небольшая речь. Рабочие приветствовали нас и охотно присоединились.

Масса достигала уже 3 000 человек.

Мы освободили задержанных из числа съемщиков 18 товарищей, остановили завод, перерезали телефон и отправились на Слободку-Романовку к заводу Арбса.

По огромной поляне тянулись пролетарии.

Из ближайших домов и улиц высыпал народ, чтобы подивиться этому оригинальному походу рабочего класса.

Настроение было повышенное. Но тех, кто вел за собою эту массу, сильно угнетало отсутствие оружия и боевой организованности рабочих[5].

К часу дня демонстранты были на Слободке-Романовке и двинулись к городской прачечной.

Здесь наше шествие закончилось трагикомической развязкой.

На площади нас встретил полицейский наряд с приставом во главе. Между ним и рабочими сначала завязалась рукопашная схватка. Но вскоре полиция открыла огонь по толпе. Масса бросилась врассыпную и исчезла в разных переулках. Иного исхода конечно и нельзя было ожидать с голыми руками. Больно и досадно было сознавать свое бессилие.

В окрестностях в это время происходила тоже попытка революционного восстания.

Километрах в 12 от Одессы, по берегу Хаджибейского лимана, расположено несколько сел и деревень — Куяльник, Усатово, Фоминское, Нерубайское, Холодная балка и др.

Населяют их мещане-пролетарии, добывающие свой кусок хлеба работой в каменоломнях. Редкие из них удержали в своем пользовании нищенские земельные угодья; большинство же разорено и, кроме своих мозолистых рук, никаких источников существования не имеет.

Всеобщий кризис и безработица в городе вызвали застой и приостановку работ в каменоломнях. Те, которые еще продолжали работу, получали самый ничтожный заработок, недостаточный для дневного пропитания рабочего и его семьи.

Положение день ото дня становилось невыносимее. Некоторые семьи рабочих сидели по двое суток без всякой пищи, раздобывая кое-какие крохи для голодных детей.

Все это не могло не создать среди каменоломщиков атмосферу всеобщего озлобления и острого недовольства, толкающих сознание рабочих к отыскиванию корня пролетарских бедствий.

Каменоломщики собирались толпами на сходки, чтобы послушать от своих сознательных товарищей горячие речи о «рабочей правде» и о том, как ее нужно добиваться.

Они начинали понимать, что причины их невыносимого положения, как и всех рабочих вообще, лежат в самом (капиталистическом) строе современной жизни и в полном бесправии рабочих, не дающем возможности бороться за лучшую долю.

Кружковая пропаганда среди каменоломщиков началась еще года четыре назад и продолжалась почти все время с небольшими перерывами. Полиция здесь не решалась показать своего носа в подземелья шахт, где постоянно происходили собрания.

Слушателями на этих собраниях бывали чаще всего рабочие из штундистов, которым евангельское учение не давало уже исчерпывающих объяснений всех вопросов и явлений окружающей их повседневной жизни. С чисто религиозным вниманием слушали они неизвестную им раньше социалистическую проповедь. С мистическим воодушевлением разучивали они и пели новые для них «псалмы» революционного пролетариата. И темные, угрюмые подземелья скалистых шахт оглашались могучими мотивами «Варшавянки», «Марсельезы» и других рабочих гимнов.

Гимнами обыкновенно каменоломщики начинали и кончали каждое свое собеседование. Такую привычку они сохранили еще от своих штундистских собраний.

Пропагандистские занятия велись интенсивно, литература распространялась в изобилии и читалась нарасхват.

«Социалисты-революционеры», «махаевцы» и «социалдемократы» наперерыв спешили использовать такую благоприятную почву.

Но «штунда» оказалась наиболее восприимчивой к социалдемократическому учению, и большинство из ее среды сделалось его продуманными последователями. Меня не раз поражала у многих из сознательных каменоломщиков та глубина и осмысленность, с которой они усвоили самую суть и дух всемирного пролетарского учения. Они легко и свободно разбирались в сложной окружающей жизни, освещая каждое явление с классовой точки зрения: социалдемократическое мировоззрение стало для них как бы «новым евангелием».

Остальная масса также отличалась своей осведомленностью и революционной зрелостью

Одним из крупных недостатков предшествующей работы товарищей было отсутствие выработки среди них духа активности и самостоятельной деятельности. Когда я, в середине мая, познакомился с каменоломщиками, то нашел только кружки пассивных слушателей.

Нужно было громадное усилие, чтобы поднять настроение и возбудить активный интерес к деятельной организационной жизни.

Время наступило горячее.

В городе забастовка как эпидемия переходила с одной фабрики на другую, с завода на завод, с мастерской в мастерскую.

Живительная струя борьбы проникала всюду, и это много способствовало росту активности среди каменоломщиков.

Начались волнения и среди крестьян Севериновки, Курисово-Покровска, Розельевки, Гнилякова и других прилегающих деревень и надо было понаведаться хоть в некоторые из них.

Я был один, и мне случалось временами так утомляться, что, выбившись из сил, я сваливался где-нибудь и засыпал на пути. Ночевать сплошь и рядом приходилось под каким-либо чужим забором.

Дело пропаганды подвигалось быстро. Недели через три почти все окрестные каменоломщики были организованы. На каждой из каменоломен составился «ответственный кружок» из 10-15 старых, сознательных товарищей, которые заведывали всеми делами. Дальнейшая организация, распространение литературы, первоначальная агитация, созыв массовок и прочее — все это лежало на его обязанности.

Каждый из кружков путем прямой и тайной баллотировки выбирал одного или двух товарищей, которые все вместе образовали центральный рабочий комитет хаджибейского района. Последний объединил всю работу, распределяя и регулируя ее; заводил связи с окружающими деревнями и поддерживал сношение с одесской группой социалдемократов. Рабочий комитет раз в неделю имел обязательное собрание, решения которого сейчас же передавались в рабочие кружки.

Всех участников, сознательных рабочих как в «комитете», так и в «ответственных кружках» насчитывалось на первых порах человек 80. Интеллигентов не было ни одного, но имелось в виду впоследствии ввести их в организацию.

Так возникла самостоятельная рабочая организация, которая имела много шансов развиться и окрепнуть в будущем.

Но жизнь судила иначе.

В Одессе 13 июня произошла кровавая схватка городских рабочих с казаками. Всеобщая забастовка ожидалась 14-го. Судя по приготовлениям местных «опричников» и настроению в массах, она неминуемо должна была вылиться в форму открытого политического восстания.

14-го ночью экстренно собрался наш «хаджибейский комитет», чтобы обсудить свое отношение к разыгрывающимся событиям [6].

Вечером в городе на некоторых улицах шли баррикадные схватки с полицией и казаками и было немало убитых и искалечнных братьев-рабочих.

В виду серьезности положения в городе «комитетом» решено было сейчас же созвать всех сознательных

рабочих каменоломен. Часам к одиннадцати ночи собралось всего человек 40; остальных трудно было разыскать и своевременно известить за дальностью расстояния и ночным временем.

Отказываться от участия в надвигающихся событиях никто не находил возможным.

Одни говорили, что необходимо сейчас же мобилизовать все свои силы, вооружиться чем возможно и завтра, чуть свет, явиться в город. Если нам удастся собрать хоть несколько сот деятельных и смелых товарищей, то мы сразу должны принять наступательный образ действий, разоружая всех встречных полицейских и солдатские патрули. Если нам не удастся таким образом серьезно вооружиться и присоединить к себе толпы городских рабочих, мы двинемся немедленно к городскому арсеналу, чтобы разбить его и дать возможность вооружиться всем рабочим.

Против этого возражали многие из товарищей, указывая, что у нас нет оружия даже для первоначального открытого нападения на полицию и что мы наверное потерпим поражение при первом же столкновении с ней.

У нас оказалось всего 6-7 револьверов, не было ни одного патрона.

Вечером мы послали в город в организацию один из револьверов, чтобы по нему нам достали патронов; там его вырвали из рук нашего посланного и, зарядив, убежали на «баррикады».

Мы остались и без револьвера и без патронов. Когда посланный вернулся к нам ночью и рассказал о своей неудаче, то это подействовало на присутствующих самым расхолаживающим образом.

В это время раздался страшный гул, который несся волнами из города и был ясно слышен нам, хотя мы и находились километрах в 12 от Одессы.

Потом, как мы узнали, это был взрыв бомбы на Соборной площади.

Гул напомнил нам, что в городе нас ждут может быть умирающие на баррикадах товарищи, и заставил нас поторопиться.

Мы поспешили принять другое решение, которое казалось более существенным с имеющимся у нас в наличии оружием.

Решено было итти в ближайшую деревню, где не было пока ни войск, ни казаков.

По прибытии мы предполагали ударить в набат, созвать сельский сход, оборвать телефон и телеграф и испортить железную дорогу, по которой везли в это время солдат из Тирасполя и других городов в Одессу.

Перед сходом должен был выступить ряд наших товарищей с речами и, объяснив то, что происходило теперь в Одессе, призвать всех крестьян присоединиться к борьбе рабочих за общее освобождение всего народа. Затем думали изгнать из деревни все власти, установить революционный комитет и двинуться дальше к ближайшему помещику в усадьбу.

Управляющий этого помещика несколько дней тому назад убил малолетнего крестьянского сына за самовольный покос клочка травы. Имелось в виду предать его и помещика народному суду за зверское самоуправство да кстати рассчитаться с ним и за все вековые грехи, конфисковать у него землю и передать ее на усмотрение «крестьянского комитета»,

Закончив эту предварительную работу, мы рассчитывали после направиться всей массой или в уезд, по деревням, где аграрное волнение было в полном разгаре, или на каменоломни и, присоединив всех тамошних рабочих (8 000 человек), многотысячной толпой двинуться на помощь в город [7].

Таков был план действий. Каждому было ясно, что это уже начало революции.

Настроение было боевое.

Горе заключалось только в том, что в наличности у нас оказалось всего три револьвера (браунинг со 100 патронами и два маленьких «Смитта и Вессона» с 14 патронами).

Но сидеть в то время сложа руки и ждать у моря погоды не приходилось.

А потому, взяв с собой знамена (одно красное: «Хлеба, земли и свободы. РСДРП», а другое черное: «Смерть тиранам, слава павшим в бою за свободу. РСДРП»), мы с пением «марсельезы» двинулись в путь.

Фантастическое зрелище представляло наше шествие по степи глухой полночью.

Один из товарищей запел сильным чистым голосом: «Отречемся от старого мира»...

Мы дружно подхватили, и звуки грозной рабочей песни волнами полились по окрестности.

Степь дрогнула и как бы ожила.

Так мы подошли к селу.

Было еще темно, а потому, не доходя до околицы, мы расположились на привал, послав известить о нашем прибытии местных товарищей.

Часа в 4 утра мы вступили в село, где нас встретили местные крестьяне и рабочие. После взаимных

приветствий мы устроили совещание о том, что здесь возможно предпринять. Разговор был делового характера и никаких речей не произносилось.

Крестьяне настаивали на том, чтобы всем сейчас же отправиться к помещику и выкосить у него половину хлеба.

— Ну, а потом что? — спрашивали мы.

— В город, братец ты мой, нам не с руки сейчас итти и вообще... Много расхаживать теперь не время. Хлеб обсыпается, нужно торопиться его убрать.

— Вот ужо уберется, тогда можно будет итти воевать с кем угодно.

Мы не соглашались с ними, объясняя, что раздел помещичьего хлеба вовсе не избавит нас от вековых бедствий и зол, что настало время не хлеб запасать на зиму, а свергнуть угнетателей, терзающих всю нашу трудовую братию, и что такое всенародное дело одни мы выполнить не можем. Необходимо это сделать всем «миром» и рука об руку с городскими рабочими.

— Так давайте бить в набат, созовем сельский сход, пусть он решит, как помочь нам в этом деле и как выручить расстреливаемых в городе борцов-рабочих.

— Ударить в набат, созвать сход!—решили все единодушно, и мы двинулись в село на площадь.

Большинство крестьян только начинало просыпаться.

С пением и знаменами пошли мы по улицам села.

Собаки неистово залаяли и поднялся невообразимый шум. Из домов показывались старухи, женщины, дети и при виде необычайной процессии в ужасе выли и пронзительно причитали, что началось уже «светопреставление».

Мы расположились на площади в ожидании, когда один из посланных товарищей ударит в набат, а другие начнут созывать сход, и оборвали на всякий случай телефон. Народ как-то растерянно суетился по дворам. Прибежал один из посланных нами крестьян и заявил, что в деревне паника и что все перетрусили и не хотят ни в набат бить, ни схода собирать.

Нас всех это страшно возмутило.

— К чорту их, прохвостов, идем же, братцы, лучше к своим, в каменоломни!

Ничего не было бы мудреного, если бы в чужой деревне нас всех перевязали или вздули дрекольями.

К нам присоединилось человек 15—20 крестьян — лучших товарищей, и мы все вместе отправились опять по степи.

Солнце уже поднялось высоко над горизонтом.

Мы шли молча, тяжело волоча по пыльной дороге уставшие ноги.

На горизонте показался верховой всадник и начал гарцовать на своей лошади, наблюдая издали наше шествие. Послышались шутки, остроты, и это на время приподняло упавшее было настроение. Но стражник скоро отретировался за горизонт, и у нас опять все смолкло.

Часам к 6 утра, утомленные и разбитые бессонной ночью, мы дотащились до первой каменоломни.

Там оказалось только 25 рабочих, которых мы сейчас же и сняли с работы.

Мы были, по правде сказать, сильно обескуражены первой неудачей.

Некоторые товарищи усаживались отдыхать и тут же от утомления засыпали. Всех нас смущал вопрос о пол-

ной безоружности, и всем теперь казалось абсурдом поднимать восстание с голыми руками.

Решимость угасла даже у самых горячих из нас, и мы согласились разойтись и лечь спать, хотя бы часа на два, на три, а затем собраться всем «кружковым» на условленном месте в городе и там попытаться достать оружие, не останавливаясь ни перед чем; в случае удачи возобновить попытку восстания по деревням, или же примкнуть к сражающимся рабочим в городе.

Несмотря на утомление, я отправился пешком в город.

Последующие события увлекли меня своей волной и мне не пришлось больше увидеться с каменоломщиками. Я не знаю, удалось ли им достать в городе оружие и повторить свою революционную попытку[8].

Часов в 8 утра дотащился я до города.

Я с трудом передвигал ноги по каменным мостовым, мечтая о том, как бы поскорее добраться до какого-нибудь товарища, чтобы у него хоть немного отдохнуть.

В голове роились самые мрачные и безотрадные мысли. После предшествующих неудач было ясно, что до тех пор, пока массы безоружны, пока военная сила служит слепым орудием в руках варварского правительства, трудно рассчитывать на скорую победу трудящегося люда над своими поработителями. Много пролетарской крови прольется и сегодня и завтра, и все это будет только жертвой для отдаленного будущего.

Горько и обидно становилось на душе от этих мрачных перспектив.

Я очутился перед знакомой квартирой. Дверь с шумом отворилась, и навстречу мне выбежал товарищ, который чуть не сшиб меня с ног. Путаясь и волнуясь,

он быстро начал рассказывать о том, что на броненосце перебиты все офицеры и что команда сама управляет судном и готова стать на защиту рабочих.

Сна и усталости как не бывало, и я опрометью с товарищем бросился в порт, чтобы лично узнать все подробности.

По набережной попадались многочисленные группы рабочих, горячо обсуждавшие новое сенсационное событие.

Во всем городе было заметно необычайное волнение, несмотря на ранний час. Встречающаяся полиция старалась показать вид, что ничего особенного не произошло.

Мы подошли к одной из групп собравшихся рабочих и стали расспрашивать, в чем дело. Нам рассказали, что броненосец будто бы был вызван властями города в помощь войскам, но матросы, узнав в пути этот замысел, взбунтовались и, перебив всех офицеров, побросали их в море.

Другие же выразительно указывали каждому проходящему рабочему на рейд: «Потемкин-то, видишь?.. Начальство пришел усмирять. Теперь он им покажет, как зря обижать нашего брата».

Сведения эти с быстротой телеграфа передавались из уст в уста и скоро облетели весь город. Народ толпами стекался на набережную, в порт.

Я поспешил известить товарищей, которые могли еще не знать обо всем случившемся, а от них я прошел на набережную, около театра, предполагая спуститься в порт.

Но здесь рота солдат никого не пропускала.

Я остановился и взглянул на море.

Эта часть города высоко поднимается над гаванью. В совершенно отвесной стене набережной был устроен красивый спуск каменной лестницы. Отсюда открывалась живописная картина. Сотни огромных пароходов, русских и иностранных, масса всяких парусных судов спокойно красовались у своих пристаней; бесчисленные трубы и мачты сливались в сплошной лес. Громадные портовые здания, таможенные склады, груды всяких товаров и угля, железнодорожная эстокада, множество подъемных кранов заполняли все обширное пространство. Чугунными рельсами подъездных путей изрезан весь порт. Тут свистят паровозы, таща за собою вереницы вагонов.

Вдали, за волнорезом — тихая безбрежная поверхность голубого моря. На ней, неподвижно и величаво красовалась грозная пловучая крепость—«Потемкин».

Страшные 12-дюймовые орудия молча уставили на город свои пасти из броневых башен. Множество других пушек сверкало на солнце темно-коричневой краской, высовываясь из окон и амбразур, снизу и сверху.

На броненосце и около него было заметно оживление. Подъезжали шлюпки, плавно и быстро носились паровые катера с матросами то в гавань, то из гавани. Неподалеку дымил из толстых коротких труб и миноносец.

Я пошел вдоль набережной к другому спуску. Войск и полиции в этом месте не было, и массы горожан беспрепятственно направлялись вниз взглянуть на «взбунтовавшийся» броненосец.

Бурную, негодующую стихию людских страстей представлял собой в этот момент порт, переполненный тысячами народа.

От вчерашних пережитых ужасов не осталось и следа. Взоры всех были обращены на грозного гиганта и слились казалось в общей надежде, что он теперь отомстит народным тиранам за все.

Все как бы стали близкими людьми, подходили друг к другу и делились нескрываемой радостью.

Старики, дети и женщины были охвачены неописуемым ликованием, прославляли матросов и их геройство.

В конце мола возвышалась парусная палатка.

В ней находился труп матроса Вакулинчука [9], свезенный на берег командой броненосца для похорон. На груди у него лежала записка:

«Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический» за то, что Вакулинчук заявил, что «борщ нехорош». Осеним себя крестным знаменем и скажем: «мир праху его».

Отомстим кровожадным вампирам!

Смерть угнетателям!

Смерть кровопийцам!

Да здравствует свобода!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический».

«Один за всех, все за одного».

Около входа в палатку стоял караул из матросов.

Здесь скопилась громадная толпа, и каждому хотелось взглянуть на убитого, многие, подходя, снимали шапки, крестились и отдавали земной поклон жертве дикого произвола. Женщины плакали и целовали руки покойного. Видны были слезы на глазах и у многих мужчин.

Около палатки на груде бочек и всякого дерева выступали ораторы от различных революционных групп. Горячие, страстные речи лились перед громадным народным собранием.

Беспощадные обличения всех варварств и кровопролитий правительства то-и-дело заглушались бурей аплодисментов и революционных возгласов.

— Довольно терпеть!

— Смерть тиранам!

— Умрем за свободу! — сливалось в общий оглушительный крик возбужденной толпы рабочих, окружавших трибуну. Лица горели решимостью, в груди клокотало негодование и кругом царило захватывающее настроение немедленной готовности итти в бой.

— Товарищи! — крикнул новый оратор [10]. — Нас здесь тысячи и все мы не можем уже больше терпеть рабства и угнетения правительства. Давайте снимем сейчас всех рабочих с судов и портовых работ и дружно, все вместе, двинемся в город. С оружием в руках, под охраной матросов и их пушек мы завоюем лучшую жизнь...

Оглушительный рев не дал ему кончить.

Вся толпа двинулась мимо кораблей и пароходов.

Началось снимание с работ и судов. Дико загудели сотни сирен.

Толпа, как лава, двигалась из стороны в сторону, все увлекая на своем пути.

Необходимо было поехать к матросам и обсудить с ними немедленно совместное наступление на город. Рабочие единодушно уполномочили меня для этой цели. и я отправился на броненосец. Они же решили ждать в порту результатов переговоров.

Но мне уже больше не пришлось вернуться с броненосца — я провел на нем одиннадцать суток.

Глава вторая

ДРАМА В ТЕНДЕРОВСКОЙ БУХТЕ

«Князь Потемкин Таврический», первый броненосец в мире поднявший красное знамя [11], составлял наиболее крупную боевую единицу [12] русского черноморского флота. Выстроенный по типу «Трех святителей», он его превосходил артиллерией, машинами, снабженными электрическими моторами, и наконец более толстой броней. Его начали строить еще в 1899 году на верфи в Николаеве, а окончили и спустили на воду только в 1904 году, в октябре, — работы по вооружению продолжались до 1905 года [13].

В мае будущий революционный броненосец делал первые опыты стрельбы; настоящее же артиллерийское испытание было назначено в июне, в бухте Тендер [14]. Здесь, на скалистом пустынном острове, естественные батареи и валы должны были служить точкой прицела для артиллерийских упражнений «Потемника». Специальными экспертами на этот случай были присланы поручик артиллерии от военного министерства и подполковник — представитель казенного металлургического Обуховского завода, где были отлиты пушки [15].

После испытания «Князь Потемкин» должен был присоединиться к севастопольской эскадре и сейчас же отплыть на большие маневры, происходившие ежегодно в бухте Тендер.

Отплытие броненосца было назначено на воскресенье 12 июня. В этот день в 2 часа пополудни «Князь Потемкин», сделав запас из 2 000 как боевых, так и учебных снарядов, снялся с якоря, медленно поплыл по рейду среди остальных судов и вышел из порта, салютуя и сигнализируя по всем правилам. Выйдя в море, он обогнул справа высокие, живописные скалы Севастополя и, развив в машинах нормальную скорость, пошел по направлению к Одессе, где и находилась вышеупомянутая бухта.

Волнение, шум и суета, сопровождавшие отплытие парохода, сменились полной тишиной. Вахтенный офицер стоял на мостике, командир судна пошел в адмиральскую каюту, часть офицеров отправилась спать в свои каюты, другая часть оставалась в кают-компании, где стояло пианино для любителей музыки. Матросы, занятые днем, работали каждый на своем посту, остальные пользовались по своему усмотрению свободным временем.

В плавающем судне работа сосредоточена исключительно в машинном отделении. На «Потемкине» машинное отделение играло роль революционного клуба. В данный момент там царило необычайное оживление. К повседневным делам матросов-механиков прибавились дела другого рода.

Накануне отъезда к потемкинцам явились гости—товарищи с «Екатерины II» и «Синопа»; они хотели узнать мнение матросов насчет восстания. С тех пор как определился план последнего, между революционерами заинтересованных судов происходили частые совещания. Здесь обсуждали средства и меры к восстанию, уже решенные на собрании центрального комитета матросов.

где, кроме последних, присутствовали и представители севастопольского социалдемократического комитета[16]. Всех сильно беспокоило, как будет держать себя «Князь Потемкин»? На броненосце имелось ядро преданных революционеров, но экипаж состоял главным образом из матросов первого года, недавно явившихся из городов и деревень, еще мало «обработанных», и внушал серьезные опасения[17].

Поведение «Потемкина» имело большое значение: если б он отказался от восстания, оно окончилось бы неудачей. Все броненосцы, вместе взятые, исключая «Трех святителей», не стоили одного «Потемкина». Его 305-миллиметровые пушки благодаря усовершенствованному механизму могли давать 6 ударов в минуту, между тем как пушки на других броненосцах давали один выстрел в течение семи минут.

Матросы-революционеры на «Потемкине» не разделяли опасений товарищей: двое из них, Звенигородский[18] и Резниченко[19], с согласия товарищей отправили письмо в севастопольский комитет, предлагая ему дать сигнал к восстанию в первые же дни морских маневров.

Социалдемократический комитет после совещания с центральным комитетом матросов советовал отложить восстание до конца маневров и употребить время пребывания в Тендере на усиленную пропаганду среди матросов.

Такое же мнение высказывали матросы с «Екатерины II» и «Синопа», явившиеся на «Потемкин». После долгих разговоров единогласно постановили, что революционный комитет «Потемкина» созовет на Тендере в лесу общее собрание матросов. Если оно выскажется

за ближайшие действия, то будет выбран день для восстания. Решение будет сообщено другим судам, когда «Потемкин» 15 июня придет в Севастополь. чтобы забрать с собой остальную эскадру.

Матросы, не имея политического воспитания, отличались большим простодушием. Их поступками часто руководили самые непосредственные чувства. В них было особенно сильно корпоративное самолюбие. Матросы «Потемкина» с некоторой завистью относились к факту, что комитет избрал для поднятия и руководства восстанием броненосец «Екатерину II». Они требовали себе эту честь, тем более, что на общем собрании 23 апреля некоторые матросы других судов предложили «Потемкину» выступить первому [20]. Но так как по случаю дождя много матросов не явилось на собрание. устроенное под открытым небом, то вопрос остался нерешенным.

Потемкинцы однако обещали товарищам других судов не начинать, пока не будет принято определенного решения.

Об этом и шел разговор среди механиков — самой передовой и сознательной части матросов. Здесь подвергался новой обработке план восстания. много раз дебатированный и обсужденный.

Вопрос как держать себя с офицерами был самым важным для матросов-революционеров. Все отлично понимали. что как только сигнал к восстанию будет дан с «Екатерины II», первым делом придется избавиться от офицеров. Но насчет путей избавления мнения расходились. Одни, преимущественно штундисты, хотели избежать кровопролития; они советовали арестовать все начальство. Другие говорили, что революция не

обходится без жертв. Они предусматривали, что сопротивление со стороны офицеров заставит их прибегнуть к оружию, а также думали, что убийство двух или трех наименее популярных из них втянет в восстание и самых нерешительных матросов. привыкших дрожать перед начальством [21].

Все другие пункты плана восстания, исключая времени и места, были разработаны всесторонне. Выбрали уже начальников — «старшин» — на различные роды служб. Сговорились насчет сигналов; первым сигналом удачного восстания будет красное знамя, водруженное на месте Андреевского флага.

Сильно заботили будущих повстанцев место и роль каждого из восставших судов. Учебное судно «Прут» должно было организовать десант, чтобы овладеть артиллерией севастопольской крепости [22]. но только в том случае, если восстание будет объявлено при возвращении эскадры с общих маневров.

В разговорах матросов высказывались и обсуждались предположения всякого рода, взвешивались все шансы на успех. С серьезных вещей переходили к обычным предметам. к рассказам о повседневной жизни в казармах.

Некоторые факты, передаваемые сильным, выразительным народным языком, вызывали среди матросов взрывы смеха. У одного из матросов учебной команды явилась гениальная идея налепить на внутренней поверхности своего сундука полдюжины портретов царей и цариц, генералов и адмиралов и несколько святых православной церкви, наверху он положил несколько брошюр знаменитого чудотворца. о. Иоанна Кронштадтского. а совсем внизу, под бельем, спрятал

революционные брошюры. По доносу фельдфебеля Тышевского, следившего за матросами, капитан Шперлинг сделал у вышеназванного матроса неожиданный обыск. Но, увидев у него столько признаков монархическо-религиозных чувств, опустил крышку сундука и не стал в нем рыться.

Оживленные разговоры, изредка прерываемые появлением боцмана, неустанно раздавались в раскаленной душной атмосфере, наполненной специфическим запахом угольного дыма и перегоревшего масла.

Разрезая темные волны Черного моря, оставляя за собой широкие белые следы, гордый величественный «Потемкин» вышел в море.

В понедельник утром, 13 июня, корабль подходил к острову Тендер. В тот же день, в 1 час пополудни, миноносец № 267, временно прикомандированный к броненосцу, поднял якорь и отплыл в Одессу, под командой поручика Клодта [23]. Уехало за провизией и несколько матросов с «Потемкина», во главе с лейтенантом Макаровым [24]. Возвращаясь в 10 часов вечера, они в темноте наткнулись на лодку и потопили ее; рыбаки были, к счастью, спасены.

Съестные припасы переправили на борт судна; мясо было повешено на высоком и прохладном месте, на спардеке [25]. Дежурные матросы помогали поварам чистить картошку и капусту для супа. Матросы рассказали товарищам, что в Одессе происходит всеобщая забастовка, благодаря чему они могли получить только часть необходимой провизии.

Во вторник в 5 часов утра матросы, как обычно, были на ногах. Один из них, обратив внимание, что мясо издает сильную вонь, подозвал товарищей.

— Ведь оно кишит червями, — заметил матрос, поближе рассмотрев кусок мяса.

Шум быстро разнесся по всему судну, и через несколько минут вокруг мяса образовалось тесное кольцо людей. Посыпались всевозможные комментарии.

— В Японии русских пленных лучше кормят, чем нас, — заметил кто-то.

— Я этого мяса не дал бы своей собаке, — вставил другой, презрительно поворачиваясь спиной.

В это время подошел кондуктор и, скрестив руки, сердитым голосом заметил: «Как, ваши товарищи в Порт-Артуре ели собачье мясо, а вы говядиной недовольны?»

— Да разве здесь Порт-Артур? — возразило несколько матросов, и жестокие обвинения, сопровождаемые энергичной бранью, которой так изобилует русский язык, посыпались по адресу офицеров и особенно лейтенанта Макарова.

Сходка, собравшаяся в необычное время, привлекла внимание вахтенного офицера; узнав о причине, он пошел предупредить командира Голикова. Спустя несколько минут последний в сопровождении старшего врача [26] явился на палубу.

Врач важно надевает пенсне, проводит носом по поверхности мяса и, привыкши дисциплину ставить выше здоровья матросов, заявляет строго:

— Это ничего не значит! Время летнее. Мясо хорошее; достаточно его слегка помыть соленой водой и удалить места, где завелись черви.

Объяснение врача вызвало ропот среди матросов.

Голиков окинул их гневным взглядом.

— Расходитесь! — скомандовал он.

Матросы медлят.

— Я повторяю: расходитесь!

Дневальному приказано было стоять возле мяса и записывать фамилии тех, кто будет приходить его осматривать.

Матросы вернулись к обычным делам. За работой они оживленно обсуждали только-что происшедший инцидент. Недовольство было сильно. Поведение врача, его слова, ответы, речи и жесты Голикова—все это вызывало самые неучтивые толки о них. Со свойственным им недоверием, матросы решили, что эти господа раньше между собой сговорились, и смотр был просто комедией.

Мясо, которое сторожил дневальный, было назначено для следующего дня; другая половина его уже варилась в котле, куда была брошена прежде, чем матросы подняли всю историю.

Все были согласны, что это—оскорбление и вызов, которых нельзя оставить без заслуженного ответа.

Пришли к решению, что никто не должен дотронуться до супа.

Матросы, у которых есть деньги, купят себе провизию в судовой лавке, другие будут есть сухой хлеб и воду.

— Но супа мы не желаем! Если он нравится Смирнову и Голикову, пусть они его сами едят!

Вот лозунг, который стремительно облетел весь бак и ют, был сообщен всем механикам, артиллеристам учебной команде и дежурным матросам дневной и ночной смены.

Кто внушил эту мысль?

Матросы-революционеры не пропускали ни одного подобного случая, не воспользовавшись им для агитации

против «начальства». Они даже сами вызывали иногда столкновения, в которых мерялись силой с офицерами. Понятно, что они воспользовались инцидентом с гнилым мясом и стали во главе протестантов. Зная, что близок час восстания, они хотели избежать острого конфликта с командиром, результатом которого были бы репрессии, арест наиболее влиятельных из матросов и дезорганизация революционного дела на неопределенное время. Но оставить без протеста такой возмутительный факт было бы равносильно трусости и отказу от роли бесстрашных защитников матросов в столкновении с начальством.

Накануне восстания революционеры-матросы более чем когда-либо старались удержать свой престиж и влияние в глазах новобранцев, еще молодых и могущих легко подпасть деморализующему воздействию начальства.

Взвесив все обстоятельства, они остановились на промежуточном решении: отказаться от супа, не устраивая в то же время «голодной стачки». Все матросы были настолько возмущены несправедливым обращением, что обещали немедленно и беспрекословно повиноваться данному лозунгу. Это относилось не только к матросам-рядовым, но и к фельдфебелям, помощникам машинистов и кондукторам [27], которые обычно заедали матросов. Один из последних остановил матроса Козленкова, но без брани и угроз, заметив его намерение есть суп, несмотря на принятое решение [28].

Когда настал час завтрака, никто не пошел за своим баком (чашкой). Столы оставались пустыми. После первого сигнала для раздачи водки многие матросы начали уже завтракать, и когда раздался второй свисток,

звавший их за супом, они уже кончили есть и требовали у повара Данилова приготовить чай.

Так началась потемкинская драма.

Подобный случай был не первый на русском военном судне [29].

Ни одно движение матросов не ускользнуло от бдительности коменданта и вахтенного офицера Левенцова [30]. Последний лично попробовал суп, нашел его «превосходным» и сожалел, что болезнь горла не позволяет ему есть больше. Заметив, что матросы не берут своих чашек, он тотчас же доложил об этом офицеру, а тот — командиру.

Несколько минут спустя Голиков уже был на юте [31] и справлялся на кухне о причинах отказа матросов, иезуитски притворяясь, что он их не знает.

— Матросы не хотят есть суп из-за червей, — ответил повар Данилов, — они требуют масла и чаю.

— Созвать всех, всех без исключения.

Левенцов приказал барабанщику бить к общему сбору.

Здесь начинается второй акт драмы.

События шли логической цепью, одно за другим, пока не разразилась катастрофа со всеми последствиями.

Через несколько минут все матросы, исключая тех, которые не могли бросить машины, выстроились в несколько рядов по бокам юта: налево—дневная смена, направо — ночная. Старшие унтер-офицеры, фельдфебеля, кондуктора — рядом с матросами.

Командир, окруженный двумя врачами и всеми офицерами, исключая механиков, обедавших в каюте, обратился к матросам с речью:

— Вы, кажется, недовольны супом! Хорошо, я запечатаю чашку с этим супом и отправлю в главное управление в Севастополь, но я вас предупреждаю: ничего хорошего для вас из этого не выйдет.

Маленькая пауза. Командир продолжал.

— Я говорил уже вам и повторять не буду, что ждет матросов, забывших дисциплину. За это вашего брата вешают вон там!..

И он пальцем указал на нок-мачту [32].

При последней угрозе матрос Борчан, стоявший в задних рядах, отпустил по адресу коменданта «тпрру!», как-будто он хотел остановить слишком зарвавшуюся лошадь.

— Что ты делаешь, дурак! — говорит ему сосед Матюшенко [33], — ты нас всех подвергаешь опасности!

Командир на минуту остановился, наблюдая впечатление своих слов, а затем продолжал:

— Пусть те, которые согласны есть суп, станут сюда!

Кондуктора и двое-трое унтер-офицеров выступили вперед; остальные остались на местах.

— Ну-ка! Ну-ка! Спешите, вы! — кричал рассвирепевший командир.

Никто не тронулся. Из задних рядов раздались ропот и протесты.

— Ешь сам, дракон! [34] — заметил кто-то.

— Этот чорт сегодня зол, — говорит другой.

Замечания делались тихим голосом и не доходили до ушей командира, но последнему и без того было ясно, что матросы решили оказывать пассивное сопротивление.

— Ага, вы не желаете повиноваться! Я вам покажу! Виновники от меня не уйдут! [35]

Пронзительным резким голосом он отдал приказ вызвать караул.

Среди матросов началось общее движение.

— Бесполезно упорствовать,—заметили некоторые.

— Выйдем из рядов и пойдем все в сторону башни,— сказал Матюшенко и один из первых сделал несколько шагов к башне, окружавшей двенадцатидюймовые орудия.

Все последовали его примеру, и только на правой стороне оставалось еще человек 20—30, не успевших присоединиться к товарищам.

В этот момент произошло событие, с которого начинается третья фаза конфликта.

Старший офицер Гиляровский [36], наблюдавший внимательно, стоя рядом с Голиковым, вдруг отдал приказ отставшим матросам не трогаться с места. «Нет, уже достаточно, оставайтесь здесь!» — крикнул он и вместе с вахтенным офицером Левенцовым заградил им дорогу. Голиков стал возле люка, не пропуская никого, и кричал:

— Назад, этот вход не для вас! [37]

Голиков и Гиляровский руководствовались вполне определенным мотивом, объясняющим их дальнейшее поведение—желанием непреклонной строгостью искоренить дух непокорности и мятежа, охвативший весь экипаж. Эту идею настойчиво проводили оба офицера.

Инцидент с мясом являлся желанным случаем; с сожалением охотника, у которого из-под рук ускользает добыча, они смотрели, как разбивается их план о внезапную покорность матросов. Желая все же дать поучительный пример, они решили случайно оставшихся матросов сделать жертвой расшатанной дисциплины.

Караул из 27 матросов был уже на юте.

— Окружите их, — приказал Гиляровский, указывая на кучку матросов.

Понимая низкую роль, которую ему навязывали, караул подвигался нехотя.

— Я повторяю: окружите их!

Приказания возбужденного старшего офицера звучали тревожно, зловеще, точно порывы бури, несущие дурные предзнаменования.

— Прапорщик Левенцов, спросите их имена. Боцман, велите принести брезент!

Еще мгновение—и белый саван, которым на военных судах покрывают приговоренных к смерти, закроет от матросов весь окружающий мир.

Решил ли Гиляровский итти до конца? Иль он думал сыграть комедию, чтобы напугать матросов и заставить их выдать «зачинщиков»? Этот секрет он унес в могилу.

Вдали от всякого человеческого общества, куда они могли бы апеллировать, одинокие среди огромной водной пустыни, они могли всего ожидать от начальства, которому варварские законы давали полную власть распоряжаться жизнью подчиненных. И смерть, ужасная, близкая смерть встала перед их испуганным взором. Еще минута — и поднимутся ружья, раздастся сухой треск; они будут расстреляны и выброшены за борт, в море, неизвестно куда.

На судне, как и в воздухе, царила гробовая тишина; это продолжалось секунду.

— Братья, отчего вы нас покидаете? — вырвался крик отчаяния у матроса Вакулинчука, пробудил собравшихся вокруг башни и вывел их из состояния оцепенения.

Воздух наполнился ропотом, протестами, восклицаниями.

— Они хотят их расстрелять! Но мы не должны этого допустить!

— Довольно терпеть!

Несколько матросов скрылись в центральную батарею [38].

Бунт только начинался. Гиляровский, желая его предупредить, приказал стрелять. Но матросы отказались поднять руку на товарищей, с которыми их соединяло чувство солидарности, с которыми они делили радость и горе. Ведь случайность, что не их, а других приговорили к смерти.

Со всех сторон раздавались крики:

— Не стреляйте, это — ваши братья!

— Не стреляйте!

Громче всех кричал матрос-артиллерист Вакулинчук. стоявший во главе окруженной группы.

Гнев Гиляровского достиг высшей точки, когда он увидел перед собой Вакулинчука, обращавшегося к матросам с явным призывом к оружию.

— Ага, ты тоже не хочешь супа?

— Разве можно есть такую гадость?

Два человека пронизывали друг друга взглядом, измеряя всю глубину взаимной ненависти.

— Стреляйте! — скомандовал еще раз Гиляровский.

— Не стреляйте, мы — братья, — произнес Вакулинчук, делая движение головой [39].

Караул не поднимал ружей.

При повторном приказе ожесточение Гиляровского превратилось в безумие. Он бросился на ближайшего матроса караула, Горчака, и выхватил у него ружье.

Последний, уступив на минуту перед стремительным набегом старшего офицера, отобрал назад свое ружье. Гиляровский сделал вид, что вынимает револьвер из кармана, снова бросился к караулу и опять безуспешно. Только в третий раз Гиляровскому удалось вырвать ружье из рук молодого новобранца.

Вся сцена продолжалась несколько минут, но Вакулинчук решился на крайний шаг. С неистовым криком «До каких же пор мы будем рабами!» — он схватил ружье одного из караульных и исчез позади орудийной башни.

Гиляровский побежал за ним. Но прежде чем он его нагнал, все услыхали ужасный шум, крик человеческих голосов, стук прикладов о пол.

— Кто мутит там матросов? — крикнул командир Голиков.

— Я знаю, это — каналья Матюшенко! — ответил Гиляровский и исчез за башней, преследуя Вакулинчука.

Бунт был в полном разгаре.

Он начался одновременно на юте, где Вакулинчук первый взял в руки оружие, и в центральной батарее.

Несколько человек во главе с Матюшенко вошли в центральную батарею, где находились пирамиды с ружьями. Они обратились с горячим призывом к матросам.

— К оружию!

— Довольно терпения!

— Наших братьев расстреливают!

— Долой тиранов! Да здравствует свобода!

Часть матросов разобрала ружья, другая двинулась ломать двери в патронные погреба, чтобы достать

патроны. Матюшенко с ружьем в руках вышел на ют, но, не имея патронов, он остановился при входе в центральную батарею.

Офицеры все еще надеялись подавить бунт.

Полковник артиллерии Неупокоев ходил с одного конца юта на другой и кричал: «Всех их под суд, всех!» Командир Голиков приказал маленькой группке безразличных матросов, которые оставались на юте, заявлять свои имена вахтенному офицеру Левенцову, «чтобы не смешать их с бунтовщиками». Затем он направился с другими офицерами ко входу в центральную батарею. чтобы рассеять матросов, и здесь столкнулся с Матюшенко, который с ружьем в руках охранял вход, ожидая патронов.

— Чего ты хочешь, сумасшедший? Брось винтовку! — крикнул командир.

— Никогда, пока я жив.

— Бросай оружие, я приказываю!

— Убирайтесь, броненосец уже не ваш; он принадлежит нам, он принадлежит народу!

Матюшенко сразмаху бросил в командира снятым с винтовки штыком. Пролетев мимо, штык вонзился в пол, в нескольких шагах от Голикова. Тогда Матюшенко ударом приклада хотел убить своего врага; последний сделал быстрое движение; ружье упало на пол и с шумом сломалось.

Взяв другое ружье в центральной батарее и возвратившись снова на ют, Матюшенко увидел привидение, одетое в черное. Это шел поп Пармен [40], державший в руках серебряный крест и поднимавший его к небу.

— Мир с тобою, сын мой!

— Убирайся, халдей, убирайся, пьяница!

Матюшенко слегка дотронулся прикладом ружья до церковнослужителя. Поп бросил крест и, торопясь бежать, упал на пол.

Матюшенко, получив патроны и зарядив новое ружье, первым выстрелом убил возле адмиральского люка старшего артиллерийского офицера Неупокоева. Его тотчас же выбросили в море [41].

Неупокоев был не первой жертвой этой печальной драмы. В нескольких шагах от него лежал смертельно раненый Григорий Вакулинчук.

Гиляровский догнал Вакулинчука позади башни, в левой части судна. Прежде чем он успел защититься, пуля ему попала в грудь. Истекая кровью, он бросился на Гиляровского и вырвал у него ружье. Но силы его оставили; шатаясь, он упал.

Желая избежать второй пули, а может быть, под влиянием боли, он, сделав сверхчеловеческое усилие, дополз до борта и бросился в воду. Матрос Волобуев быстро спустился по лестнице в воду и вытащил своего товарища [42].

Матюшенко встретил Гиляровского в тот момент, когда он, выстрелив в Вакулинчука, снова вернулся на ют. Матюшенко выстрелил, но промахнулся. Так же безуспешно выстрелил и Гиляровский. Видя свою неудачу, он крикнул страже у лестницы:

— Застрели мне эту каналью!

Испуганный матрос, бросив ружье, убежал. Гиляровский схватил заряженное ружье и, забыв своего главного врага, хотел выстрелить в стражу. Но прежде чем раздался его выстрел, пуля Матюшенко ударила его в спину, и смертельно раненый Гиляровский упал. Полагая, вероятно, что его рана не опасна, Гиляровский

обратился к Матюшенко с следующими предсмертными словами:

— Я тебя знаю, каналья! Ты убежишь теперь на сушу, но я сумею тебя найти!

— Ты не успеешь, болван! Я отправлю тебя юнгой к Макарову[43].

Подобно Неупокоеву Гиляровского выбросили за борт[44].

Убеждение, что к самоуправству нескольких матросов остальные не посмеют присоединиться, разделялось всеми офицерами. В то время как происходила возле башни вышеописанная сцена, вахтенный Левенцов, старший врач Смирнов и другие офицеры с револьверами наготове подходили к каждой группе матросов, к каждому матросу из караула и грозили убить, если кто-либо тронется с места. В этот момент раздался ружейный залп со спардека, куда успело подняться человек 20 вооруженных матросов.

Движение разросталось.

Тогда офицеры, кондуктора, унтер-офицеры, часть матросов и караульные кинулись, не взирая на опасность, по адмиральской лестнице, через пушечные амбразуры, чтобы спастись в нижней части броненосца. Другие, схватив спасательные круги, бросились в море. Самые смелые взяли оружие и присоединились к восставшим товарищам.

Секунду спустя ящики с патронами были на юте. С неистовством матросы бросились к ним и ножами, штыками и просто руками отрывали жестяные крышки.

Страшный, неудержимый, как ураган, бунт охватил все части судна. Он грозил все поломать и унести на своем пути. Революционные возгласы сливались с кри-

ками мести. На ряду с возгласами «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» раздавалось по адресу офицеров: «Бей их, хамов! Всех!»

Все страдания и унижения прорвались в диких, кровожадных криках, взывающих о мести. Вопли наполняли воздух, и среди них изредка раздавались глухие ружейные выстрелы. Стреляли по всем направлениям, но больше всего в воду, куда бросилось много офицеров и матросов, стараясь спастись на миноносец или на деревянный щит.

— Офицеры, где офицеры!?

— Подайте нам офицеров, — кричали со всех сторон матросы, небольшими группами разыскивая начальство.

— Не нужно мстить в одиночку! — кричали более влиятельные. — Нужно вывести офицеров на ют и судить их в присутствии всего экипажа.

Среди этого шума появился поручик Вильгельм Тон.

— В воду его, в воду! — закричали матросы.

Он сделал знак, что хочет говорить, и бушующая толпа внезапно утихла.

Тон считался офицером умным и энергичным, справедливым, хотя и строгим, и был уважаем большей частью матросов.

— Я с тобой хочу говорить, — обратился он к Матюшенко, который подвинулся к нему. Но потому ли, что он не верил добрым намерениям Матюшенко, державшего в руках ружье, или потому, что считал его главарем движения, с устранением которого мятеж прекратится и матросы покорятся, — только вместо того, чтобы говорить, Тон поднял револьвер и выстрелил два

раза в Матюшенко. Первая пуля пролетела мимо и ранила в руку другого матроса; вторая оцарапала висок Матюшенко.

Матрос-механик, Шестидесятый, выхватил револьвер у офицера.

Тон был убит и выброшен за борт.

— Где командир? Нам нужно Голикова! — послышались новые крики.

До сих пор совершенные казни носили случайный характер. Хотя тела трех офицеров лежали уже на дне морском, но истинный виновник, представитель гнусного режима, был еще жив.

Казнь Голикова представлялась матросам торжеством справедливости и символом их победы. В его лице они думали казнить весь режим.

Вооруженные матросы рассеялись кучками в поисках за офицерами и, в частности, Голиковым.

Несколько минут спустя звон разбитых стекол, грохот взломанных дверей, крики: «Долой драконов! Да здравствует свобода!» — раздались из коридора, где в два ряда были расположены офицерские каюты. Офицеров в них уже не было; им удалось спрятаться в других местах.

Все не участвовавшие в расправе офицеры сидели за столом, когда звуки выстрелов и шум возвестили, что наверху происходят серьезные события.

Раздавшиеся крики: «Их всех нужно убить!» указывали, что их жизнь в опасности. Быстро раздеваясь, они начали бросаться в воду. Примеру Коваленко последовали два инженера, Заушкевич и Харкевич[45], и лейтенант артиллерии Григорьев, командированный военным министерством. Все четверо поплыли по напра-

влению к деревянному щиту, находившемуся в 100 метрах от судна.

Ружейный залп с палубы показал офицерам, что их бегство замечено. Лейтенант Григорьев, пораженный несколькими пулями, пошел ко дну. Коваленко и двое других благополучно добрались до щита. Отдохнув несколько минут, они решили взять доску со щита и с ее помощью добраться до отдаленного берега.

— Механик Коваленко, механик Коваленко! — раздался крик с броненосца.

Коваленко встал на щит.

— Вернитесь, вам ничего не сделают!

Он направился к судну. Ему велели подождать; и два матроса в лодке подъехали к щиту, забрали офицеров. Коваленко любили среди машинной команды и даже считали своим[46].

Когда все прибыли на судно, им объявили, что никакого насилия над ними совершено не будет и что до окончательного решения матросов они будут находиться под арестом в офицерской каюте. Их просили снять знаки отличия, так как на революционном судне не должно быть ни начальников, ни подчиненных.

Группа матросов вела переговоры у дверей адмиральской каюты, куда скрылись Голиков и прапорщик Алексеев. Несмотря на настойчивое требование матросов, они не хотели впустить их, и только когда начали ломать двери, Голиков сдался, видя бесполезность сопротивления. Обоих офицеров нашли совершенно раздетыми, готовыми броситься в море.

Командир Голиков читал свою судьбу в словах и на лицах матросов, пришедших за ним, и перед ожидавшей его смертью совершенно потерял присутствие

духа. Высокомерный, жестокий начальник умолял теперь матросов, которых утром хотел расстрелять.

— Старый дурак, что ты сделал со своими матросами? — говорил он вслух. Увидев Матюшенко, он бросился к нему на шею и сквозь слезы просил пощады: — Я согрешил перед всем экипажем, прости меня, брат мой!..

— Я лично ничего против тебя не имею, — ответил тот. — Как матросы решат.

— На нок командира, на нок, которым он грозил нам сегодня утром! — кричали матросы, а он продолжал умолять.

Вид дрожащего старика не разжалобил матросов. Толпа осыпала его упреками и бранью. Каждый перечислял ряд страданий, наказаний, несправедливостей, унижений, нанесенных ему Голиковым. Но крики: «Довольно! Довольно ждать! Всадить ему пулю, которую он заслужил», положили конец картине народного суда.

Командира отвели на несколько шагов дальше; раздался залп.

Труп Голикова выбросили в море.

— Пощадите меня, братья. Я такой же матрос, как и вы! У меня жена и дети! — умолял матросов прапорщик Алексеев [47].

— Мы не тронем тебя, но обещай привести нас в Одессу!

Алексеев сейчас же согласился быть командиром судна. Но и без этого обстоятельства матросы не убили бы Алексеева; его любили за товарищеское отношение. Служа раньше простым матросом, он хорошо знал их жизнь; став офицером, он выражал чувства солидарности к матросам.

Пощадили также двух наиболее ненавистных кондукторов, Лесового и Бурдюкова, известных злостью и грубостью. Прося у матросов прощения за «свои грехи», они обещали полное повиновение, если им оставят жизнь.

— Пусть меня не зовут больше Лесовым, если я не буду во всем вас слушаться! Спасите мне жизнь, и я клянусь женой и детьми, что буду исполнять все ваши приказания! — умолял он.

— Оставим их. — посоветовали несколько матросов. — У нас всегда будет время их наказать, если они нам изменят!

Обоих пощадили.

После однако матросам пришлось раскаяться в своем великодушии, так как оба кондуктора стали во главе контрреволюции.

Другая группа матросов расправилась со старшим врачом Смирновым, бросив его за борт. На его просьбу дать ему спокойно умереть — отвечали:

— А ты хотел сегодня утром заставить нас есть гнилое мясо!

— Я не виноват, — ответил врач. — Я принужден был так поступить.

На Смирнове тяготело еще обвинение в убийстве караульного за неповиновение приказаниям Гиляровского [48].

После Гиляровского, Неупокоева, Голикова, Тона, командированного военным министерством Григорьева, Смирнов был шестым. Седьмой — мичман Левенцов — вероятно был убит в воде.

Мичман Вахтин был только ранен. Он находился в офицерской каюте, когда матрос хотел пройти мимо

за снарядами для бомбардировки миноносца. Боясь быть убитым, Вахтин не пропустил матроса, заперев дверь. Матрос высадил дверь и запустил стулом в офицера. Раненый в голову офицер упал под стол, его после вытащили и отправили в лазарет.

Число матросов, случайно убитых в течение этой драмы, остается до сих пор неизвестным [49]. Некоторые из них, боясь взрыва на судне, бросились в море и утонули, не умея плавать. Другие были убиты залпами. Многие попрятались по примеру начальства и показались только тогда, когда все было кончено. После относительного успокоения на корабле остальные офицеры присоединились к матросам, это были: младший врач Голенко, найденный под судовой цистерной; полковник, представитель Обуховского завода, засевший в уборной; полковник Цветков — в машинном отделении; мичман Ястребцов, инженер Калюжный, лейтенант Назаров, спрятавшиеся по разным углам.

Находясь вне опасности, офицеры могли хладнокровнее обсудить действия матросов; все согласились, что виновны не матросы, а само правительство [50]. Впрочем, они неправильно оценивали момент. Они думали, что — это простой мятеж, и предполагали, что матросы сдадутся какому-нибудь иностранному правительству, например Турции, оставив офицеров и броненосец на произвол судьбы.

В то время когда многие из матросов разыскивали начальство, раздались один за другим три взрыва, от которых затрясся весь броненосец. Это гремела 447-миллиметровая пушка, направив свой гнев в миноносец № 267.

Близость его к восставшему судну была опасна. Миноносец был прикомандирован к «Потемкину» на

время плавания. Революционерам неизвестны были его намерения. Так как ни командир, ни экипаж не были знакомы то была возможна атака с его стороны. Недоверие увеличилось, когда заметили, что кто-то — должно быть офицер, спасшийся вплавь с «Потемкина»[51] — был принят на борт миноносца, и последний тотчас же начал удаляться от броненосца.

Как после узнали, комендант мотивировал отплытие желанием быть подальше от пуль взбунтовавшегося судна.

Матросы-революционеры, не без основания, объясняли отъезд намерением командира известить скорее о случившемся Одессу и Севастополь. Они решили несколькими выстрелами из пушки остановить миноносец. Желая лишь напугать его, выстрел направили дальше.

Миноносец последовал приказанию броненосца и, повернув острый конец, где находились мины, к суше (в знак миролюбивых намерений), начал приближаться к броненосцу.

Через минуту два офицера, лейтенант барон Клодт, комендант миноносца, и лейтенант Макаров, убежавший с «Потемкина», были на палубе броненосца. Их сопровождало несколько матросов.

Желая спасти жизнь своему командиру, барону Клодту, они представили его, как очень мягкого и доброго начальника.

На миноносцах покупкой провианта заведывали сами матросы. Этим объясняется, что пища у них была лучше.

Матросы миноносца, стоявшего всего в десяти метрах от «Потемкина», видели всю происшедшую драму,

Они слышали приказание Голикова относительно караула.

— Вот до чего дошло дело с такими начальниками,— сказал по этому поводу барон Клодт. — Что же делать теперь с матросами: арестовать их, расстрелять?

Офицеры и матросы еще рассуждали об этом, когда услышали ясный и отчетливый крик: «Не стреляйте, они наши братья». Они увидели, что события приняли серьезный оборот.

Перед их глазами разыгрывалась кровавая трагедия, но они не знали, что делать.

Через несколько минут они увидели плывущего к миноносцу офицера Макарова.

— Снимите с меня мундир! — просил он, когда очутился на миноносце.

Матросы раздели его и дали свою блузу, так как под мундиром ничего не оказалось. Макаров вынул из мундира пачку вымокших банковых билетов и принялся их сушить [52]. Затем миноносец хотел уехать, но «Потемкин» его остановил.

Заступничество матросов спасло жизнь их командиру, но оно не помогло Макарову.

— В воду лейтенанта Макарова, в воду! — кричали со всех сторон.

— Довольно крови! Народу не нужно столько крови! — слышались более благоразумные голоса, и начался спор.

В первый момент борьбы, под непосредственным впечатлением жестокости офицеров и приготовлений к расстрелу окруженных матросов, всеми революционерами овладела ненасытная жажда мести, бешенство и кровожадность. Даже штундисты. эти поборники

мира, которые на все увещевания Голикова отвечали, что никогда не будут убивать себе подобных, были охвачены общим вихрем и стреляли, не считая пуль. Но казнь Голикова вызвала реакцию. Кровопролитие становилось бесполезным и даже вредным.

— Ведь это революция, а не мятеж!

— Дело народа больше не нуждается в крови!

Крик был услышан.

Казни прекратились, жизнь Макарова была пощажена. Удовлетворились арестом обоих в офицерской каюте, лишив их знаков отличия. Так же решено было поступить с прочими офицерами.

Часть матросов пошла мыть палубу горячей водой, а другие продолжали разыскивать остальное начальство.

В это время квартирмейстер 1-й статьи Матюшенко, выдвинутый событиями, объяснял товарищам, собравшимся на юте, всю важность революционного момента, в который они начали борьбу за освобождение русского народа.

Благодаря своей смелости, решительности и хладнокровию, Матюшенко приобрел то сильное влияние на матросов, которое он сумел удержать до конца. Его речь и речи других матросов, членов революционного комитета судовой комиссии — Никишкина [53], Звенигородского, Резниченко — развертывали перед матросами план восстания. Они высказывали уверенность, что их выступление не будет единственным, что за ними последует вся эскадра. Речи встречались криками:

«Долой самодержавие! Да здравствует свобода!»

В четыре часа пополудни матросы, принявшие команду различных частей, заранее назначенных планом восстания, объявили, что все готово к отплытию,

От матросов миноносца узнали о событиях. происходивших в это время на улицах Одессы.

Первой мыслью свободных матросов было отправиться на помощь братьям-рабочим для поддержки их в борьбе за свободу.

Глава третья

НЕ БУНТ, А РЕВОЛЮЦИЯ

Броненосец «Князь Потемкин Таврический» пришел в Одессу 14 июня около 10 час. вечера. Бросив якорь, он стал на внешнем рейде.

Матросы-революционеры, во власти которых теперь находилось судно, приказали спустить катера и поручили им с миноносцем ночную охрану.

Отдав служебные распоряжения, они собрались в адмиральскую каюту, чтобы совместно обсудить свое дальнейшее положение и порядок следующего дня. Бодрость и довольное чувство было написано на загорелых лицах матросов, когда они с комфортом расположились на мягких креслах и диванах этого роскошного помещения. В течение долгой службы многие не осмеливались даже заглянуть в это таинственное «святая святых», из которого на них так часто сыпались всякие кары и строгости.

Теперь здесь слышались шутки и видна была непринужденность.

— А вы, ваше превосходительство, изволите курить махорочку, — смеясь обратился один матрос к своему товарищу, кочегару. — Ведь этот табачок совсем не по носу генералам, особенно по нонешним временам.

Народный «генерал», с испачканным копотью лицом, развалившись в кресле, сосредоточенно потягивал «козью ножку», сплевывая то-и-дело на пол.

— Сигару ему, братцы, заморскую дайте в зубы, чтобы он зачихался на-смерть от нее, — острили другие.

Этим шуткам вторил дружный, веселый смех, но их скоро сменил деловой разговор.

Был принят ряд практических решений и выработан текст воззваний к казакам и солдатам и к населению города Одессы [54].

Письмо это в сущности предназначалось властям города и народу. Но ввиду того, что матросы не знали, как передать, не рискуя быть арестованными, они и решили направить его французскому консулу, полагая, что консул, как представитель свободной руспубликанской страны, узнав, что они борются за свободу, окажет им всевозможные услуги и содействие [55].

На ряду с этим просили содействия у одесского и севастопольского комитетов социалдемократической партии [56].

Единодушно заключили не вести пока наступательных действий, а выждать прихода всей эскадры [57].

Матросы, принимавшие участие в социалдемократической севастопольской организации, ознакомили всех присутствовавших матросов с тем, что во флоте существует общий план восстания, выработанный еще до начала кампании. Поэтому они были уверены, что при появлении эскадры, многие из броненосцев присоединятся к «Потемкину».

Обсуждение всех этих вопросов затянулось до 4 часов утра.

Ложиться спать было не время, и некоторые собирались ехать в город за провизией. Все были так воодушевлены и взволнованы, что усталость и сон не чувствовались ими.

Остальная команда по приходе в Одессу напилась вечернего чаю и тихо улеглась спать. Бодрствовали только вахтенные да караульные.

15 июня, около 5 часов утра, тов. Бредихин, Ш. и Алексеев (машинист) сели в катер и отправились в город. Они должны были закупить провизию, распространить по городу заготовленные ночью воззвания к казакам и армии и передать «письмо» французскому консулу.

В городе они направились в ту пекарню, которая и раньше выполняла заказы для броненосцев. Матросы приняли вид «артельщиков»[58], закупающих провизию по приказанию судового начальства. Хозяин пекарни очевидно еще ничего не знал о происшедшем на «Потемкине» и легко согласился сейчас же доставить 50 пудов хлеба, а другие 50 пудов взять в соседней пекарне.

Хлеб был закуплен. Оставалось приобрести другие продукты. Бредихин и еще несколько матросов пошли к зеленщикам, а Ш. и Алексеев отправились разыскивать знакомых рабочих, которые могли бы свести их к представителям местной социалдемократической организации.

Проходя мимо фабрик и заводов, они разбрасывали захваченные с собою прокламации. В городе было еще тихо, и они беспрепятственно исполняли все свои поручения, за исключением передачи письма французскому консулу. Ни у кого не оказалось в карманах денег, чтобы нанять извозчика и поехать отыскивать консульство, а итти пешком было бы долго и не безопасно в виду просыпающейся полиции.

Вскоре вся провизия, в несколько сот пудов, была доставлена на подводах в порт, куда вернулись и все товарищи.

Теперь возникло затруднение, как всю эту массу продуктов доставить на броненосец. Шлюпок никто не хотел дать, да и перевозить на них пришлось бы очень медленно. Рабочие, узнав, в чем дело, силой забрали портовые катера и начали энергично грузить на них провизию.

С броненосца приехал на катере Матюшенко с матросами и стали быстро перевозить все продукты на «Потемкин». Продавцам уплатили не только за настоящий заказ, но и за сделанный еще ревизором Макаровым.

Когда подходили катера и шлюпки с провизией, к броненосцу подъехал из города катер с вооруженными жандармами. Матросы с любопытством столпились у трапа.

— Разрешите нам войти на корабль, — обратился к матросам один из жандармов заискивающим голосом.

— А вы кто такие? — спрашивают матросы.

— Да мы — жандармы.

— Что же вам угодно на нашем броненосце?

— Мы хотим снять допрос о том, как у вас все произошло.

— А, допрос снять! Сейчас.

И один из матросов громко отдал команду: «Караул, наверх!»

Моментально перед трапом явилось человек десять с заряженными ружьями и направили дула винтовок на катер с незванными гостями.

— Эй, жандармы, бросай сабли в воду, а то сейчас стрелять будем! — крикнули матросы.

И эти всевластные чины, сильные лишь с беззащитными и бесправными гражданами на берегу, при первой же угрозе оказались жалкими и ничтожными. С бледными, вытянутыми лицами, они молча сняли с себя сабли и бросили в воду.

— Бросай револьверы! — раздалось опять.

Жандармы швырнули и револьверы.

— Бросай кобуры!

И кобуры полетели туда же.

— Теперь поезжай домой!..

И катер, с обескураженными жандармами, помчался на всех парах обратно в город при гомерическом хохоте всей команды броненосца.

*

На броненосце утром начались приготовления к перевозке трупа Вакулинчука на берег. Он умер между 8—9 часами вечера еще вчера.

Незадолго перед этим он призвал одного из рабочих севастопольского дока, находящихся на броненосце, и передал ему 60 руб. личных денег. Половину из них он просил отдать старику-отцу, а остальные раздать бедным.

Труп Вакулинчука перенесли в судовую церковь. Во время пути и всю ночь кругом него горели свечи и матросы попеременно читали над ним напутственные молитвы. У многих слезы текли по щекам.

Около шести часов утра матросы надели на него чистое белье, новый тельник, форменку, положили на

носилки, украшенные флагами, и бережно снесли в катер, куда сел и почетный караул из вооруженных матросов. Лишь только труп был вынесен на берег, хлынул народ и начал расспрашивать, в чем дело.

Матросы подробно рассказали историю своего восстания против начальства и заявили, что теперь они готовы с оружием в руках встать на защиту рабочих людей и помогут им прогнать всех вампиров, сосущих кровь трудящегося люда.

— Но мы нуждаемся в угле, провианте и воде, без которых нам невозможно вести войну, — заключили матросы свой рассказ перед собравшимся народом.

Громадная толпа, как один человек, шумно начала кричать:

— Да здравствует свобода! Долой самодержавие!

— Провизии матросам! Угля!

Несколько сот человек бросились на близстоящий пароход с углем и подняли на нем якорь.

Через некоторое время миноносец отвел пароход с углем и рабочими к «Потемкину».

Рабочие на берегу принялись за устройство палатки из брезента над трупом Вакулинчука. Сюда непрерывно стекался народ со всего города.

Но вот появились в порту казаки и полиция. Думая, что перед ними попрежнему беззащитная толпа, они бросились разгонять ее нагайками, намереваясь захватить и увезти с собой труп Вакулинчука. В это время на броненосце подняли красный флаг.

Матросы, стоявшие с ружьями у трупа, крикнули рабочим.

— Товарищи, разбегайтесь подальше! Сейчас по казакам откроют огонь из пушек!

Услыхав это, храбрая кавалерия ударилась в беспорядочное бегство, перегоняя и давя друг друга. Один околоточный до того перепугался, что бросился сразмаху головой в кучу каменного угля и стал зарываться в нее, умоляя окружающих полицейских поплотнее засыпать его.

С этого момента казаки и полиция не осмеливались больше показаться в порт, и он на весь день очутился во власти рабочих.

Когда миноноска вела на буксире пароход с углем к броненосцу, впереди шел катер, где сидели матросы с Матюшенко.

У миноноски был испорчен руль, и катер брал ее на буксир каждый раз, как только ей нужно было развернуться и взять новое направление. Весь этот транспорт был уже за волнорезом, когда из-за маяка показался другой портовый катер, тоже направлявшийся к броненосцу. В нем сидели: жандармский офицер, прокурор, капитан порта и еще какое-то начальство в мундирах и орденах.

Матюшенко крикнул им:

— Куда вы едете? Поворачивайте назад...

Но они продолжали свой путь. Тогда он пустил свой катер полным ходом наперерез едущим мундирам, угрожая при этом винтовкой. Городской катер остановился.

— Заворачивайте назад! — крикнул Матюшенко, подъехав к борту. А то мы сейчас вас всех утопим. Нам начальства больше никакого не нужно. Мы и свое-то в воду побросали. Заворачивай!

И шитое золотом начальство послушно повернуло обратно в город, а Матюшенко поехал сзади. Когда они

высадились на берег, Матюшенко крикнул толпившимся рабочим:

— Смотрите, братцы! Вот они, кровопийцы-то наши!

Рабочие начали шикать, свистать и гикать на помертвевших от страха властных чиновников, поспешивших подобру поздорову убраться поскорее домой.

Матюшенко же поехал вдоль порта, приветствуемый несмолкаемыми криками «ура». В одном месте к нему подъехали на лодках тов. Фельдман и другие социал-демократы местной рабочей организации. Первый вопрос, какой им задал Матюшенко, был:

— Вы социал-демократы?

— Да.

— Из рабочей организации?

— Да.

Получив утвердительный ответ, он пересадил сейчас же к себе в катер тов. Фельдмана, бывшего тогда в студенческой форме, и повез его на броненосец, остальных товарищей он пригласил ехать следом за ним в своих шлюпках.

Фельдман [59] и «Борис» [60] выступили сейчас же с горячими речами перед командой «Потемкина». Они призывали их к дружной борьбе вместе со всеми рабочими за лучшее будущее и за новую, свободную жизнь. Страстная, талантливая речь тов. Бориса произвела особенно глубокое впечатление на всех слушателей. Остаться ему однако на броненосце не пришлось, так как необходимо было ехать в другой город с каким-то важным поручением.

Спустя некоторое время приехал на «Потемкин» и я с одним из товарищей, бундовцем. Когда мы подезжали к судну, с левого борта его стоял угольщик.

Рабочие и часть матросов энергично таскали уголь, ссыпая его в угольные ямы.

Мы взошли на борт. К нам подошли два матроса с интеллигентными, симпатичными лицами. Узнав, что мы социалдемократы, и выслушав мое заявление от имени портовых рабочих, они нас радушно приветствовали и горячо пожали руки. Затем они побежали куда-то вниз, вызвать оттуда наших товарищей по организации. Нас окружили другие матросы и стали расспрашивать о том, что делается в городе. Один из матросов пригласил нас пройти на «бак»[61], где собралось много матросов, и рассказать о рабочих волнениях в Одессе.

Вызвали караульного начальника тов. Дымченко, без которого невозможно было пройти через батарейную палубу. Дымченко приказал часовому пропустить нас, и мы прошли на «бак». Много матросов теснилось вокруг ведра с водкой, черпая поочередно свою предобеденную порцию. Следом за нами пришел и тов. Фельдман.

Всех нас сердечно начали угощать водкой.

— Расступитесь! Дайте место гостям! — говорили матросы, увидав нас и отодвигаясь в сторону.

Тов. Фельдман, взяв чарку, выступил с речью. Он говорил о современной политической борьбе всего народа против деспотического правительства и той роли, какую играет в этой борьбе рабочий класс. Закончил он свою речь возгласом: «Да здравствует свобода! Долой самодержавие!»

Матросы так одушевленно подхватили эти возгласы, что оглушительное эхо раздалось, мне кажется, не только во всех концах броненосца, но долетело вероятно и до берега.

Вторым выступил товарищ «бундовец». Он говорил о том, чего мы должны добиваться в этой борьбе. Говорил о политической свободе и об отдаленном идеале будущей братской жизни, на пути к которой нам необходимо победить всех наших врагов. Матросы в конце каждой речи с неподдельным энтузиазмом кричали: «Ура!» «Смерть врагам!» «Умрем за свободу!»

После «бундовца» хотел говорить я, но засвистела дудка на обед [62], и матросы отправились в столовую пригласив и нас.

Нам дали по деревянной ложке и большому ломтю черного хлеба. Так как мы с утра ничего не ели, то с аппетитом принялись за солдатские щи.

Пообедав на скорую руку, я вышел наверх и, беседуя с группами матросов, наблюдал, что делается на судне.

Рабочие, погрузившие уже уголь, прогуливались по броненосцу, любуясь этой сложной, разрушительной махиной.

Особенную любознательность, как и всегда, проявляла молодежь. Она вертела пушки, трогала заряды, лазила на верхние палубы и вообще вела себя непринужденно. Это хождение и лазанье вызвало некоторую неприязнь и опасение со стороны команды.

Хотя во всех опасных местах и стоял караул, но все-таки матросы боялись, что кто-нибудь может проскользнуть в патронные погреба и наделать беды. Такое негостеприимное отношение матросов к рабочим объяснялось тем, что никто из посторонних не смел даже всходить на военный корабль, и теперь наплыв «вольного люда» представлял для них непривычное явление. К тому же некоторые матросы из забитой и темной

части команды питали скрытую надежду вернуться после всего совершенного на путь раскаяния и смирения.

Для них присутствие революционных рабочих на судне было нежелательно, так как создавало среди большинства матросов решительное и боевое настроение.

Особенно не по сердцу было присутствие «вольных» революционеров кондукторам, этим сверхсрочным рабам своего начальства, и они скрыто, из подполья, напевали матросам на ухо о том, что «вольных» не нужно, что они-де продадут матросов.

Нашептывали они и о «верности присяге», о «святости службы», а также и о том, что государь-де, мол, невинного никогда не повесит, и лучше тому, кто не бил офицеров, держаться в стороне и не давать на судне никому делать таких дел, за которые впоследствии ответит вся команда.

Все это я узнал от одного словоохотливого матроса.

Присматриваясь внимательно к различным лицам, я видел и сам, что часть матросов не обнаруживала того энтузиазма, который был написан на оживленных лицах большинства потемкинцев.

Внезапно разразившиеся события на Тендере как-то запугали и пришибли их. С одной стороны, они боялись революционной части своих товарищей, так круто и быстро расправившихся с офицерами, с другой стороны, они совершенно не понимали предпринятого дела. Это были в большинстве случаев новобранцы, только-что взятые от сохи. Темные и запуганные, они желали только спасти свою жизнь и не попасть после в ответ перед высшим начальством. Их трусливый

и тревожный дух успокаивался смутной, наивной надеждой, что царь-де, мол, никогда не согласится расстрелять 800 человек народа, из-за каких-то семи офицеров. Хотя таких лиц в первый день было меньшинство, но они все-таки оказывали заметное задерживающее влияние на общую решимость и революционный пыл остальных.

Подошел караульный начальник Дымченко и сказал, что меня и другого товарища «бундовца» просят в комиссию в адмиральское помещение. Мы спустились куда-то в люк.

*

Когда вся команда в этот день встала и напилась чаю, матросы кучками слонялись по броненосцу, не зная, что делать и за что приняться.

Проявлять собственную инициативу они не привыкли, а кричать и распоряжаться ими теперь было некому, так как строгое начальство находилось «на дне морском».

Таким положением, когда никто не знал, кому какую службу и в какое время исполнять, тяготились все.

Беспорядок и суета были заметны повсюду и тяжело отзывались на самочувствии и настроении всей команды.

Многие из матросов-революционеров заметили этот дефект в судовой жизни и принялись сейчас же за реорганизацию всего управления кораблём на новых выборных началах.

Особенно энергично начали агитировать в этом направлении машинисты Кулик и Резниченко,

Хотя разговоры об управлении судном и происходили еще вчера вечером, но разлад среди команды, обнаружившийся сегодня с утра, побудил немедленно приступить к организации этого управления.

В 9 утра велели ударить «сбор» [63].

Вся команда собралась на баке. Товарищ Кулик [64] произнес речь, в которой указывал на необходимость вверить все управление судном выбранным товарищам. Он говорил, что броненосцем, этой сложной и громадной машиной, не может распоряжаться каждый и всякий по своему желанию. Поэтому необходимо избрать из своей среды человек 20—25 надежных и знающих товарищей, и пусть они заботятся обо всем и командуют судном. Мы должны им повиноваться и верить им во всем, потому что сами выбрали.

После Кулика говорили на ту же тему и другие товарищи. Команда видимо была довольна этим предложением и охотно приступила к выборам. В выборах принимали участие все, за исключением матросов, находящихся в карауле или на службе.

Всего было избрано 35 человек. Они-то и составили так называемую «комиссию», обратившуюся впоследствии в «вечно бодрствующий комитет».

К концу выборов к броненосцу подошел угольщик с рабочими и стал приставать к борту.

Дудка просвистела «собрать комиссию» и «грузить уголь» [65]. Команда с шумом принялась за дело.

В «адмиральской» вокруг большого, длинного стола сидели и стояли человек 25 матросов. Посреди них расположились наши товарищи из местных социал-демократических организаций. Многих из них мы знали лично, а с остальными нас сейчас же познакомили.

Матросы радушно подали нам кресла и пригласили принять участие в совещании.

Избрали председателем тов. Афанасия, из местной социалдемократической организации. Он обратился с речью к присутствующим.

После этой речи приступили к обсуждению неотложных вопросов.

Совещание было посвящено главным образом выработке совместного плана действий рабочих и матросов. В этом направлении говорили все товарищи и внесли различные предложения. Я только-что прибыл с берега, оставив в порту возбужденную толпу рабочих, готовую каждую минуту броситься в бой, и поэтому горячо стал настаивать на самых быстрых и решительных действиях.

Я предлагал или высадить десант матросов или вооружить рабочих имеющимися ружьями и револьверами и повести с ними под предводительством потемкинцев наступление на город. При этом броненосец должен был поддерживать наступающих орудийным огнем с моря.

Я указывал, что в настоящее время артиллерии нет, войск мало и вообще все благоприятствует быстрому и неожиданному нападению. И если мы этот момент упустим, то дадим одуматься и укрепиться нашим врагам. Настроение среди народа тогда упадет, и позднее мы можем уже не встретить с его стороны той горячей революционной решимости, какая господствует теперь среди самых широких масс.

Я указывал, что взятием Одессы в свои руки у нас была бы обеспечена база для дальнейших действий и мы легко могли бы продолжать сражение на берегу

даже в том случае, если бы и были разбиты остальной эскадрой. Теперь же у нас враги и с тыла и с моря.

Матросы не находили никаких веских возражений по существу. Они говорили только, что десанта теперь высадить не могут и что для них лучше обождать прибытия остальной эскадры, после чего будет все ясно. Если она присоединится, то Одесса немедленно будет взята [66], а если нет, то тогда видно станет, что делать дальше. Заметно было, что товарищи матросы колебались принять наш революционный план нападения, не ручаясь очевидно за соответствующее единодушное настроение всей команды.

В это время вошел матрос и заявил, что команда волнуется и просит удалить с судна всех «вольных».

Решено было остаться на броненосце мне, тов. Фельдману и Афанасию, а все остальные собрались ехать обратно на берег.

С отъезжающими товарищами мы условились, что они будут поддерживать с броненосцем непрерывное сообщение, давая знать нам обо всем, что происходит в городе. Они должны были послать своего человека в Севастополь, чтобы известить тамошних товарищей и флот о восстании «Потемкина». Просили также прислать популярные революционные брошюры для матросов и несколько экземпляров топографического плана Одессы. Установили и пароль на случай ночного приезда кого-нибудь из организации.

Шлюпка поплыла в порт.

Рабочим, находящимся на судне, было предложено матросами в виду всяких приготовлений и установления порядка также поехать на берег. Они собрались на угольщике, который и был отведен в гавань.

Меня поразило несколько бесцеремонное выселение всех «посторонних» с революционного судна. Тем более, что рабочие проявили столько искреннего участия к потемкинцам[67].

После удаления всех «посторонних», «комиссия», или «судовой комитет», занялась установлением новых внутренних порядков.

Были назначены вахтенные начальники, караульные унтер-офицеры и другие должностные лица. Боцман Мурзак был назначен на должность старшего офицера, а прапорщик Алексеев попрежнему оставлен командиром броненосца.

Погон, нашивок и других отличительных знаков конечно ни у кого не было.

Чтобы объявить вновь назначенных начальников и ознакомить всех с демократическими порядками, команду по сигналу собрали на баке. Ряд ораторов-матросов объяснил товарищам, что теперь каждый из них состоит не на подневольной службе, а на службе великому народному делу, которое должно быть близко сердцу каждого из них. И каждый, кто понимает это, пусть свято и добросовестно выполнит свой долг перед русским народом.

Хотя большинство присутствующих и приветствовало эти речи, однако со стороны то-и-дело раздавались возгласы, что никто не хочет служить, что многие игнорируют свои обязанности и не становятся ни на вахту, ни в караул.

Чтобы поднять дух дисциплины и водворить порядок, «комитет» приказал ударить боевую тревогу.

Через минуту заиграла труба и при первых же звуках сигнала вся команда бросилась по своим местам,

и каждый занял свой пост по «боевому расписанию» [68]. Часть товарищей из «комитета» и новый «старший офицер» отправились производить учебную проверку.

Все оказалось в образцовом порядке, и дан был «отбой». Матросы повеселели, и видно было, что этот опыт хорошо подействовал на их самочувствие.

Пока у нас шла установка новой внутренней жизни, к судну то-и-дело подъезжали шлюпки и лодчонки, нагруженные различной снедью. Табак, папиросы, фруктовый квас, всевозможные лакомства подвозились и передавались на корабль непрерывно весь день.

Более зажиточные горожане посылали ящиками дорогой табак, чай, сахар и пр.

Рабочие же привозили полные лодки черного хлеба, кваса, муки. Изголодавшись за несколько дней тяжелой стачки, они тратили последние кровные гроши, чтобы выразить свое братское отношение к матросам и снабдить их самым необходимым.

Привозили также водку, но матросы не принимали ее, видя в этом предательский маневр со стороны полиции. «Это она, — говорили они, — посылает чуть не ведрами проклятое зелье, чтобы напоить нас мертвецки пьяными, а потом всех перевязать и повесить на мачтах».

Подъезжали к броненосцу и представители от местного комитета партии социалистов-революционеров. Однако на судно попасть им не удалось, так как в это время из «вольных» никого уже не принимали [69].

К борту пристала лодка с двумя армейскими солдатиками. Часовой у трапа спросил их, что нужно. Армейцы ответили, что они посланы от своих частей для переговоров с моряками. Их сейчас же провели в адми-

ральское помещение, где они перед всем «комитетом» заявили, что являются депутатами от одной армейской девизии, стоящей теперь в городе.

— Мы уполномочены, — продолжали солдатики, — передать вам от своих товарищей самое горячее сочувствие и сказать, что все мы готовы поддержать вас в вашей великой борьбе за народное дело. У нас хотя и не вся дивизия пойдет за вами, так как многие еще рабски повинуются своему начальству, но есть много таких, которые не остановятся ни перед чем и открыто станут на вашу сторону. Вот от них-то собственно мы приехали передать вам братское сочувствие.

Солдаты говорили так горячо, что нельзя было сомневаться в искренности их слов.

Мы попросили депутатов передать команде все, что они сказали нам. На кнехт встал один и обратился с речью. Моряки наши слушали, затаив дыхание.

— Мы вам, братцы, дадим поддержку на берегу. Нам живется может еще хуже и тяжелее, чем вам, и терпеть дальше у нас тоже нет больше силы. Мы не станем больше убивать ни крестьян, ни рабочих, не будем стрелять и в вас, если вы придете забирать город, потому мы все—братья, и все должны дружно итти вместе, а не бить друг друга.

Нас обворовывает начальство, нас притесняет правительство—вот их-то мы и должны уничтожить. Продолжайте же, братцы, начатое дело, и мы вам непременно дадим помощь. Мы тоже не собаки, и у нас есть сердце.

Волнение слушателей достигло в этом месте такого напряжения, что они не выдержали, и из сотни грудей вырвалось непроизвольное, оглушительное «ура».

— Браво, браво, армейцы! Качать их!

Воодушевленные возгласы носились, как буря, в восьмисотенной толпе наших моряков.

Подъем духа у всей команды стал необычайный и захватил даже самых пессимистических и отсталых.

Депутаты, душевно простившись со всеми, при криках «ура» сели в свою лодку и направились обратно.

К вечеру, когда у нас все были заняты уборкой и чисткой корабля, вдруг на горизонте показалось какое-то военное судно. Все заволновались, и многие побежали на верхнюю палубу.

Судно вышло из-за горизонта и направилось прямо к нам.

— Это — «Веха»,—крикнул сверху сигнальщик, рассматривая неприятеля в подзорную трубу.

Суденышко было маленькое и для нас совершенно безвредное. Оно занималось установкой маяков, и вооружения на нем почти не было. Матросы успокоились и стали ждать, что будет дальше.

«Комитет», посоветовавшись, отдал распоряжение не допускать близко «Веху» и приказать ей немедленно стать на якорь.

«Веха» остановилась. От нее отплыла шестерка — шлюпка на шесть весел — очевидно со своим командиром.

— Арестовать его! Арестовать! — раздалось у нас.— Это он с рапортом едет.

И лишь только шестерка пристала к нашему трапу, как его сейчас же окружили матросы.

Позвали прапорщика Алексеева и ему поручили произвести арест командира «Вехи», но Алексеев, подойдя к нему, начал растерянно бормотать что-то непонятное.

Видя замешательство, вперед протолкались Резниченко и Матюшенко.

— Мы вас арестуем, — громко обратились они к командиру «Вехи», вынимая у него из ножен шпагу.

В орденах и парадной форме капитан «Вехи» думал встретить своего начальника Голикова. Он был настолько изумлен, что не мог произнести ни одного слова, и испуганно глядел, не понимая, в чем дело.

— Пожалуйте в адмиральскую, — повторил настойчиво Резниченко.

Командир колебался, но, заметив, что один из матросов вынул револьвер, он поспешил отправиться вниз в сопровождении матросов. По нашему приказанию, явились с «Вехи» и все остальные офицеры. Их также арестовали и привели в адмиральскую, а «Веху» подвели ближе и остановили у левого борта броненосца, где в это время стояла баржа с водой.

Офицеры были бледны, как полотно, и пугливо озирались на столпившихся матросов. Они сидели на предложенных им стульях около стола, а командир, стоя, тяжело вздыхал. Вид у него был очень жалкий, особенно при скрещенных беспомощных руках, которые он держал на своем круглом животе.

Принесли кассу, конфискованную на «Вехе». Разбили ее и в присутствии офицеров сосчитали деньги. Их оказалось 1 200 рублей.

Затем с офицеров были сняты все погоны, ордена, кортики и их вкратце ознакомили с тем, что произошло на Тендере. Прочитали им протокол событий, на котором все они и расписались.

— Нужно им денег дать на дорогу, — заметил кто-то из матросов.

И им сейчас же роздали по 100 рублей.

Все офицеры охотно взяли деньги, хотя у многих из них видны были в кошельках довольно значительные суммы. Один даже разменял тут же 300 руб., но отказаться от предложенных денег нехватило порядочности.

Офицерам объяснили, что потемкинцы теперь открыто встали на сторону восставшего народа и будут сражаться за него, насколько хватит сил, со всеми врагами и правительством.

В конце к ним обратились с речью я и тов. Фельдман.

— Вы видите, господа, что это уже не бунт, а наступившая народная революция. Время беспорядков и бунтов сменяется теперь открытой сознательной борьбой народа с самодержавием. И вам вместе с снятыми орденами и погонами придется сбросить также и все старые предрассудки. Вы провели вашу жизнь в погоне за чинами и карьерой, забывая о несчастии тех, кому вы обязаны были своим успехом. Вас окружала атмосфера довольства, пьянства, картежной игры, и вы не видели в этом чаду тех лишений и невзгод, которые переносит солдат. Напротив, вы ухудшали его положение, принижая его ежедневно зуботычинами и площадной бранью. Вы видели в нем только машину, только слепое орудие ваших желаний. Но вы забывали при этом, что перед вами стоит человек, тот самый человек, который ходит в поле за плугом и стоит за фабричным станком, только одетый в шутовской солдатский наряд. Он вас кормил, ткал вам блестящие сукна, он вам платил жалованье своими податями, а вы, прокучивая все в одну ночь, на утро приходили в казарму и тыкали ему за все его добро в зубы кулаки. Среди царящей

лжи и подобострастия, вам может быть первый раз приходится выслушивать правду прямо в лицо. Вы смущены и растеряны.

Неужели же вы думали, что этот забитый вами солдат будет и дальше нести вас покорно на своей спине и никогда не станет гражданином?

Неужели вы думали, что еще и дальше можно будет пожинать вам славу и почести на трупах этих людей? Нет!

Довольно с нас и прежней тирании.

Прочь, паразиты, с нашего наболевшего тела! Вы теперь нам совершенно не нужны и можете убираться на все четыре стороны. Смотрите, вся трудящаяся Россия восстает почти всюду, а с ней поднимаемся и мы — ее дети-солдаты.

Поезжайте же теперь на берег и прославляйте восставших моряков, великодушно дарующих вам вашу жалкую, негодную жизнь...

— На берег их! На берег!—зашумели кругом матросы.

Окруженных офицеров посадили в катер и отвезли в порт.

Из их числа задержали только врача, так как у нас было несколько человек больных.

Я отправился на «Веху», чтобы объяснить ее матросам наше дело. наши цели и предстоящую борьбу. С большим интересом слушали матросы мой рассказ.

Многие из них прерывали меня, задавали вопросы и вообще отнеслись с полной серьезностью к своему новому положению.

Сочувствие к потемкинцам конечно было всеобщее и самое горячее. Побеседовал я с ними таким

образом часа два. Время было уже к вечеру, и на броненосце барабан пробил «зорю» [70]. Я поторопился вернуться к себе.

На баке стоял караул и толпилось много матросов. Один из них говорил о том, что на корабле мало порядка, что не назначены караулы, что все это нужно сделать сейчас же, нужно исполнять те же службы и работы, что и раньше.

Все согласились, и был произведен новый наряд вахтенных и часовых.

Горнист заиграл «на молитву».

После молитвы расходиться не стали, так как пожелали послушать ораторов. Матросов было очень много. В средине они расступились и очистили место.

Первым говорил тов. Александр. Так как масса была недовольна присутствием «вольных», то он и посвятил свою речь объяснению, кто мы, чего добиваемся, за что боремся и т. д.

После него выступил тов. Фельдман. Он сказал блестящую, горячую речь чисто политического характера. Начал с «борща», показал, как тесно данный факт связан со всем существующим строем, охарактеризовал самодержавие, рассказал о 9 января в Петербурге и закончил призывом к борьбе.

В низком помещении было жарко и душно. Матросы напряженно слушали часто трудно понятную для них речь. Лица у всех были возбужденные, потные. У некоторых на глазах были слезы, когда товарищ описывал ужасы 9 января.

Заключил он свои слова возгласом «Да здравствует свобода», который был подхвачен матросами и долго оглашал судно.

— Так как же, братцы, оставим мы наших товарищей «вольных»?—громко спросил один из сознательных матросов после речи Фельдмана.

— Оставим, оставим! Пусть будут с нами.

— Все будем вместе! — закричала единодушно команда.

Я не выступал перед матросами. Возвратившись с «Вехи», я спустился в адмиральскую каюту.

Я так утомился за день и предшествующие бессонные сутки, что невольно опустился в кресло, думая хоть немного отдохнуть.

От непрерывных речей в горле чувствовались воспаление и сухость, голова шла кругом и болели виски, ноги ныли от чрезмерной усталости. Я сел и сейчас же задремал.

— Кирилл! А, Кирилл! Вставайте! Ха-ха-ха... Он заснул,—раздалось вокруг меня.

Я открыл глаза и увидел собравшихся на совещание товарищей.

Заседание это было непродолжительно. На нем главным образом обсуждался вопрос о порядке на судне. Многие товарищи жаловались, что на броненосце есть много ненадежных элементов, которые легко могут ночью устроить какую-нибудь пакость. Решено было во всех важных местах поставить караул из своих людей и не спать самим эту ночь.

Сильно бросались в глаза недоверие и подозрительность матросов. Они проявлялись не только по отношению к кондукторам, но и к вполне надежным товарищам. Может быть под влиянием надвигающейся ночи и необъяснимого страха многие склонны были предполагать везде и всюду предательство. То опаса-

лись ночного дезертирства части команды, то не доверяли добросовестности часовых и за всем глядели сами, боясь измены.

Вахтенным приказали строго следить за «Вехой» и миноноской, чтобы они не вздумали удрать от нас под покровом ночи.

Шлюпок распорядились не подпускать близко к броненосцу.

Поднялся вопрос о возможной ночной атаке со стороны остальной эскадры или минной флотилии. Меры охраны и защиты от такого нападения дебатировались самым подробным образом. В связи с этим возникла масса всяких технических морских вопросов. Обсуждали горячо и порой спорили друг с другом. Кто-то из матросов предложил пригласить офицеров и выслушать их мнение.

— А не лучше ли всех их свезти на берег? — предложил другой.

— Нет, лучше пригласим самых симпатичных из них на совещание, а остальные пусть себе сидят, — посоветовал третий.

С этим предложением согласились почти все. Через несколько минут в адмиральскую вошли инженер-механик Коваленко, доктор Голенко и инженер-механик Калюжный.

Коваленко сейчас же заявил матросам, что он сочувствует их делу и что вообще он еще во время своего студенчества был знаком с революционным движением в России и даже принимал в нем кое-какое участие.

Доктор Голенко говорил, что он—сын простого крестьянина, а потому дело народа ему понятно и близко сердцу.

Инженер же Калюжный сидел все время молча [71].

После этой вступительной рекомендации мы продолжали свои обсуждения.

— Пожар! Город горит! Порт горит! — закричал вдруг вбежавший к нам запыхавшийся часовой.

Мы опрометью выскочили все наверх.

Действительно в одном месте порта, прямо перед нами, пылал громадный огненный язык. Он метался от ветра из стороны в сторону и разростался на наших глазах.

Такое же пламя вспыхнуло еще в трех различных местах, и через час весь порт представлял сплошное море огня. Свирепое пламя то выбрасывалось высоко вверх, то раздувалось в стороны и беспощадно пожирало все на своем пути. Страшные крики неслись из гавани.

Мы оцепенели от этого зрелища.

В порту раздался страшный треск, и гул прокатился по морю. За ним еще и еще.

Наш броненосец направил туда свои прожекторы, но из-за густого дыма ничего невозможно было рассмотреть.

«Что бы это значило? — думали мы, нервно напрягая свое зрение.

— Неужели это рвет резервуары с нефтъю или же рушатся подгорелые постройки!

Из темноты показалась лодка и приблизилась к нам. В ней сидели несколько рабочих с бледными лицами.

— Братцы, родные, заступитесь. Нас там стреляют залпами казаки... Убивают нас целыми сотнями, и трупы лежат уже горами,— простирая руки, с рыданиями в голосе, обратились к нам рабочие.

Дрожь пробежала по телу при этом известии. Я и тов. Матюшенко прыгнули в шлюпку, чтобы сейчас же поехать в порт и самим собрать все необходимые сведения на случай немедленной бомбардировки.

Злоба и чувство мести охватили всех нас.

Подъезжая к гавани, мы заметили, что на волнорезе стоит какой-то солдат и машет шапкой. Мы подъехали к нему.

— Я к вам, товарищи, на броненосец, от организации одного батальона. Возьмите меня с собой, — обратился он к нам.

— От какой организаций?

— От военной социалдемократической, М-го батальона.

— Ваш пароль? — спросил я.

— Он сказал, мы его посадили в шлюпку и направились в порт.

На берегу и от солдата мы узнали, что в порту происходит ужасная кровавая бойня.

К вечеру набралось в гавань очень много босяков, которые начали грабить таможенные магазины. Главным образом они набросились на склады вина, стали разбивать кабаки и перепились окончательно.

Рабочие их останавливали, но безрезультатно. Пьяные до потери сознания, они бегали по порту и поджигали его в разных местах.

Пожар охватил всю гавань, и тысячные толпы обезумевших от страха людей стремились прорваться в город, двигаясь сплошной массой вверх на набережную. Полиция и власти воспользовались этим, чтобы выместить на безоружных рабочих все события этого дня и страх перед могучим броненосцем.

Они натравили на рабочих казаков и войска, говоря, что—это босяки, грабители, «внутренние враги», японцы, что броненосец тоже японский.

И залпы начали раздаваться за залпами.

На спусках и проходах лежали груды убитых тел...

Прорваться в город не было возможности, так как всюду стояли густые колонны войск, встречавшие несчастных убийственным ружейным огнем. Многие бросались с отчаяния в пламя, сжигая себя заживо. Дикая бесчеловечность и непонятное варварство было во всей этой кровавой вакханалии, разжигаемой полицией и властями.

Мы вернулись к броненосцу и передали товарищам все эти сведения.

Весь судовой комитет был экстренно созван на заседание.

Депутат от М-го батальона заявил, что у них есть значительная организованная группа солдат, готовых немедленно перейти к активным действиям, если мы решительно поддержим их с броненосца.

— Мы увлечем за собой половину всех войск! — горячо закончил он.

Необходимо было, не теряя ни минуты, открыть бомбардировку набережной, где нам видны были войска.

Командиру Алексееву дано было приказание ударить боевую тревогу и открыть огонь из всех орудий.

Мы вышли наверх и каждый поспешил на свое место.

Прошло пять, десять минут, а боевой тревоги не слышно.

Послали узнать к Алексееву, почему он медлит с исполнением нашего приказания. Он ответил, что считает

бесцельным открывать стрельбу, так как на орудиях не имеется соответствующих электрических приборов для ночного прицеливания и что установить их можно только к утру [72].

Мы не были специалистами в этом деле и поверили ему на слово. Но нас одно это обстоятельство не удержало бы от стрельбы и без приборов, если бы у всех товарищей существовала полная уверенность в готовности и решимости всей команды на этот активный революционный шаг.

В виду отсутствия солидарности, которое наблюдалось за этот день среди матросов, многие высказывали предположение, что разбуженная команда едва ли согласится на бомбардировку города.

Из опасения смуты и внутренних неурядиц мы принуждены были отложить наше решение до следующего утра. Кроме того мы надеялись к этому времени получить из организации более точные сведения и подробные указания.

Конечно в эту ночь никто из нас не ложился спать. Все мы нервно ходили по палубе, напряженно вглядываясь то в зарево пылающего пожара, то в таинственную темноту моря.

Тревожно прошла эта тяжелая ночь [73].

Глава четвертая

ПОХОРОНЫ ВАКУЛИНЧУКА И ОБСТРЕЛ ОДЕССЫ

Раннее утро. В порту огонь долизывает остатки богатств. На судне у нас все поднялись. После чаю началась обычная внутренняя жизнь корабля.

Мы решили послать депутацию к командующему войсками и требовать от него разрешения на немедленные и открытые похороны Вакулинчука.

Рабочие приезжали известить нас о том, что труп на берегу стал сильно портиться от жары и огня. Нужно было поспешить с его похоронами.

В числе других матросов должен был пойти в качестве переговорщика и товарищ Фельдман.

Фельдман выглядел настоящим моряком, переменив свой студенческий костюм на матросскую рубашку и шапку с ленточками.

С ним были машинист Кулик и еще несколько матросов. Мы их проводили на катер и, пожелав всякого успеха, пошли в адмиральскую. Сюда же стали собираться и другие члены «комитета».

Первым был поднят самый больной вопрос. Констатировали тот факт, что, несмотря на многие моменты воодушевления, среди команды не было достаточной солидарности. Это сказывалось и на боевой решимости даже некоторых из участников «комитета».

Они говорили, что сначала необходимо объединить команду, а затем уже думать о каких-либо революционных действиях.

Некоторые объясняли отсутствие единодушия тем, что над нерешительной частью матросов все еще тяготеет старый авторитет «начальства», а поэтому предлагали всех офицеров убрать с судна.

Раздались голоса, что офицеры, сидящие под арестом, поддерживают деморализацию среди команды и могут оказаться для нас очень опасными. Да и несение ежедневной караульной службы при них ложилось на нас лишней тяжестью.

Обсудив этот вопрос, все пришли к заключению, что офицеров необходимо немедленно свезти на берег, оставив только Коваленко, Голенко, Калюжного и Алексеева.

Матюшенко пошел отдать распоряжения. Несколько минут спустя офицеры увозились на катере в город.

— А кондукторов? Их следует вышвырнуть вон. Это самый продажный элемент на судне,—предложил один из товарищей.

По этому вопросу мнение «комитета» разделилось.

Я, тов. Александр [74] и еще несколько матросов стояли за немедленное их удаление с броненосца. Большинство же находило необходимым оставить их на судне, как хорошо знающих морское дело и техническое устройство судна.

На заседании коснулись и вчерашнего поведения прапорщика Алексеева. Его нерешительность, нераспорядительность и явное нежелание выступать от лица революционной команды были замечены всеми.

Его вчерашний отказ бомбардировать ночью город служил ярким примером его колебаний и скрытых антиреволюционных мыслей.

Несмотря на это, большинство товарищей из «комитета» отнеслось к нему снисходительно и оправдывало его поведение тем, что он не освоился еще со своим новым положением. Принято было только передать ему, чтобы он с этого дня не избегал команды, как вчера, не сидел бы у себя в каюте и чаще выступал бы, принимая участие в наших заседаниях.

Для привлечения всей команды к общему делу постановлено было наши решения, планы и предположения выносить на суд всех матросов, собирая их после засе-

дания на баке или на «шканцах». Чтобы пресечь различные нарекания на нас, будто мы предпринимаем что-то тайно и помимо всей остальной команды, мы в дальнейшем стали устраивать наши совещания открыто и приглашали присутствовать всех желающих.

Этим и закончились вопросы нашего внутреннего быта.

Но мы ожидали с часу на час появления эскадры. Как вести себя по отношению к ней? Что предпринять в случае появления минной флотилии и атаки на нас?

Вопросы эти сильно занимали всех и разбирались самым подробным образом. Говорилось о «сеточных заграждениях» [75], о дальнобойности наших орудий. Но больше всего матросы настаивали на том, что никакого нападения на нас быть не может.

— На всех судах есть наши товарищи, и они ни за что не допустят стрелять по «Потемкину». Если нас вздумают взорвать миноносцы, то они их сами расстреляют прежде, чем те успеют пустить в нас мину.

Такая уверенность была у революционной части матросов, и они ее энергично распространяли среди всей остальной команды.

— А у нас, товарищи, мясо на судне все вышло, — заметил один из матросов.

— За мясом нужно послать миноноску к городским бойням на Пересыпи. Если не позволят купить, то открыть стрельбу и взять силой несколько быков,—предложил Дымченко [76].

— Лучше сейчас послать на базар купить, а если не удастся, то будем добиваться силой, — возражали другие.

С этим все согласились.

Вошёл прапорщик Алексеев и стал просить, чтобы ему дали денег.

— У меня, господа, жена, дети... Я готов для вас служить, но они сидят теперь без куска хлеба... У вас в кассе очень много денег и для вас ничего не составит дать мне хотя бы тысячу рублей, — обратился он к нам.

— Дадим, братцы, ему! Конечно нужно дать. У нас хватит на все, можно тысченку и уделить,—заговорили сердобольные матросы.

— Однако товарищи, справедливо ли это? — обратился я к присутствующим.—Ведь у нас на судне есть много матросов женатых и даже многосемейных. Их дети голодают вероятно не менее, чем дети прапорщика Алексеева. Почему же вы хотите дать только ему? И притом имеем ли мы право вообще деньги, столь необходимые нам теперь для нашей борьбы за народное дело, раздавать на личные семейные нужды?

— Правильно, Кирилл! Верно! — согласились товарищи и постановили тут же ни на какие личные дела не давать никому ни одной копейки

Алексеев сконфузился и не настаивал больше на своей просьбе [77].

Наверху просвистела дудка «пить водку» и собираться на обед. Мы вышли из адмиральской. К трапу подъехала лодка с товарищами из организации. Они привезли нам около дюжины планов Одессы, однако весьма не точных. Мы расспросили их подробно о происшествиях вчерашней ночи. Картины кровавого избиения толпы ужаснули нас. Настроение рабочих на берегу было, по их словам, крайне подавленное.

— Все возлагают теперь надежды только на матросов, и если вы себя ничем не проявите, то на берегу

скоро будет все задавлено и терроризовано,—говорили товарищи.

Мы условились с ними об устройстве сигнализации с берега и о доставлении нам самых подробных сведений о расположении войск и артиллерии в городе. На случай бомбардировки мы просили известить всех мирных жителей, чтобы они по первому холостому выстрелу с броненосца уходили на Пересыпь.

Распростившись с товарищами, я пошел отыскивать Алексеева, чтобы передать ему часть планов.

— А знаете, Кирилл, какой мы придумали здесь исход на случай появления эскадры?—остановил меня в кают-компании инженер Коваленко. — Я, доктор Голенко и Алексеев сейчас совещались по этому поводу,—продолжал он, — у нас мелькнула счастливая мысль. Ведь мы можем уйти в Румынию или в любой иностранный порт, легко избежав столкновения с эскадрой.

Я был огорошен этой «счастливой мыслью» и горячо принялся доказывать ему вред от нее.

— Наши стремления направлены теперь на то, чтобы объединить всю команду и приступить к решительным действиям. Нам это стоит громадных усилий и труда, а вы сидите и думаете здесь, как бы избежать того, что мы считаем неизбежным и необходимым. Этим вы только дадите повод всем нерешительным расколоть команду на две части и погубить все дело.

Коваленко после моих слов стал оправдываться, что он команде еще не сообщал своих предположений [78].

Позднее Фельдман передавал, что у него с Алексеевым также произошло по этому поводу столкновение. На его вопрос, «как вы думаете действовать в случае сражения с эскадрой», последний грубо ответил, что

он сам знает, что делать, и его учить не приходится. В конце же он прибавил, что следует заблаговременно уходить от эскадры в Румынию. При этом был и тов. Александр, который с Фельдманом напал на Алексеева за его трусость и малодушие.

Характерно, что когда в наших руках была громадная сила, мы господствовали над портом и город мог каждую минуту очутиться в нашей власти, господа офицеры изыскивали компромисс, чтобы избежать открытых столкновений и заблаговременно отступить. Коваленко впоследствии горячо раскаивался в своей «счастливой мысли», а доктор Голенко и Алексеев не теряли надежды подбить команду итти в иностранный порт.

Я отдал планы города командиру и пошел вниз обедать. Матросы уже сидели за столами и аппетитно хлебали щи из общих «баков». То тут, то там попадались группы о чем-то тихонько прешептывающихся. При моем приближении они замолкали или переменяли разговор. Я подошел к столу и попросил принять меня в артель. Мне сейчас же дали ложку, хлеба и пододвинули чашку со щами.

— Правда ли, товарищ Кирилл, что мы поедем в Румынию? — обратился ко мне матрос.

Я изумленно спросил его, откуда он эту ложь мог почерпнуть.

— Да вся команда поговаривает, — ответил он, сконфузясь.

Очевидно предательские планы Алексеева стали уже достоянием кондукторов, а от них распространились и по всей команде.

Я поспешил отыскать товарищей, чтобы передать им о новой смуте среди матросов.

В адмиральской я повстречался с Куликом и Фельдманом.

Они рассказывали о неудаче своего хождения.

Командующий войсками лично их не принял, а передал через своего адъютанта, что может разрешить похороны Вакулинчука только ночью.

Наши же депутаты настаивали, чтобы похороны были днем и при участии народа.

— На пути к набережной нам повстречалось несколько казачьих постов.

«Покажите, пожалуйста, как пройти к командующему войсками, — пробовали мы неоднократно обращаться к казакам, но они, заметив наше намерение подойти к ним, разбегались во все стороны.

На набережной нас арестовали солдаты и под конвоем довели до квартиры командующего войсками. Мы думали, что больше не увидим своего «Потемкина». Но после переговоров нас с миром отпустили. Начальство боялось арестовать депутатов грозного броненосца.

В порту и на лестницах, ведущих на набережную, им приходилось осторожно пробираться между грудами убитых ночью рабочих.

— А отче Халдей, братцы, удрал от нас сейчас же в гостиницу, — вмешался в рассказ Кулик.

— Ишь, христопродавец, унес свои долгие полы, — смеялись слушатели.

Когда наша депутация пошла хлопотать о похоронах, то он попросился в город, он обещал взять на себя отпевание Вакулинчука и проводы его на кладбище. Получив вперед 6 рублей из личных денег Кулика, он, выйдя на берег, убежал [79].

Депутаты были голодны, и мы их отпустили обедать.

В этот день, как и вчера, к нам часто подъезжали лодки с рабочими, привозившими съестные припасы или просто манифестировавшими вокруг броненосца. С одной из таких лодок нам сообщили, что матросы, посланные купить мяса, арестованы полицией. Когда они привезли тушу в гавань, то, чтобы вызвать с броненосца катер, стали махать нам шапками.

Полиция, заметив, что матросы с берега машут нам, приняла это за сигнализацию и велела казакам их арестовать. Один прыгнул в воду, но был убит из винтовки. Двух отвели в тюрьму. Мясо конфисковали и положили в сарай, уцелевший от вчерашнего огня.

Этот рассказ взволновал и озлобил нашу команду.

— Что это за подлецы, даже мяса нам не хотят пропустить, — слышалось отовсюду.

Часов около двух из города на портовом катере подъехал к нам посланный от командующего войсками. Он передал разрешение хоронить сейчас же Вакулинчука и гарантировал полную неприкосновенность идущим провожать на кладбище, но при условии отсутствия оружия у последних. Условия эти мы приняли, и человек двенадцать из нашей команды отправились в гавань устраивать похороны. Немедленно был куплен гроб, в него положили труп товарища, поставили на носилки, и процессия двинулась в город.

Вот как описывает эти похороны товарищ очевидец.

«После объявления города на военном положении, после массовых расстрелов в порту и на улице никто не предполагал, что администрация допустит похо-

ронное шествие через весь город. Но видно, слишком была сильна боязнь администрации перед грозным пришельцем, так дрожали они при мысли о бомбардировке города, что... согласились на эту опасную игру.

В 5 часов дня по Преображенской и Почтовой улицам за медленно двигающимся катафалком шли 12 матросов, за ними 500—600 рабочих с певчими и священником. Шествие производило глубокое впечатление. Нервы, измученные за эти дни кровавыми потрясениями, у большинства рабочих и граждан не в состоянии были противостоять этому впечатлению, и многие при виде похоронной процессии начинали громко рыдать.

За процессией не следовало никакой стражи, но вдоль всей Преображенской улицы, от порта до Успенской церкви, выстроились с обеих сторон войска. При прохождении процессии солдаты отдавали честь, снимали шапки и крестились. Возле Успенской церкви священник остановился служить литию. Как только катафалк двинулся, спешившаяся рота солдат под командой пристава врезалась в процессию, отрезала толпу от гроба и дала без всякого предупреждения залп.

Безумный ужас овладел мирной толпой. В мгновение ока не осталось ни одного человека на месте. Залп был холостой и никому не причинил вреда.

Катафалк остановился. Трое матросов направились к приставу, но он заревел:

— Идите, идите вперед, а то буду стрелять!

Матросы, постояв с минуту, двинулись вперед. С боковых улиц стали стекаться новые толпы.

Мы шли беспрепятственно до Чумной горы, и здесь вместо прежних 500 человек было уже 3 000. У водопроводной станции мы вновь увидели солдат.

Едва толпа миновала переулок, как стоявшая там рота солдат, с ружьями на перевес, быстрым шагом выстроилась во всю ширину дороги.

У видевших первую сцену мелькнула мысль, что здесь нам устроена засада и что в толпу будут стрелять сзади и справа. Трое из нас подошли к офицеру для переговоров. Он сказал, что решительно ничего не хочет предпринимать, что ему приказано только подождать процессию и отдать ей честь. В подтверждение своих слов, он тут же обратился к офицеру второй роты и сказал: «Послушайте, кажется наша миссия кончилась и можно разойтись по домам?» — «Ваша — да, но моя — нет, я должен охранять водопровод», ответил другой.

Процессия двинулась вперед и минут через 10 достигла кладбища.

Здесь толпа навзрыд рыдала. Самые сильные, закаленные нервы не могли бы выдержать...

Два оратора в сильных речах указывали на значение пережитых дней, они призывали к борьбе, к борьбе до победоносного конца...

Могилу засыпали; грустное, тяжелое настроение сменилось бодрым, с каким люди идут умереть в борьбе. Боевой клич «Долой самодержавие!», подхваченный многотысячной толпой рабочих, призывал к этой же борьбе. Даже малосознательная часть матросов, возвращаясь с похорон, делилась своими впечатлениями и говорила [80].

— Никогда, никогда мы этого не забудем... Сегодня же мы расскажем всем товарищам, какою славною смертью погиб Вакулинчук, как весь народ стоит за нас и с нами.

Матрос Никишкин, бывший на похоронах в почетном карауле, передавал так свои впечатления:

«Не могу я описать этой захватывающей картины, которая представилась моим глазам. Слава одесским товарищам, близко принявшим к сердцу нашу общую скорбь и печаль! Ни по каким в мире царе, ни короле, я думаю, не лилось столько слез, как по этом дотоле безвестном матросе Вакулинчуке. Это были искренние слезы, от чистого сердца. Народ шел сплошной стеной по улице. Казаки впереди очищали дорогу. Прах несли студенты и молодые барышни. За народом домов почти не видно было.

В каждом окошке, на каждом балконе, у подъездов стояли люди, при проходе процессии падали на колени, поднимали руки к небу и кричали:

— Долой самодержавие.

— Да здравствует свобода, равенство и братство!

Правительство опять верно скажет, что это кричали босяки и «жиды», которые были пьяны... Нет, это кричала вся Одесса, как один человек. По пути мы встречали много военных патрулей, которые выстраивались во фронт и отдавали телу честь по-военному.

Как опустили труп в могилу, я не видел, потому что казачий полковник предложил нам итти на корабль. Посадили нас на извозчиков, и мы поехали в порт.

По дороге нас остановила рота солдат. Офицер потребовал, чтобы мы шли пешком. Не подозревая измены, мы спешились. Но едва мы вошли в середину фронта, как горнист заиграл сигнал: «открыть огонь», и по нам дали залп. Мы были безоружны и потому бросились бежать вдоль улицы, пока не скрылись за углом. Но верно солдаты не умели или не хотели в нас

стрелять, потому что убитых я не видал, хотя был самый задний из бегущих, и у меня пулей порвало на коленях шаровары. Прибежало нас на пристань только девять человек.

В это время раздался залп над нашими головами, — это был первый пушечный выстрел с корабля».

*

Отправив товарищей на похороны, мы опять все сошлись в адмиральской каюте. После сегодняшней кровавой бойни, каждый из сознательных матросов чувствовал, что он не может больше оставаться безучастным к ужасам, постигшим беззащитных рабочих. Теперь, когда у нас имелись подробные сведения о происшествиях этой ночи в порту, становилось неизбежным показать себя братьями трудящегося люда на деле. И полная готовность отплатить озверевшим служителям ненавистного абсолютизма за все загубленные ими невинные жертвы выражалась в этом заседании всеми членами комитета.

Я, тов. Фельдман и Александр горячо настаивали на немедленном переходе в наступление. Наша выжидательная тактика могла нас окончательно скомпрометировать в глазах рабочих, вызвать в них упадок духа и полную подавленность настроения. Войска все прибывали и прибывали. По берегу против нас устанавливалась артиллерия. Надо было не дать противнику укрепляться, а напасть на него, пока он еще слаб.

С этим моментом совпало сообщение, что в Городском театре происходит военный совет высших властей Одессы.

Это подсказало конкретный выход всеобщему чувству озлобления, и весь «комитет» с криками: «Смерть тиранам! Разбить театр! Взорвать их всех!», выбежал наверх.

Оставалось передать наше решение команде и постараться также воодушевить и ее.

Барабан забил «сбор», и команда быстро начала стекаться на «шканцы», смутно догадываясь о наступлении решительного.

Сюда же пришли и все офицеры.

Первым стал говорить Фельдман. Он указал матросам, что итти назад после совершенной расправы с офицерами им некуда. Всех их ждет или виселица или жестокая каторга.

Выход теперь только один—итти вперед, к свободе и благу всего народа. «Впереди вас ожидает слава и почет борцов за народное дело, а назади — позорная петля от руки ваших прежних палачей».

Дальше его речь обрисовала яркую картину современной политической борьбы пролетариата и крестьянства со своими классовыми врагами и заклятым самодержавием. Он призывал матросов стать в передние ряды этих борцов и сегодня же ударить силою своих пушек на ненавистных поработителей.

«Но, бомбардируя город, мы должны добиваться прежде всего освобождения всех тех, кто уже пострадал за народное дело и сидит теперь в заключении по тюрьмам и крепостям.

Мы должны потребовать вывода всех войск из города и передачи его нам.

Мы потребуем открыть арсеналы, чтобы народ мог вооружиться и сам защищать свои права».

— Согласны ли вы добиваться всего этого? — обратился Фельдман в конце своей речи к матросам.

— Согласны! — крикнули дружно сотни голосов...

Но вслед затем из задних рядов вдруг раздался громкий голос:

— Мы не согласны.

Возглас этот подхватили одиночные голоса и в других концах толпы.

— Нельзя бомбардировать город!

— Никто не согласен!

— Долой вольных!

Все это слилось в общий шум.

Произошло замешательство. Шум усиливался. С другой стороны начали кричать:

— Это подлецы не согласны! Это трусы мутят! К чорту их с судна! — И т. п.

Этот неожиданный финал меня не поразил. Стоя в стороне, я видел, как шушукались кондукторы и «патриоты» и перебегали от одного человека к другому. А так как Фельдман говорил довольно долго, то они успели вооружить против его речи значительное число малосознательных матросов.

— Кто, товарищи, не согласен с нами, — обратился Дымченко, став на место Фельдмана, — тот пусть выйдет вперед и объяснит нам всем, почему он не согласен и что, по его мнению, теперь надо делать. А из-за спины других кричат только мерзавцы да трусы. Честный человек должен сказать прямо и открыто перед всей командой.

— Выходи вперед, кто кричал! Ну, что же все молчат?

— Да выходи же кто-нибудь, — зашумели опять кругом матросы, но никто и не думал выступать.

Толкотня и замешательство охватили всех присутствующих. В эту минуту вскочил на кнехт Матюшенко.

— Не шумите, дайте мне сказать, — возбужденно крикнул он.

Кругом все смолкло.

— Слушайте, братцы, — обратился он к команде, — на службе нас били и притесняли. Начальство нас обкрадывало и клало в карман последние наши гроши. С нами обращались и нас кормили хуже, чем собак. Жить так дольше нам стало невозможно, и мы перебили всех своих «драконов». Теперь у нас свои порядки и нам живется легко и свободно. Но разве оттого, что мы побросали в море свое начальство, лучше будет житься русскому народу? Разве легче будет от этого крестьянам и рабочему человеку? А ведь там среди них наши отцы, наши братья.

Вот я, например, вернусь теперь, если буду живой, к себе в деревню. Что же хорошего я найду там? Та же нищая старуха-мать, те же голодные браться и сестры, без сапог и в лохмотьях. Нет ни земли, нет ни хлеба ни во дворе, ни за двором.

Там попрежнему высасывают из крестьян подати и рвут изо рта последний кусок. Там по-старому урядники и становой издеваются над нашими отцами, а земский сажает их в холодную за всякий пустяк.

Разве это не такие же «драконы», как наши офицеры?

А министры и само правительство? Ведь от них все законы, от них все начальство, и чем они лучше станового или земского?

Народ они разорили вконец, проливают кровь на войне, утопили весь флот. Да собираются еще переве-

шать и нас за то, что мы стоим за правое дело. Нет! Если мы хотим лучшего житья не только для себя, а для всего народа, то нужно для этого уничтожить самых главных «драконов» с грабителями-министрами. Это — кровожадные вампиры!

Мы видели вчера, как на наших глазах убивали сотнями рабочих и жгли их в огне по приказанию высших начальников.

На наших глазах рабочие шли с обнаженной грудью и голыми руками добиваться правды на земле.

Они шли и умирали.

А мы?

В наших руках целая крепость, громадные пушки, сотни ружей, и мы молча стоим и любуемся, как убивают нашего же брата-рабочего.

Это подло и мерзко!

Нас проклянет после за это весь русский народ, мы не допустим до этого, мы все, как один, решили сегодня умереть вместе с нашими братьями-рабочими или добиться свободы. Для нас лучше славная смерть в бою, чем позорная петля от руки кровопийц.

Нас здесь на судне человек 200—300, и мы все перед вами.

Если вы считаете нас бунтовщиками и разбойниками, если вы не согласны с нами, то возьмите сейчас же винтовки и убейте нас, как собак. После этого, на наших трупах, вы можете со славой и почетом вернуться к своему прежнему начальству, к своему отцу, к своей матери.

Вас за это наградят медалями, вам дадут по целковому, вас встретят с музыкой и почестями, вас...

— Нет!.. Нет!.. — вырвалось из сотен напряженных грудей.

— Мы все вместе умрем!

— Мы все за одно дело стоим! — восторженно пронеслось по всей команде.

— Ну, если так, — продолжал Матюшенко, — то сегодня же мы начнем бомбардировать город. Дольше терпеть нельзя и нужно отплатить за рабочую кровь. Согласны?

— Согласны, — единодушно прокатилось по судну

Впечатление от всей этой сцены было потрясающее. Необъяснимая радость охватила каждого из товарищей. К Матюшенко подходили и пожимали ему руки. Мы с ним даже обнялись и расцеловались.

— Вместе будем помирать, Кирилл, — сказал он, обнимая меня.

Тяжелый кризис миновал и совершился перелом в настроении всей команды.

Мы собрались кучкой и оживленно обсуждали план перехода к действиям.

— Развести пары. Поднять якорь, — раздалось приказание из нашей среды.

Машинисты и кочегары бросились на свои места, и черный густой дым заклубился над трубами.

Минуты через две задрожала нервная дробь «боевого сигнала», и звуки барабана резнеслись по судну. Все опрометью заняли свои места. Воцарилась гробовая тишина.

Броненосец бесшумно и плавно двинулся в море и, развернувшись правым бортом к Одессе, неподвижно стал на месте.

Труба горниста пронзительно заиграла сигнал «открыть огонь».

Короткие отрывистые звуки смолкли, и все замерло.

Чувствовалось, что даже сердце на секунду остановилось и перестало работать в напряженном ожидании.

Раздался первый пушечный удар. Затем опять сигнал на трубе и опять грохот выстрела потряс воздух. Снова труба — и снова загрохотало орудие.

Я стоял у командирского мостика и с биноклем в руках следил, что происходит в городе.

Жуткое, но хорошее чувство охватило меня при этих раскатах могучего народного гнева. Последний бой казалось уже наступил, и чудилась дивная картина долгожданной свободы для всех измученных и угнетенных...

Влево от парка, врассыпную убегали солдаты. Еще левее, на склоне бугра, стояла громаднейшая толпа народа. Их лица были неподвижно повернуты в нашу сторону, и тысячи глаза впились в броненосец.

Но вот сигнальная труба заиграла короткое—ту-ту, ту-ту. Страшный оглушительный треск боевого шестидюймового орудия раздался через секунду, и броненосец содрогнулся от толчка. С зловещим шипением помчался снаряд в город [81].

Взрыв возвещал всему миру, что вырван последний корень векового деспотизма.

На смену ему шла молодая Россия, разбивая свои старые цепи.

— Бей второй! — скомандовал опять.

Мелькнул зловещий зеленый огонь.

— Пе-ре-лет!—прокричал сигнальщик около меня. Я очнулся.

— Куда перелет?

— Вправо, вверх.

Я торопливо перебежал к стрелявшему орудию.

Первый снаряд предназначался в дом командующего войсками, а второй—в дом градоначальника. Последний снаряд почему-то не разорвался. Дальше имели в виду стрелять по театру. Все эти здания стояли открыто перед нами, расстояние было близкое, и промах казался необъяснимым.

У шестидюймового орудия стояли товарищи и горячо обсуждали первую неудачу.

— Что же вы так промахнули? — спрашивали мы комендора.

— Да очевидно Ведермейер дал большое расстояние, — оправдывался последний.

— Надо взять меньше, а то у нас все время будут перелеты, — говорили другие артиллеристы.

Ведермейер был старший сигнальщик, и от него зависело определение прицельного расстояния. Он ссылался на то, что без топографического плана города невозможно сколько-нибудь точно определить положение прицельного пункта. Но позднее мы убедились, что он оказался предателем.

Пока мы обсуждали свою первую неудачу, сигнальщик прокричал, что на набережной из одного высокого дома выкинули белый флаг. «Неужели победа?» — мелькнуло у нас в головах, и мы кинулись к биноклям.

На город спускались уже сумерки, и мы долго рассматривали набережную, пока не убедились, что это ошибка [82]. Эти обсуждения вызвали промедление, и среди команды стало замечаться колебание и перемена в настроении. Многие из матросов оставили свои посты и тоже вышли наверх. Послышался ропот на то, что мы перебьем только невинных людей.

Мы взяли план города и стали рассматривать, куда могли приблизительно упасть наши перелетевшие снаряды. По плану видно было, что в том направлении, куда мы стреляли, на Колонтаевской и Средней улицах были расположены рабочие кварталы.

— А что, если снаряд разорвался среди наших же?— невольно напрашивалась мысль.

Вместо восторга и одушевления мы могли бы вызвать стоны и проклятия невинных жертв. Мы сознавали в тот момент свою суровую ответственность перед судом истории и всего народа за каждый выпущенный снаряд.

Бомбардировку мы открыли под влиянием минутного настроения и чувства мести.

Мы действовали на свой риск и страх. При таком положении нам необходимо было какое-нибудь ободряющее известие с берега, дающее нам уверенность в целесообразности бомбардировки.

Но ни шлюпки, ни лодки, ни сигналов не показывалось на набережной.

— Теперь надо попробовать из 12-дюймовых,—заметил кто-то.

При этом предложении у некоторых товарищей мороз пробежал по коже.

— Нет, товарищи, так нельзя. Мы должны сначала дождаться сведений из организации. Ведь мы условились с ними, и они обязаны дать знать, что делается в городе, — послышался голос.

— А по-моему, необходимо сейчас же послать депутацию к командующему войсками и предъявить ему ряд требований. Если он их откажется принять, тогда мы откроем пальбу из всех орудий и поведем настоящее

наступление, — предложил тов. Звенигородский *, — теперь же можно пока ограничиться произведенной демонстрацией.

Эта простая мысль поразила нас всех. В самом деле, мы открыли бомбардировку города, не заявив ни властям, ни народу наших требований. Необходимо было выпустить печатное воззвание к населению города и послать депутатов к командующему войсками. Завтра у нас будут руки уже развязаны, если результат от переговоров получится отрицательный.

Так мы пока и порешили, наскоро собравшись в кают-компанию. Дали «отбой», и команда разошлась.

Депутатами отправились Фельдман, машинист Савотченко и Звенигородский.

Они взяли с собой две сигнальные ракеты. Одну из них незаметно прикрепили к древку андреевского флага, взятого с собой как парламентерский значок, а другую дали в повезший их катер. Ракеты должны были предупредить нас об аресте или несчастии с нашими уполномоченными, чтобы своевременно мы могли оказать им помощь. Они должны были предъявить властям следующие требования [83].

1. Беспрепятственная закупка нами всего необходимого.

2. Полная неприкосновенность матросов на берегу.

3. Прекращение зверств в городе со стороны полиции и казаков.

4. Вывод всех войск из города и передача его во власть населения, и как гарантия этого — свободное вооружение народа из городских арсеналов.

---

* Конспиративная фамилия

Депутация наша отправилась довольно поздно, и предельный срок для ее возвращения был назначен к одиннадцати часам ночи.

*

В городе царили необычайное смятение и растерянность. В сквере на Преображенской улице и площади стояли казаки и пехота.

Ржали лошади, дымились походные кухни, и в ротных палатках-канцеляриях щелкала машинка ремингтон. Тут же находились фургоны Красного Креста, палатки для солдат и офицеров. Полевой телефон беспрерывно звонил, получал и отдавал всевозможные распоряжения и приказания. Все носило характер военной, бивуачной жизни.

Вдруг оглушительно разорвался снаряд недалеко от столпившихся войск. Панический ужас охватил всех.

— Ребята, это «Потемкин» стреляет по нас. Он разобьет нас всех.

Последовал второй удар.

— Опять палит, спасайтесь! — кричали солдаты и казаки, разбегаясь в страхе по соседним дворам и ближайшим переулкам. Такой же страх охватил и остальные войска в других частях города. Каждый думал, что стреляют по ним, не зная, куда укрыться и где искать спасения от разгневанного «Потемкина».

Начальство потеряло голову, видя смятение солдат и боясь потерять над ними власть. Оно бестолково металось из стороны в сторону. Многие очевидцы позднее передавали, что часть солдат готова была перейти на нашу сторону, если бы мы продолжали бомбардировку.

Конечно мы бы ее не прекратили, если бы хоть один человек приехал с берега и ободрил нас в самом начале такими сведениями. Но мы напрасно ждали хороших известий из города после первых наших выстрелов.

■

Часов в 10 ночи наши депутаты вернулись на корабль [84]. Командующий войсками их не принял, а передал через своего помощника, генерала Протопопова, что он не желает входить ни в какие переговоры с царскими бунтовщиками. Если же мы пустим еще несколько снарядов в город, то «бог и царь будут нам судьей». «Я же могу вам предложить одно, — добавил генерал Протопопов, — сдавайтесь и просите прощения».

С этим наши депутаты вернулись на судно.

— Ну, завтра мы увидим, кто у кого будет просить прощения, — заметили товарищи и стали расходиться спать.

Глава пятая

МОЛЧАЛИВЫЙ БОЙ С ЭСКАДРОЙ

Душевные потрясения, перенесенные за последние дни, долго не давали мне и другим товарищам уснуть в эту ночь.

Многие не спали еще и потому, что, не доверяя добросовестности некоторых часовых, вахтенных и ненадежных лиц из команды, сами досматривали за всем.

Не трудно было уничтожить судно, взорвав пороховые погреба. За этой больной частью броненосца

товарищи особенно зорко следили. У патронных погребов стоял постоянно караул из преданных матросов.

Один из кондукторов как-то обмолвился о легкости взрыва пороховых погребов. Случайно это подслушали матросы, и кондуктор немедленно был арестован. Первое время ему грозили даже расстрелом, но потом ограничились арестом в офицерской каюте. Его выпустили дня через два, но он опять проболтался в каких-то замыслах, и его снова заключили под арест.

Приходилось следить и за некоторыми матросами, чтобы ночью они не вздумали дезертировать на берег. А наклонности к этому замечались у порядочной части команды. Им страшно хотелось убить двух зайцев — получить от начальства благодарность за то, что они ушли от «бунтовщиков», и сохранить при этом еще и награбленное имущество из офицерских кают в момент всеобщей сумятицы.

Большинство таких лиц входило в ряды оппозиции всем нашим революционным предприятиям. Но они отличались от темной малосознательной части команды тем, что всегда облекали свою оппозицию в форму каких-либо «гуманных» или «расчетливых» соображений.

Если мы например намеревались бомбардировать город, то они слезливо говорили, что «зачем же проливать братскую кровь, ведь все люди — братья», «к чему же зря тратить снаряды—они нам пригодятся еще в будущем» и т. п.

Они видели в поступках других только свойственные им стремления, усиленно распространяя среди новобранцев подозрение, что Матюшенко, Дымченко, Резниченко и другие затеяли эту «историю» только для того, чтобы ограбить судовую кассу и тайком бежать за границу.

Все это вместе с «патриотической агитацией» кондукторов создавало среди команды тяжелую атмосферу скрытого взаимного недоверия и подозрения.

На всякого рода контроль и наблюдение лучшей частью команды тратилось много времени и энергии, и дело конечно не могло не страдать.

В эту ночь, как и предшествующие, я не мог уснуть почти ни на один час. Хотя я физически был крайне переутомлен, но мысль неутомимо работала и давила на мозг. Масса всяких планов, предположений и опасений теснилась в разгоряченной голове и не давала ни на минуту покоя.

За это время приходилось так много говорить то перед всей командой, то в заседаниях «комитета», то убеждать отдельных матросов, что горло у меня опухло и больно было даже открывать рот. Фельдман тоже при разговоре держался рукой за горло от боли и хрипоты. Матюшенко же еще с первого дня перекричал голос и говорил теперь почти шопотом.

Мучимый бессонницей, я ходил всю ночь по кораблю, то поднимаясь на мостик, то вновь спускаясь в кают-компанию. Несколько раз я ложился на диван и пытался хоть сколько-нибудь задремать, но сон не приходил.

В кают-компании на диванах Коваленко, инженер Калюжный, прапорщик Алексеев, Фельдман и Матюшенко спали одетыми, чтобы быть наготове каждую минуту. Матросы тоже не раздевались. Сегодня же особенно были предприняты всевозможные предосторожности на случай ночной атаки со стороны эскадры.

Пушки и пять минных аппаратов зарядили. Минная команда расположилась спать около своих постов.

Совсем уже на рассвете я прилег на диван отдохнуть, но вдруг в кают-компанию вбежал запыхавшись дежурный сигнальщик.

— Телеграмму перехватили, — взволнованно заявил он.

— Какую телеграмму?

— Эскадра близка...

Я побежал на мостик к телеграфисту. Наш беспроволочный телеграф перехватил следующую депешу:

«Почему не отвечаете...»

Дальше невозможно было разобрать. Наши телеграфисты стали обсуждать, кому могла бы принадлежать эта телеграмма. Судя по длине гальванических штрихов, они приписывали ее то «Синопу», то «Ростиславу».

Желая получить еще какие-нибудь сведения, мы наудачу стали телеграфировать «Где остальная эскадра?», думая ввести неопределенностью вопроса в обман переговорщиков. Наш аппарат задрожал: читаем следующее:

«Почему не отвечаете... Корабль «Князь Потемкин» стоит на внешнем рейде Одессы. «Три Святителя» «Двенадцати Апостолам» (т. е. это значит, что телеграмма была послана с броненосца «Три Святителя» на броненосец «Двенадцать Апостолов»).

Было ясно, что севастопольская эскадра находится где-то неподалеку и следит за «Потемкиным».

Посоветовавшись, мы решили команду не будить, а дать ей лучше подкрепиться для наступающего дня.

■

В 5 часов утра на «Потемкине» все уже поднялись. Известие о перехваченной телеграмме облетело всю

команду, и близость эскадры оживлённо обсуждалась всеми матросами. Одни говорили громко и во всеуслышание, другие шептались только между собой и замолкали при проходе кого-либо постороннего.

Судовой «комитет» совещался насчет плана своих действий. Внимание теперь сосредоточилось на эскадре, и Одесса была на время оставлена в покое.

Надвигался момент, который должен был решить все. Важно было узнать, в каком составе двигается на нас эскадра и что она думает предпринять.

Я предложил зафрахтовать силой в порту какой-нибудь частный корабль и поехать на разведки. Предложение было принято, и Дымченко с несколькими матросами отправился навстречу эскадре.

Для составления точных сведений о боевой готовности броненосца мы избрали «комиссию» из нескольких специалистов, и она пошла производить ревизию судна.

Возвратившись в «комитет», товарищи представили подробный список всех запасов, имеющихся на броненосце. Угля оказалось около 3 000 пудов, снарядов—до 2 000 (полный запас—70 000). Пресной воды, хлеба, муки было на несколько дней плавания. Очень мало было угля для боевых фонарей. Его необходимо было купить сейчас же в городе.

На случай сражения решили «Веху» обратить в плавучий госпиталь и поставить ее вне выстрелов.

Особенное оживление и споры вызвал вопрос: стрелять ли нам первыми по эскадре?

Тов. Фельдман настаивал, чтобы эскадру остановить на горизонте. Если же она откажется стать на якорь, то открыть по ней огонь.

Матросы единодушно стояли за то, чтобы нам первыми не выступать.

— Мы глубоко уверены, что в нас никто из матросов не станет стрелять,—говорили они.—Если же мы начнем первыми, то тогда из страха за свою жизнь некоторые комендоры ответят и вся эскадра подхватит. Лучше пусть будет первый выстрел от них, а «Потемкин» уже сумеет постоять за себя...

— Эскадра видна!..

— Эскадра идет!.. — пронеслось по судну.

Мы пустились наверх, перегоняя на лестнице друг друга.

— Развести пары! — прокричал в рупор боцман Мурзак.

— Есть! — глухо отозвалось из машинного отделения.

Он спокойно заложил пробку медной трубы рупора и обернулся к баку.

Работа дружно закипела, в мгновение было все готово.

— Поднять якорь! — опять скомандовал боцман.

— Назад повернули!

— Эскадра назад уходит!.. — прокричали с сигнального мостика.

И действительно, черный густой дым, показавшийся в нескольких местах высокими столбами, теперь постепенно скрывался за горизонтом.

— Отставить! — раздалась команда боцмана Мурзака.

— Ишь, струсила! За горизонт ушла; мы бы ей показали кузькину мать, — весело острили матросы, расходясь с постов.

Мы с еще большей энергией принялись за приготовления. С верхних палуб, с юта и бака убиралось все лишнее. Закрывались люки, вынимались перила с бортов; судно приводилось в боевую готовность.

Доктор Голенко и фельдшер хлопотали над перевязочными средствами, хирургическими инструментами и медикаментами. Они устраивали на «Вехе» военно-санитарный пункт. На ее мачте уже развевался белый флаг с красным крестом. Такие же повязки видны были на рукавах фельдшеров и докторов. В самом нижнем трюме, где помещался лазарет броненосца, устанавливались операционные столы, раскладывались бинты и хирургические инструменты.

▪

Наверху грузили уголь на наш миноносец и таскали всякие продукты.

«Веха» была уже готова и стояла далеко за Пересыпью.

Около десяти часов на горизонте вновь показались столбы густого дыма, и минут через пять вышли три броненосца и несколько миноносцев.

Загремела «боевая тревога».

Якорь был поднят, пары готовы.

«Потемкин» полным ходом двинулся вперед.

По блокам к орудиям покатились снаряды, мигом зарядили пушки, и воцарилась грозная тишина.

Нам шли навстречу «Три Святителя» (флаг контр-адмирала Вишневецкого), «Двенадцать Апостолов», «Георгий Победоносец», один минный крейсер «Казарский» и четыре контр-миноносца.

На мачте «Потемкина» взвился сигнал:

«Стать на якорь или буду стрелять».

Эскадра замедлила ход.

Наш беспроволочный аппарат получил следующую депешу:

«Черноморцы, мы удручены вашим поступком. Безумцы, что вы хотите? Контр-адмирал Вишневецкий».

На это «Потемкин» ответил: «Пожаловать адмиралу к нам. Гарантируем безопасность».

Эскадра круто повернула и полным ходом исчезла за горизонтом.

Мы не могли понять, что это за маневр, и тоже стали на прежнее место. Команда наша ликовала: «Струсил наш адмирал. Побежал в Севастополь прятаться за береговую артиллерию. Больше у него духу нехватит подойти к нам».

Дудка засвистела на обед, и вся команда в лучшем настроении принялась за щи, подкрепив себя предварительно чаркой водки.

*

Эскадра однако приготовлялась к новому наступлению. Позднее мы узнали от одного товарища-матроса, бежавшего за границу с броненосца «Ростислав», следующие подробности.

«15 июня, неожиданно для всех, с флагманского броненосца «Ростислав» был поднят сигнал: «Адмирал просит всех командиров к себе», и другой — броненосцам: «Три Святителя», «12 Апостолов», «Георгию Победоносцу» и «Екатерине II», — «Развести пары и приготовиться к походу». Мы, матросы, были очень удивлены

этим, так как все знали, что на Тендер пойдем 21-го. Некоторые стали предполагать, что с «Потемкиным» случилось что-нибудь неладное. На баке, разбившись на несколько групп, команда стала комментировать этот поход на разные лады.

Совещание командиров длилось часа два, что они говорили, не знаю. Но после совещания последовал другой сигнал: «Екатерине» отставить готовиться к походу».

14-го вечером команда броненосца «Екатерина II», пропев с грехом пополам молитвы «отче наш» и «богородицу», совершенно отказалась петь «спаси господи» и, когда человек 5—7 певчих все почти тянули эту молитву, остальные стали шикать и свистать; к вышедшему командиру, капитану 1-го ранга Дриженко, команда предъявила требования чисто экономического характера, он смешался и поспешил уйти в каюту.

Вот по этой-то причине и не пошла «Екатерина» с эскадрой [85].

В 11 часов ночи снялась эскадра под командой младшего флагмана Вишневецкого в составе трех броненосцев: «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «12 Апостолов», минного крейсера «Казарский» и 4 миноносцев. 16 июня, около 11 часов утра был поднят другой сигнал: «Ростиславу» и «Синопу» развести пары и приготовиться к походу.

Приняли на три дня провизии и в начале седьмого часа вечера снялись [86].

Все это время офицеры были встревожены, ходили повесив носы, и о чем-то шушукались. Более сознательные матросы, которых было на «Ростиславе» всего 10 человек, догадались, что мы идем на «Потемкина» и

стали открыто агитировать, на чем некоторые провалились, в том числе и я, но мне после удалось бежать.

Агитация шла плохо; большинство не верило, что «Потемкин» перешел на сторону народа, но все же нам удалось многих из команды убедить в этом, и они говорили: «Если правда, что мы идем на «Потемкина», то стрелять в него не будем, там наши братья».

17 июня, часов в 11, мы соединились с эскадрой. Командиры всех судов съехались на совещание на флагманское судно «Ростислав». От гребцов узнали, что, когда они стали подходить к Одессе, с «Потемкина» подняли сигналы: «Сдавайтесь или будем стрелять». Они поспешили уйти [87].

Совещание командиров длилось не больше получаса. Потом эскадра выстроилась в боевой порядок и, взяв курс на Одессу, пошла 10-узловым ходом. В начале 12-го часа показался берег и дым из трубы «Потемкина».

На «Потемкине» команда обедала. Многие матросы расположились наверху, под открытым небом.

Тов. Дымченко вернулся с разведок и рассказывал, что видел эскадру около Тендера, стоящую под парами и готовящуюся, очевидно, к походу.

— Смотри, ребята, какой-то корабль идет к нам, — заметил один из матросов. Все обернулись. Действительно, с горизонта быстро приближалось громадное торговое судно.

— Остановить его надо. Нельзя допускать близко; может быть это от эскадры и послано разбрасывать мины, — заговорили матросы.

Некоторые быстро побежали на командирский мостик и велели сигнализировать пароходу, чтобы он остановился.

Пароход однако наших сигналов не понял и прошел полным ходом в гавань.

Я, Шестидесятый и еще несколько вооруженных матросов сейчас же поехали осмотреть прибывшее судно и расспросить капитана, не идет ли к нам эскадра.

Мы решили теперь вообще осматривать каждый, даже коммерческий, пароход и приучить их относиться к нам, как к главным властям порта.

Александр и матрос Шарапов переоделись в штатское платье, так как должны были пойти в город и постараться купить там углей для наших боевых прожекторов.

Мы подъехали к небольшому турецкому судну и попросили его незаметно отвезти на берег наших товарищей, как своих матросов[ss]. Турки согласились, и мы высадили к ним Александра и Шарапова, а сами отправились на прибывший пароход.

Судно оказалось английским и шло с углем из Константинополя. С большим трудом мы добились нужных нам сведений, так как по-русски на корабле никто не говорил, и я кое-как объяснялся по-немецки с кочегаром корабля.

Мы еще не окончили наших разговоров, как с катера нам крикнули:

— Эскадра идет! Садитесь скорей.

Мы помчались к своему броненосцу.

«Потемкин» уже снялся с якоря и на нем не было видно снаружи ни одной души. Очевидно, он поджидал только нас. Эскадра быстро приближалась.

— Давай самый полный! Не жалей искру! — торопили матросы нашего кочегара.

У всех замирало сердце при мысли, что мы не успеем дойти до своего судна.

«Потемкин» тронулся вперед.

— Давай еще ходу! Пусть лопается паровик, — волновались матросы.

Катер понесся стрелой, и через минуту мы с криками радости взобрались на броненосец.

Я пробежал на командирский мостик. Здесь шла оживленная сигнализация.

Еще с горизонта от эскадры была получена такая телеграмма:

«Золотые черноморцы! Что вы делаете? Безумцы, покайтесь».

«Потемкин» ответил: «Требуем к себе адмирала».

Вторая телеграмма, когда эскадра вышла уже из-за горизонта: «Пришлите ваших депутатов на флагманское судно «Три Святителя» для переговоров».

«Выборных не пошлем; если хочешь, приходи на «Потемкин» разговаривать» ответили мы. Дальнейшие переговоры продолжались при помощи сигнализации, так как эскадра была совсем близко.

Все наши орудия и минные аппараты были готовы пустить ко дну надвигающегося врага.

Команда с трепетом ожидала развязки.

Некоторые матросы снимали шапки, крестились и прощались друг с другом.

Немало было и таких, которые от страха бросали свои посты и бегали из трюма в трюм.

Но тов. Коваленко был в эту минуту вполне на своем посту как офицер и как сознательный борец.

Повелительным, спокойным тоном он удерживал растерявшихся трусов на местах и восстанавливал порядок и одушевление. Его распорядительность вселяла бодрость, а авторитет как начальника в эту решительную минуту оказал огромную услугу.

На палубе же распоряжались Матюшенко и Звенигородский. Они забегали в боевую рубку и следили, правильно ли ведут судно, выходили наверх и отдавали различные приказания.

Судном управляли свои товарищи рулевые, так как прапорщик Алексеев от охватившего его страха беспомощно сидел.

Торопливо поливали из шлангов палубы водой, чтобы они не могли загореться от упавшего снаряда.

Я и Фельдман стояли наверху и наблюдали величественную картину. В боевой колонне двигались на нас полным ходом пять броненосцев, минный крейсер и пять контр-миноносцев.

«Потемкин» стремительно шел им навстречу. Пушки наши повертывались то направо, то налево, в зависимости от положения эскадры и готовы были каждую секунду дать залп.

То-и-дело слышалось по судну: «Смотри, не стреляй, погоди, пусть они выпалят сначала».

Но вот мы врезались в эскадру. Команды на всех судах были наверху, и некоторые махали нам шапками. Только на «Ростиславе» и «Трех Святителях» зловеще тихо и не видать матросов.

Не успел с нами поравняться «Синоп», как оттуда раздалось оглушительное «ура». Это прорвало напряженную атмосферу, и с нашего судна загремело ответное «ура». Матюшенко вскочил на борт и стал «семафо-

рить» [89] на «Синоп», чтобы они арестовали своих офицеров и присоединились к нам.

С «Синопа» опять раздавалось «ура», его подхватили и на других судах, и воздух дрогнул от могучих криков из тысячи грудей.

На «Ростиславе» команда побросала свои посты.

Сотни шапок летели вверх и падали в море. Среди судов поднялось страшное замешательство, когда эскадра миновала нас и прошла к Одессе.

— Назад, в Одессу! — зашумела команда, и мы повернулись к гавани.

Эскадра тоже повернулась к нам и вывесила сигнал с адмиральского судна:

— Позвольте стать на якорь.

Видя сочувственное отношение к нам матросов, мы ответили:

— Всем офицерам оставить броненосцы и съезжать на берег!..

Перетрусивший адмирал, боясь восстания на остальных судах, пустил эскадру полным ходом и направился в открытое море, держа курс на Севастополь.

«Потемкин», прорезав еще раз строй эскадры, круто повернулся в догонку за ней.

*

Что переживали в этот момент матросы на других судах, можно судить по следующему описанию одного из команды «Ростислава».

«В начале 1-го часа мы простым глазом видели все предметы на «Потемкине». У нас пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее с верхней палубы,

Подали снаряды к пушкам. Все это делалось командой нехотя, медленно. Сознательные матросы вели открытую агитацию. Говорились несколько речей на глазах у офицеров и шпионов, которых в изобилии во флоте. Большинство команды всей душой сочувствовало потемкинским товарищам.

На флагманском судне «Ростислав» подняли сигнал: «Потемкину» стать на якорь», с «Потемкина» ответили: «Ростиславу» и «Трем Святителям» застопорить машины», так как эти два броненосца больше других ушли вперед. С «Ростислава» опять подняли сигнал: «Потемкину» стать на якорь», оттуда ответили: «Ростиславу» и «Трем Святителям» застопорить машины, иначе стрелять будем».

После такой аргументации «Ростислав» и «Три Святителя» застопорили машины, а за ними застопорила машины и вся эскадра.

«Потемкин», мощный, грозный, громадный и сильный, полным ходом идет против эскадры в 5 броненосцев. Это было величественное зрелище, достойное кисти самого знаменитейшего художника в мире. Пушки «Потемкина» направлены на нас. На нем взвился сигнал. Разбираем. «Команда «Потемкина» требует к себе старшего флагмана» [90].

Флагман не отвечает. Вот он уж идет между «Ростиславом» и «Тремя Святителями».

Ужас, восторг смешались вместе, и, схватившись за стойку, я оцепенел от этих ощущений.

На «Ростиславе» все замерло, притаилось, томительно ожидая чего-то страшного.

А «Потемкин» гордо, смело, величественно идет между нами, не спуская пушек с намеченной цели. Он

стал направлять свою большую 12-дюймовую пушку на мостик, где куча офицеров, онемев от ужаса, стоит, не шелохнувшись; увидав, что в них целятся, они, как стадо скота, шарахнулись. Мичман Высокосов, схватившись за ногу, с криком «ой, нога, нога!» убежал в каюту.

На «Потемкине» ни души не видать, как-будто это призрак, одни лишь пушки ворочаются.

Казалось, что это сон, а не действительность.

Вот «Потемкин» стал проходить мимо нас; на верхнюю палубу выбежал матросик, взял шланг, полил палубу, снял фуражку, помахал ею нам и скрылся. И опять ни души. Обогнув корму «Три Святителя», он пошел между броненосцами «Георгий Победоносец» и «Синоп»; там его встретили криком «ура» [91]. Пройдя их, он направился к Одессе. Эскадра наша хотела итти за ним, но вдруг стали замечать, что с «Георгием» творится что-то неладное; он вышел из строя и малым ходом идет к «Потемкину». С «Ростислава» подняли сигнал:

«Почему «Георгий» не по-боевому?»

Оттуда отвечают:

«Команда «Георгия» желает свезти офицеров на берег и присоединиться к «Потемкину».

С «Ростислава» опять сигнал:

«Употребите все силы и следуйте за эскадрой».

Оттуда отвечают:

«Не могу, не могу, не могу».

И на «Синопе» стало замечаться какое-то колебание: то он выйдет из строя, то опять с эскадрой. Старший флагман отдает приказание полным ходом итти на Севастополь.

После мне удалось узнать, что на «Синопе» образовались партии — желающих и нежелающих присоединиться к «Потемкину». Победила партия нежелающих, и потому «Синоп» пришел вместе с остальной эскадрой в Севастополь. «Георгий» же остался с «Потемкиным».

■

От удалившейся эскадры начал отставать один из броненосцев. Он вышел из строя, повернулся и пошел к нам.

Это оказался «Георгий Победоносец». Не желая подпускать его близко, мы дали сигнал: «Застопорить машину и стать на якорь».

Он остановился и стал нам «семафорить»: «Команда просит приехать товарищей с «Потемкина».

Не зная истинных намерений «Победоносца», мы ответили тоже по семафору: «Арестуйте офицеров и пошлите к нам депутатов».

На это требование сигнальщик, путаясь и очевидно волнуясь, передал: «У нас дело плохо. Не все согласны. Мы не можем справиться. Присылайте скорей помощь».

Матюшенко, Кулик, Дымченко, я и много других матросов, вооружившись винтовками и револьверами, отправились на миноноске к «Георгию Победоносцу».

Команда толпилась наверху и еще издали махала нам сотнями шапок. Когда мы приблизились к правому борту, то с корабля загремело одушевленное «ура». Наши матросы стали отвечать не менее дружно на это приветствие. Обогнув нос, мы подъехали к левому борту «Победоносца».

— В чем дело, братцы, у вас?—обратился Дымченко.

— Мы хотим к вам присоединиться. Мы хотим быть вместе с вами, но у нас не вся команда согласна. Идите к нам. Дайте нам скорей помощи, — кричали наперерыв сотни матросов, подбежав к борту.

Многие из наших узнали своих старых земляков и стали оживленно перекрикиваться с ними.

Матюшенко взобрался по борту, как кошка, и, вскочив на какую-то возвышенность, стал горячо убеждать матросов «Победоносца» дружно стать за правое дело, начатое «Потемкиным».

Мы же отплыли к корме и поставили миноносец перпендикулярно к кораблю, угрожающе направив носовой аппарат, хотя он у нас и не был открыт.

Из всех амбразуров и нижних кубриков броненосца выглядывали пугливо головы матросов.

Матюшенко, окруженный плотной толпой матросов, произносил речь на баке.

В это время на корме появился старший врач, намереваясь произнести речь.

Чтобы мы лучше могли его слышать, он перегнулся за борт, и его непокрытая голова заблестела на солнце громадной «ученой» лысиной.

— Послушай, чего ты хочешь? — обратился он, высовывая за перила свою жирную, упитанную фигуру.

— Я вам не денщик и не «ты», не забывайтесь, невежа!—обрезал с кормы миноносца Кулик неудачное вступление оратора.

— Послушайте, братцы! — переменил тон доктор.

— Ну, братцы теперь мы вам тоже плохие, — перебили его смеясь матросы.

— Послушайте меня, — не унимался однако оратор.

— И было на свете тело, — начал он слащавым голосом какую-то повесть. — И были у этого тела голова. руки, были ноги и желудок... Тело жило и процветало. Но вдруг руки сказали: мы не хотим работать для головы, а ноги: мы не хотим носить больше тела. И желудок перестал работать, голова не стала думать, и все тело стало погибать, руки сохнуть... Так же вот и государство... Оно есть целое тело...

— Ха-ха-ха! Ребята, это он из хрестоматии для глупых детей побасенку рассказывает,—крикнул кто-то из наших матросов, и все покатились со смеху, заглушая красноречивого проповедника.

— Ты, перестань болтать всякий вздор. Смотри лучше, чтобы твое собственное «тело» за борт не улетело, — погрозил Кулик пальцем доктору. И команда гомерически захохотала.

Обескураженный доктор махнул рукой и безнадежно поплелся в батарейную палубу.

Скоро его тучная и лысая голова с золотыми очками появилась на командорском мостике, где собрались вокруг командира Грузовича все офицеры, с трепетом наблюдая, как их судьбу решали матросы.

На баке опять грянуло «ура», раздались крики: «Да здравствует свобода!» «К «Потемкину!» — и мы подъехали к трапу.

— Кирилл, Кулик! Идите вы! Я больше не могу, у меня голоса нет, — прохрипел Матюшенко, спускаясь к нам.

Мы взбежали на «Георгия Победоносца». Кулик понятно и с увлечением стал рассказывать обступившим его матросам о новых порядках, заведенных нами на «Потемкине», рассказывал, что всякий имеет у нас

теперь голос и никто не может издеваться над ним, ни бить его в зубы, ни уворовывать последние гроши. Он сказал, что мы, «потемкинцы», решили добиться лучшей жизни не только для себя, но и для всего народа—для крестьян и для рабочих. А для этого необходимо убрать все правительство, как мы убрали уже офицеров.

Во время его речи я наблюдал команду.

У той части, которая его окружила, лица горели одушевлением. Но часть, толпившаяся у входа в батарейную палубу, молча и растерянно посматривала на все происходящее вокруг нее. Тупо и пугливо выглядывали их глаза исподлобья, выражая собою нерешительность и враждебность к совершающемуся перевороту.

— Не желаем к «Потемкину»! В Севастополь идем,— то-и-дело раздавалось из их среды.

Видя раскол в команде, я понял, что нельзя давать притти в себя «оппозиции».

Сознательные матросы понимали решительность момента и торопили со всех сторон, подбегая ко мне во время речи Кулика:

— Действуйте скорей.

— Действуйте, а то офицеры собьют команду! — говорили они.

Я передал на миноносец записку, чтобы с «Потемкина» послали вооруженный караул. В это время Кулик при дружных и одушевленных возгласах революционно настроенных матросов уже окончил свою речь. и я вскочил на его место.

Обратившись к матросам, я заговорил о той беспощадной борьбе, которая охватила в настоящее время

пожаром восстания почти всю необъятную Россию. Измученный, забитый и бесправный трудящийся люд не находит больше терпения сносить свое вековое унижение и бесправие. Он предпочитает лучше выходить на улицы городов и деревень и умирать в бою, чем подчиняться дальше деспотическим тиранам, истерзавшим нас своей кровожадностью. Неужели мы будем слепыми палачами в руках этих тиранов, неужели мы никогда честной смертью не смоем проклятья, тяготеющего над нами, как верными слугами деспота царя? Нет, мы, матросы «Потемкина», решили стряхнуть с себя это тяжелое ярмо убийц своего же народа. Мы открыто заявляем об этом и отныне мы не только не прольем ни одной капли невинной крови наших братьев, но и никому не позволим проливать ее безнаказанно...

Взрыв энтузиазма и буря восторженных криков заглушили мой голос.

— Вы, гг. офицеры,—продолжал я после минутного перерыва, обращаясь ко всем офицерем.—Вы продажные слуги народных тиранов и слепое орудие их кровавых замыслов. Много невинной крови лежит на вашей зачерствелой совести. Но теперь пришел час народного суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотического самодержавия в качестве его наемных холопов и соподвижников. Но теперь на смену ему грозно и неумолимо надвигается новый порядок, порядок народной свободы и обновления всей обветшалой родины. Этот час для нас уже наступил, и вам здесь не место. Судно, выстроенное трудом и потом народным, отныне переходит в его собственные руки и послужит на благо и защиту его, а не на его порабощение и угнетение. Да здравствует народное освобождение! Долой

тиранов! Именем народа все вы немедленно арестуетесь и будете свезены на берег.

В эту минуту раздался выстрел и труп вахтенного офицера Григоркова полетел в море с верхнего мостика. Он покончил жизнь самоубийством, очевидно не желая быть арестованным.

Чтобы сгладить минутное замешательство, происшедшее от этого инцидента среди матросов, я громко и повелительно отдал приказание:

— Караул в ружье!

Вмиг человек 15 матросов бросились за ружьями и через секунду выстроились около борта.

— Караульный начальник вперед, — скомандовал я Но никто из рядов не вышел, и все только подталкивали друг друга, боясь видимо взять на себя роль караульного начальника.

— Караул на-право! Шагом марш! — скомандовал я дальше и, не желая терять ни минуты, повел караул сам.

На мостике мы окружили офицеров и потребовали от них следовать за нами.

Бледные, спустились они под конвоем в кают-компанию.

Здесь я потребовал от них, чтобы они вынули оружие из карманов и положили на стол.

— Обыскать их! Обыскать! Этой сволочи нельзя верить на слово, — раздалось со всех сторон, и несколько человек из караула, без моего распоряжения, бросились к командиру и другим офицерам и осмотрели у них все карманы. Вид у многих был очень жалкий, только командир Грузович держал себя спокойно и не терял присутствия духа.

Офицеры просили позволения сходить в каюты и взять там некоторые вещи, но матросы не разрешили, заявив, что все их вещи будут высланы в Севастополь.

С «Потемкина» прибыл катер с караулом, и я вывел офицеров наверх.

Я спросил, не желает ли кто-нибудь из них открыто стать на сторону народа и примкнуть к нашей борьбе против правительства. Все промолчали; только командир заметил со вздохом: «Да, видно пришли уж такие времена».

У трапа офицеров принял наш караул. Они разместились по лавочкам катера между вооруженными матросами.

На корме сидел Матюшенко, держа над головами пленников заряженный револьвер. В таком виде катер двинулся к берегу.

С них сняли погоны, ордена и кортики и по их желанию высадили где-то вдали от города. Карабкаясь по крутому берегу, они были встречены прикладами и штыками береговых солдат, которые, не видя на них погон, приняли их за подозрительных лиц и взяли в штыки.

Офицеры кубарем скатились обратно, и некоторые попадали в воду, так что нашему катеру пришлось их вытаскивать на берег.

С удалением офицеров «Георгий Победоносец» очутился в наших руках.

Однако мы допустили одну оплошность, которая впоследствии погубила все дело. Мы послушались уверений матросов, что кондуктора у них люди хорошие, и не свезли их на берег вместе с офицерами. Радость от первой победы была в тот момент так велика, что

никому не шли на ум мрачные подозрения, и это заставило нас позднее горько каяться в своей ошибке.

Фельдман, Кулик и я принялись за организацию новых порядков на завоеванном броненосце. Под нашим руководством здесь был избран «комитет» из тридцати матросов, который стал во главе управления всем судном.

Командиром был назначен боцман Кузьмин, а его помощником фельдфебель Воронов. Мы не знали, кто из новой команды является нашим убежденным сторонником, и поэтому выборы доверили всецело матросам.

Окончив избрание должностных лиц, мы велели «Георгию Победоносцу» стать рядом с «Потемкиным».

Быстрота и увереность наших действий производила хорошее впечатление на всех матросов «Победоносца».

— Ловко они, чисто обделывали, — слышалось со всех сторон по нашему адресу.

Когда порядок был установлен и я немного освободился, ко мне стали подходить матросы и доверчиво обращаться со своими нуждами. Большинство из них принадлежало очевидно к малосознательной части команды и их волновали вопросы чисто житейского характера.

— Как же теперь насчет жалованья будет? — спрашивали некоторые. — Мы должны были скоро уж получить его, — говорили они. Другие спрашивали, можно ли домой сейчас отправить деньжонки отцу или матери и пропустит ли в городе на почте начальство такие письма. Третьи интересовались узнать, не пропадут ли

у них кое-какие сбережения, находящиеся в севастопольской сберегательной кассе.

Такое обилие денежных вопросов одной части команды в то время, как лучшая ее часть готовилась беззаветно умирать за великое народное дело, позабывая про все житейские соображения, крайне неприятно меня поражало.

Спрашивали о присяге, о царе, о правительстве. Некоторые наивно заявляли, что правительство следует непременно расстрелять, а царя нужно пощадить, так как он-де, мол, тут не при чем.

Приходилось долго и обстоятельно толковать то с группами, то с отдельными матросами. Попадались из их среды и более сведущие люди, которые тут же давали правильные объяснения своим менее сознательным товарищам.

Не могу без смеха и отвращения вспомнить судового буфетчика, единственного «штатского» человека на броненосце.

Маленький, плюгавый, он, как тень, бродил за мною первое время и слезно просил, чтобы я распорядился уплатить ему все долги господ офицеров и отпустить его с миром на берег.

— Как вам не стыдно лезть с офицерскими долгами и личными счетами в такое время, когда решается судьба народного дела и свобода всей России, — заметил я ему.

— Я это знаю, я это чувствую и понимаю, поверьте моей совести; я готов служить для вас так же, как для господ офицеров; но все же как мне быть теперь насчет должочка? Ведь я разорюсь, у меня семейство, — жалобно и заискивающе тянул он позади, не давая ни

минуты покоя. Раз я даже вышел из себя и крикнул, чтобы он убирался к чорту со своими офицерскими долгами.

— Хорошо-с, хорошо-с. Я уйду, — залепетал он. — Но через пять минут он снова, вмешиваясь в разговор с матросами, слезливо канючил:

— Отпустите, господин, душу мою на покаяние. Ослободите «должочек». Я ваше дело очень даже понимаю и сочувствую, но у меня малые детки, жена, хозяйство...

Матросам надоела эта холуйская канитель, и они пригрозили швырнуть его в море собирать долги с потемкинских офицеров.

Позднее я узнал, что ему была уплочена довольно большая сумма из денег, конфискованных на броненосце.

Поздно вечером, усталый от всех хлопот и новых впечатлений того неизгладимого дня, я отправился к себе на «Потемкин». Другие же товарищи, в том числе и Фельдман, остались ночевать на «Георгии Победоносце», чтобы присутствовать на первом заседании нового «комитета».

Вернувшись, я не узнал своей команды. Она переродилась под влиянием этой первой победы, и ликованию ее не было границ. Факт присоединения к нам еще одного из броненосцев поднял дух у всех матросов. Прежний трус стал теперь храбрецом и крикливо заявлял:

— Теперь мы уже никого не боимся и завтра расшибем всю Одессу.

«Оппозиция» затихла и тоже поддалась торжествующему настроению всей команды.

Трудно передать тот психологический переворот в настроении всех матросов, происшедший в этот исторический момент.

Отрадно было послушать, как какой-нибудь чумазый молодой матрос, прятавшийся раньше от страха в самом нижнем люке, теперь с неподдельным восторгом расписывал на баке собравшимся товарищам торжественную картину «взятия в плен офицеров «Георгия Победоносца»

Особенно много говорилось о том величественном зрелище, когда «Георгий Победоносец» подходил к «Потемкину» и отдавал ему честь, салютая флагами, как главному адмиральскому судну.

Мы переживали глубокие, неизгладимые минуты.

На душе становилось легко, и кошмар постоянной боязни за неудачу сменился полной уверенностью в скорую победу над апостолом тьмы и насилия.

Теперь у нас была своего рода революционная эскадра — два броненосца с шестью двенадцатидюймовыми орудиями, миноносец и «Веха». Идея распространения политической свободы на всю Россию казалась нам вполне реальной в тот момент, и мы жили своими чувствами в новом, свободном царстве.

— Завтра мы забираем Одессу, устанавливаем свободное правление и при помощи свободных войск организуем народную армию, двигаемся на Киев, Харьков и другие города, присоединяем крестьянские массы...

А там...

Идем на Кавказ, по всему побережью Черного моря и везде объявляем независимость и свободу от старых рабских цепей... Москва, С.-Петербург...

Эти мысли в тот захватывающий момент горячо высказывались и обсуждались некоторыми из товарищей.

Далеко за полночь шли оживленные беседы среди нашей команды.

Спать после всего пережитого никому не хотелось.

В 11 часов ночи с моря мы увидели сигнализацию огнями. Наш сигнальщик ответил и получил от адмирала Кригера предложение вступить в переговоры. От эскадры к нам отправились депутаты — священник и офицер. Посоветовавшись, мы решили переговоры принять с условием, чтобы контр-миноносец ждал нас на горизонте. Матюшенко, я и еще несколько матросов поехали навстречу депутатам Кригера.

Мы хотели заставить вести с нами переговоры в присутствии всей команды контр-миноносца, надеясь, что она позднее сумеет передать о наших целях и стремлениях всем матросам других судов.

Но только мы стали приближаться к контр-миноносцу, как, быстро повернувшись к морю, депутаты Кригера исчезли полным ходом за горизонтом. Сколько мы ни гнались за ними, как ни старались махать белым парламентерским фонарем, «переговорщики» исчезли с наших глаз.

Вернувшись, мы со смехом рассказали матросам о неудачном выборе адмиралом своих депутатов.

Мы приняли все меры предосторожности. Катера обоих броненосцев всю ночь охраняли нас, а миноносец был послан на горизонт, чтобы успеть предупредить нас о возможной ночной атаке.

Неожиданное нападение в эту ночь казалось нам настолько вероятным, что мы составили предупреждение, адресованное командующему войсками.

Предупреждение это не было доставлено тогда по назначению в виду позднего часа, а утром редакцию его пришлось сильно изменить [92]. На утро судьба однако жестоко посмеялась над нашими надеждами.

Глава шестая

ИЗМЕНА «ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА» И БЕГСТВО В РУМЫНИЮ

Еще вчера к борту «Победоносца» из города подошел портовый катер.

— Командующий войсками прислал узнать, не угодно ли броненосцу какой-либо провизии или других необходимых продуктов, — вежливо обратился к матросам подплывший чиновник.

— Потрудитесь направиться к адмиральскому судну, — не без достоинства ответил тов. Фельдман, указав в сторону «Потемкина».

Чиновник «откозырял» и направился к «Потемкину».

Сегодня утром нам была доставлена кое-какая провизия. Командующий войсками, который так гордо и величественно заявил нашим депутатам 16 июня: «Я не желаю вступать ни в какие переговоры с царскими бунтовщиками», теперь сменил свою спесь на услужливость, хлопоча снабдить «бунтовщиков» провизией. Надо полагать, что присоединившиеся к нам еще четыре 12-дюймовые пушки изменили за эту ночь политические убеждения струхнувшего генерала.

Настроение среди жителей Одессы, особенно среди ее рабочей части, было ликующим. Все предшествующие ужасы были забыты, и десятки тысяч глаз, полные

нескрываемой радости, были устремлены на две могучие крепости, красующиеся на рейде. Распускаемые полицией сплетни о том, что «Потемкин» арестован и что «Георгий Победоносец» якобы остался караулить его, встречали открытые насмешки. Сочувствие народа, деморализацию войск и растерянность властей можно считать в этот момент полными.

Все это мы прекрасно понимали и энергично готовились к решительному удару. Среди высших военных властей царила растерянность.

Утром Матюшенко отправился в город отослать тысячу рублей семье прапорщика Алексеева. Делал он это по собственной инициативе, так как наш «комитет» еще третьего дня решил не давать никому на личные нужды денег, предназначавшихся исключительно для предстоящей борьбы.

Уступая настойчивым просьбам. он решил все-таки отправить жене Алексеева требуемую сумму.

С набережной он поднялся на бульвар около памятника Пушкину, против театра, где стояла артиллерия и множество войск.

Офицеры окружили Матюшенко и стали забрасывать всякими вопросами.

Объяснив, что ему необходимо разрешение командующего войсками для отправки тысячи рублей по почте, он развязно уселся у памятника и, в ожидании ответа. прикурил у какого-то полковника папиросу.

Офицеры вели с ним оживленный разговор. При этом Матюшенко за словом в карман не лез и в выражениях совсем не стеснялся. Вероятно почтение, вселяемое двумя красовавшимися на взморье броненосцами, было очень сильно, так как в другое время они этого простого

матроса, развалившегося перед ними с папиросой в зубах и говорящего всякие дерзости, давно бы отправили на гауптвахту и засудили в каторжные работы.

Но вот показался генерал и поманил к себе Матюшенко.

Матюшенко не тронулся с места и в свою очередь манит генерала пальцем.

Генерал, к удивлению всех присутствующих, подошел и «снисходительно» вступил с Матюшенко в разговор, обещая отправить деньги по назначению. Но Матюшенко не поверил генеральскому слову и, сняв шапку, раскланялся.

Скоро он благополучно вернулся к себе на броненосец.

Моральное поражение всей эскадры и трусливое унижение «неприступных» сатрапов вселяли в матросах полную уверенность в том, что всесильный абсолютизм разлетается впрах на их собственных глазах.

Среди всех волнений и впечатлений мы ни на минуту однакож не забывали, что дальнейшее осуществление наших радужных надежд в значительной мере обусловливается готовностью «Георгия Победоносца» поддерживать проведение в жизнь всех наших планов. Нам же было известно, что броненосец вчера присоединился только благодаря энергии и настойчивости революционной части и далеко не по желанию всей команды. А поэтому утром первой заботой всех преданных делу потемкинцев было поехать на «Георгия Победоносца», чтобы создать всеобщую решимость

действовать с нами заодно. Только заручившись общей солидарностью, мы могли бы спокойно сосредоточиться на выработке стратегических планов совместного наступления на город.

На «Победоносец» отправились доктор Голенко, Коваленко, Звенигородский, Кулик, я и другие.

Мы были крайне удивлены, что нас встретила более или менее радушно только часть команды. Большинство же отнеслось к нашему прибытию явно враждебно.

На суше были заметны беспорядок и неурядица. Предполагая, что команда не успела еще освоиться с новым положением и новыми порядками, мы спокойно протискались к ораторской трибуне [93].

Еще до нашего прихода здесь начались уже горячие споры, и команда возбужденно толпилась наверху.

Лишь только один из нас начал говорить, как со всех сторон послышались крики:

— Не надо потемкинцев, не желаем слушать! Чего там зря язык бить — в Севастополь идем..

Громче всех кричал с мостика боцман Кузьмин, выбранный вчера командиром, и его помощник, фельдфебель Воронов.

Революционная часть команды, окружив нас тесным кольцом, требовала, чтобы мы не обращали внимания на жалких трусов и подлецов и продолжали говорить.

— Мы остаемся с «Потемкиным». Без «Потемкина» мы никуда не пойдем. На берег их, трусов, пусть пешком идут в Севастополь, — хором кричали последние.

Шум и гам поднялись невообразимые. Трудно сказать, чем это окончилось бы, но увидев среди нас офицеров, матросы стали кричать:

— Пусть офицеры скажут. Послушаем господ офицеров.

Доктор Голенко и Коваленко протолкались вперед, и матросы стихли.

Рабская психология перед авторитетом «начальства» была еще жива у многих замуштрованных дисциплиной моряков.

Доктор Голенко весьма нескладно стал увещевать команду не торопиться с решением итти в Севастополь. Видимо эта мысль ему самому очень понравилась, но у него нехватало смелости открыто выразить ей свои симпатии. Не дав определенного совета, он слез с трибуны.

Команда несколько успокоилась и слушала теперь внимательно.

Тов. Коваленко, говоривший после доктора, изложил свое мнение более открыто и ясно.

— Наша команда в Севастополь ни за что не пойдет. У вас тоже далеко не все согласны итти туда. Значит без крупной ссоры с нами и между собой вам не удастся осуществить своего намерения, и поэтому как вы, так и мы можем только проиграть дело. Междоусобица для всех нас одинаково пагубна и принесет пользу только нашим врагам. Лучше будемте дружно и единодушно стоять за одно дело.

Его спокойный тон еще более умиротворяюще подействовал на команду.

Выступали ораторы и от «оппозиции»

— Нам незачем ждать «Потемкина», — резко заговорил один матрос, вскочив на возвышение после Коваленко, — мы и одни найдем дорогу в Севастополь. Если он хочет, пусть идет с нами.

— А какая цель итти в Севастополь? — спросил я оратора.

— Мы остановимся на горизонте и вызовем к себе начальство, — ответил он.

— Чухнина, значит?..

— Ну, хоть и Чухнина.

— Для чего же он нам теперь нужен?

— Вступить с ним в переговоры.

— Уж не о том ли мы будем с ним разговаривать, как вытащить обратно из моря Голикова и Гиляровского?.. — заметил иронически кто-то из наших матросов.

— Нет, в Севастополь вы идете, чтобы просить пощады и ползать перед палачом Чухниным. Нас вы не обманете и этого делать не заставите, — возразили оратору наши матросы.

Оратор сконфуженно смолк, не зная хорошенько. какие переговоры будет он вести с севастопольским начальством.

После продолжительных бесед нам удалось объединить команду, пробудить в ней дух солидарности и вселить уверенность в громадности сил обоих броненосцев.

Единодушно было решено ничего не предпринимать до тех пор, пока «комитет» не обсудит совместно с нашим общий образ действий. Депутаты должны были приехать на «Потемкин» следом за нами.

Когда мы садились в катер, к трапу подошел боцман Кузьмин. Озлобленный тем, что нам удалось вызвать единодушие среди матросов, он вызывающе заявил:

— Наша комиссия к вам не поедет, ей там делать нечего. Мы все равно в 12 часов снимемся с якоря.

— Смотри, как бы тебе самому раньше этого не угодить в воду вместо якоря, — пригрозили мы ему с катера и отправились к своему судну.

Последняя сцена убедительно показала нам, что виновниками всей смуты на судне «Георгий Победоносец» являются кондукторы. Всю ночь они вели среди матросов пропаганду «верноподданнических чувств» и раскололи их на две враждебные части.

Необходимо было этих вожаков продажного патриотизма выгнать вон из нашей среды, а затем уже думать о выполнении каких-либо общих предприятий.

События однако развивались с такой быстротой и стремительностью, что мы не в состоянии были часто исполнять своевременно все свои намерения. Так было и в данном случае.

Мы передали нашей команде о намерении части матросов с «Георгия Победоносца» вернуться в Севастополь.

Дружный взрыв негодования был ответом на это сообщение. Наши матросы так революционизировались за эти три дня, что опасаться за раскол в их среде было неосновательно. Мы принялись спокойно за работу.

Самым необходимым для обеспечения свободы наших дальнейших действий было приобретение достаточного количества угля.

С другой стороны, нужно было опять поехать на «Георгий Победоносец», чтобы передать единогласный отказ нашей команды итти в Севастополь и постараться склонить к нему и всех победоносцев.

Я не в силах был говорить и поэтому избрал добычу угля, как более молчаливое предприятие. Нами ощущался недостаток в опытных агитаторах, и тов. Фельд-

ман, выбившийся из сил и без голоса, собирался ехать даже в город, чтобы побудить местную организацию послать к нам нескольких товарищей.

Пока же в качестве ораторов поехали на «Георгий Победоносец» доктор Голенко, кондукторы Лесовой и Бурдюков и еще несколько матросов. (Первые трое и предали впоследствии все дело).

Я, Курилов и другие вооруженные матросы отправились в порт добывать уголь. Мы решили, что если никто не согласится продать уголь добровольно, то мы попытаемся взять его силой.

Подъехав к большому пароходу Русского общества «Петр Ригер», мы попросили вызвать капитана. Долго никто не показывался наверх. На палубе толпилось несколько рабочих. от которых мы узнали, что это судно — торговое и имеет для продажи больше ста тысяч пудов угля.

Мы настойчиво стали вызывать командира корабля. К нам вышел помощник капитана и на наше требование заявил, что без командира он ничего сделать не может, а последний находится в порту.

Взяв одного из рабочих, мы поехали в гавань. Он побежал отыскивать своего командира.

В порту было безлюдно, и кругом уныло торчали обгорелые остатки.

К катеру подошли двое драгун и один полицейский.

Наши матросы стали стыдить их за то, что они третьего дня избивали и жгли в огне невинный народ.

— Продали вы себя начальству за рюмку водки. Стыдно. Домой придете, вас вся деревня проклинать будет как своих убийц, — говорили матросы.

— Мы, ей-богу, братцы, не виноваты. Мы в народ не стреляли и стрелять не станем. Это все казаки да полиция... — конфузно оправдывались драгуны. Полицейскому стало неловко от этих слов, и он поспешил отойти.

Мы миролюбиво пробеседовали с солдатами с четверть часа.

Посланный рабочий командира не нашел. Время терять было некогда, и мы поспешили к пароходу.

— Снимайся с якоря и подъезжай к броненосцу! — крикнул один из нас помощнику капитана «Петра Ригера».

— Не могу, господа, без капитана,—ответил тот.

— Ну, нам тоже некогда ждать твоего командира,— возразили мы.

— Как знаете, господа, а я не могу,—упорствовал помощник.

— Снимайся с якоря, скорей... Говорят тебе, что мы не можем ждать ни минуты,—озлобленно крикнул наш матрос, схватив винтовку. — Убью тебя сейчас, как собаку! Снимайся или я стрелять буду, — и, взведя курок, он готов был уже пустить пулю в лоб помощника.

Последний, поняв, что с ним не шутят, побледнел и глухо скомандовал в машину:

— Поднять пары!

Мы вскочили на пароход и принялись помогать рабочим вытаскивать якорь. Минут через пять угольщик стоял уже под бортом «Потемкина» и деятельно разгружался.

Пока грузили уголь, в кают-компании собралась часть товарищей из «комитета» и приступила к выра-

ботке плана действий. Прежде всего решили предъявить военным властям города ряд требований (в это время Одесса была уже объявлена на военном положении), а затем, если бы эти требования не были удовлетворены в течение суток, приступить к бомбардировке и захвату ее силой.

Требования эти писал я [94].

Хотели передать их на «Георгий Победоносец» для прочтения тамошней команде, но не успели.

На судно прибыл портовый чиновник, посланный командующим войсками с предложением дать ему подробный список всего необходимого для нас.

Из разговора с ним мы узнали, что наши боевые снаряды, пущенные третьего дня вечером, никого из жителей не убили и вообще упали очень удачно. Радостью и восторгом было встречено это известие всей нашей командой.

— Никого не убило! Никого не убило!—передавали матросы друг другу, и многие при этом снимали шапки и крестились.

Скоро список требуемых для нас запасов был готов и вместе с заявлением передан портовому чиновнику для вручения командующему войсками.

Мы беседовали в кают-компании, как вдруг по судну разнесся крик:

— «Георгий Победоносец» снялся с якоря!

— «Победоносец» снялся с якоря!

Поднялась суматоха и шум. Чиновник кинулся в свой катер, а мы побежали на палубу.

Действительно, дымя из всех труб, предатель удирал от нас в море. Он увозил с собой и наших депутатов, посланных еще утром.

Такая быстрая и неожиданная измена со стороны броненосца, считавшегося еще час назад нашим союзником, вызвала страшную злобу, и буря негодующих криков носилась по нашему судну

— По местам, ребята!

— К орудиям, товарищи!

— Бей их, мерзавцев!

— Давай сюда снаряды.

— Скорей!

— Якорь поднять.

— Не нужно поднимать—бей с якоря!

— Живей, братцы, уходит из виду...

Так кричали сотни матросов, пробегая к своим постам.

Без всякого приказания в один момент все было готово к стрельбе. С «Потемкина» подняли беглецу сигнал: «Вернуться назад и стать на прежнее место».

Но «Победоносец» прибавил ходу.

— Поднять боевой!—пронеслось по судну с командирского мостика, и зловещий красный флаг взвился над «Потемкиным».

Угрюмые двенадцатидюймовые орудия быстро повернулись со своими башнями и молча уставились вдогонку предателю.

Еще момент—и беспощадный суд с грохотом разразился бы над изменником.

Комендоры тряслись, как в лихорадке, от охватившего их волнения. «Георгий Победоносец» понял угрозу и круто повернул обратно.

— Не стреляй, ребята!

— Назад идет!

— Назад повернул,—прошумело по нашей команде.

Я, запыхавшись, пробегал через кают-компанию. Вдруг прапорщик Алексеев с страшными рыданиями бросился ко мне.

Он умолял именем своей жены и детей отправить его сейчас же на берег.

— Я не могу больше, не могу! Сейчас матросы со злобы расстреляют «Победсносца». Отпустите меня, ради бога, на берег, я не могу, — рыдал он.

— Вон под бортом у нас стоит угольщик. Садитесь туда и уезжайте хоть к чорту, — с омерзением крикнул я на Алексеева и, оттолкнув его от себя, побежал дальше.

Однако он не унимался и бросился на шею к Резниченко, пробегавшему за мной. Последний стал его также отталкивать. Но Алексеев разыграл обморок и повалился на пол. Его посадили на диван; оставаясь все время красным, как рак, он явно симулировал и скоро пришел в себя. Эта комедия произвела удручающее впечатление на матросов и послужила сигналом к общему смятению.

Команда наша бросала орудия и свои посты. С шумом бежала она на шканцы, грозя кулаками вернувшемуся изменнику.

Произошла давка, каждый хотел протискаться к борту, чтобы видеть «Победоносца».

А он полным ходом шел мимо нас. Оттуда что-то кричали, и там тоже видна была суматоха на палубах и каюте.

— Смотрите, он в порт заворачивает. В порт пошел.

— Надо приказать ему остановиться.

— Машину застопорить надо, — закричали в страшном изумлении матросы.

Все отдавали приказания, перебивали друг друга, посылали проклятия и ругательства, и в этом переполохе никто не хотел слушать никаких приказаний.

Картина смятения была полная. Не было в этот момент ни одной сильной инициативы, ни одного повелительного приказания, могущего водворить порядок на судне.

Все наши товарищи сами закружились в общем вихре этой суматохи и утратили всякую находчивость и инициативу.

«Победоносец» же на всем ходу завернул за волнорез и вошел в гавань.

— Он сдаваться не хочет. Он к берегу подошел, — пронеслось опять по нашей команде.

— Дайте ему сигнал немедленно выйти из гавани или мы будем стрелять, — распорядился кто-то из нас.

— «Победоносец» зарылся в песок и не может выйти в море, — прокричал через минуту сигнальщик в ответ на это приказание.

Чувство злобы и негодования быстро начало сменяться сознанием бессилия и полной утратой присутствия духа.

Началось что-то ужасное, и руки у всех опустились. Паника охватила сначала трусливые элементы, но быстро заразила собой и остальных матросов.

— В Румынию! — раздалось где-то на баке.

— В Севастополь!—крикнуло несколько голосов на шканцах.

— Нужно уйти в море!—шумели другие.

— Расстрелять «Победоносца»! — в исступлении предлагало несколько голосов.

— Нужно послать миноноску за товарищами. Нельзя их там бросать, — настаивал кто-то.

— Миноноска тоже изменит. Никого не спускать с корабля,—с жаром возражали матросы.

С «Георгия Победоносца» спускались катера. В них торопливо прыгали матросы и направлялись к нам.

— Едут! Депутаты едут к нам,—пронеслось по судну.

Все устремили взоры в ожидании прибытия товарищей. Минут через пять они уже с криком взбегают на борт.

— Товарищи, давайте скорей караул. Нужно арестовать кондукторов. Это они смутили всю команду. Большинство не было согласно, но боцман Кузьмин обманул всех. Сейчас же их нужно арестовать,—говорил вернувшийся Звенигородский. Он сильно волновался и был бледен, как полотно.

— Это доктор Голенко устроил все. Убить его надо, изменника!—в возбуждении кричал Бредихин.

— Давайте караул. Арестовать кондукторов!

— Убить Голенко!—подхватили голоса.

Но дезорганизация была полная, и часть матросов изо всех сил стала кричать:

— Нельзя никого посылать в порт.

— Теперь все изменят. У нас тоже много подлецов.

— Пусть «Победоносец» сидит на мели. Их начальство перевесит и без нас.

В других частях судна, особенно на юте, все сильней и сильней стали раздаваться голоса более трусливых матросов, что надо ехать в Румынию. Скоро толпа обезумевших от страха малодушных людей ворвалась и на шканцы, и все слилось в одном невообразимом гаме: «Едем в Румынию! Едем в Румынию!»

И не успели мы опомниться, как броненосец без всякого распоряжения снялся с якоря и двинулся в море. Сколько мы ни убеждали, как горячо мы ни доказывали, что подло бросать в руки палачей лучшую часть команды «Победоносца» и оставлять «Веху» на произвол судьбы, никто не хотел нас слушать. Все стремились только поскорей уйти из Одессы в открытое море.

Некоторые из матросов, боясь, как бы я не повернул команду обратно, с озлоблением угрожали выбросить меня за борт.

Бегая от матроса к матросу и стараясь убедить их вернуться к «Победоносцу», я столкнулся в кают-компании с Матюшенко. Он почему-то тоже говорил:

— Ничего, едем в Румынию. Еще не все пропало.

Я подошел в волнении к нему.

— Ты-то зачем едешь в Румынию? Ведь это—позор. Ведь мы предаем своих товарищей, оставляя их вместе с изменниками, — горячо произнес я.

— Ты что же, боишься ехать с нами? Так мы тебя можем и высадить, — ответил Матюшенко и торопливо ушел.

В кают-компании, где только-что произошел вышеупомянутый разговор с Матюшенко, в мрачном раздумьи сидел Фельдман. Я подошел к нему и в бессилии опустился на диван.

Молча мы долго просидели рядом.

Броненосец плавно и бесшумно двигался полным ходом вперед. Одесская гавань все дальше оставалась за горизонтом.

Чувство жгучей злобы невыносимо давило грудь. Сознание полного морального поражения наших завет-

ных стремлений сверлило мозг и острой болью сжимало сердце. Дикие стоны отчаяния и бессильные слезы готовы были малодушно вырваться наружу, но остаток воли и самообладания еще сдерживал их.

— Что, Кирилл, должно быть, все проиграно?—спросил сумрачно тов. Фельдман.

— Кажется, да, — тихо ответил я.

— Что же теперь делать? — обратился он опять.

— Может быть, еще удастся повлиять на команду. А если нет, то во всяком случае принимать участие в бегстве нам с вами не приходится. И для тех, кто не хочет потерять к себе чувства самоуважения, конец ясен... — ответил я, глядя в упор на тов. Фельдмана.

Он, очевидно, понял меня и замолчал [95].

На море опускались сумерки.

Броненосец шел десятиузловым ходом. Уверенно разрезая пенящуюся под носом воду, он быстро уносил нас в Румынию.

Переутомленная за все эти дни команда укладывалась спать, не ожидая в открытом море никакой опасности. В первый раз с самого Тендера многим из них удалось заснуть только в эту ночь.

Глядя на эту спокойную картину, невольно появлялась надежда, что завтра команда, успокоенная и подкрепившаяся сном, снова воспрянет духом, и наше дело удастся тогда закончить с большим почетом, чем сдача в Румынии.

Не спали только машинисты и кочегары. Пятые сутки, как «Потемкин» держался непрерывно под

полными парами. За все это время они самоотверженно несли свою службу при 80-градусной температуре. Большинство из их среды выделялось своей преданностью народному делу. Они часто не имели времени ни для пищи, ни для сна.

Как ночные тени, они то-и-дело показывались наверху и, вдохнув измученной грудью несколько глотков свежего воздуха, снова исчезали в раскаленную атмосферу 16-паровых котлов.

С их стороны я почти никогда не слышал жалоб на переутомление или усталость. Это были истинные герои. Они молчаливым и неустанным трудом давали пример, как надо служить и бороться за успех дорогого всем дела. Глубокие, искренние стремления к завоеванию счастья и свободы для всей России воодушевляли их и помогали им безропотно переносить выпавший на их долю неимоверно тяжелый труд.

Не спал на судне всю эту ночь еще тов. Кошуба[96]. Он ясно и вполне определенно стремился к освобождению всей России, и для этой великой цели он готов был на самые крайние средства.

Когда «Георгий Победоносец» зарылся носом в песок одесского порта, тов. Кошуба с нашими депутатами прибыл на «Потемкин», хотя и принадлежал к команде «Георгия Победоносца».

— Братцы!—возбужденно заговорил он, вскочив на кнехт. — У нас позорная измена. Берите ружья! Заряжайте пушки! Нельзя терять ни одной минуты. Смотрите,—продолжал он, указывая на город.—Тысячи глаз, миллионы глаз глядят с берега на наш стыд и позор. Ведь там весь рабочий народ; ведь там наши отцы и братья, там наши жены и голодные дети.

Посмотрите, слезы, горькие слезы обиды и горя льются у них из глаз. Из груди, из ран капает у них еще теплая кровь, пролитая вчера на наших глазах озверевшими тиранами. Ведь они умоляют освободить их от тяжелой неволи, они протягивают миллионы рук, прося у нас защиты от кровожадных драконов. Ведь их счастье, их лучшая жизнь и наша собственная свобода теперь в нашей власти. Так неужто же мы все еще будем колебаться... Нет! Смерть всем тиранам. Месть всем народным изменникам! Смерть «Победоносцу»! Товарищи! Берите штыки, берите винтовки, берите... — Тут Кошуба начал задыхаться от волнения.

Казалось, что матросы бросятся к пушкам и ружьям и расправятся с предателем. Но на бак вбежала толпа трусов и начала неистово кричать, заглушая Кошубу и расталкивая собравшихся вокруг.

— Мы едем в Румынию, все в Румынию! Пусть «Победоносец» сидит на мели. Его и без нас само начальство перевешает.

— В Румынию! — подхватили из всех сил малодушные матросы.

Видя, что и у нас нет единодушия между матросами, Кошуба бессильно опустил руки, сошел с кнехта и тихо направился в батарейную палубу.

Минут через десять я его видел опять на баке агитирующим среди группы матросов.

Он развивал уже новый план кровавой расправы со всеми тунеядцами, со всеми угнетателями трудящихся людей.

Маленькая, тщедушная фигура его выросла и преобразилась под влиянием охватившего его воодушевления.

Очень уж много тяжелой обиды пришлось вынести этому сыну русской деревни у себя дома и за долгие годы беспрерывной солдатской службы.

В его горящих карих глазах светились злоба и решимость.

Он горячо убеждал матросов вернуться сейчас же обратно и высадить его и еще сорок товарищей в одном из местечек вблизи Севастополя.

— Мы,—говорил он,—заберем винтовки, набьем свои рубашки полно патронами и темной ночью прокрадемся оттуда в город. Теперь там военное положение и всюду ходят патрули по улицам. Мы разобьемся по пяти, по десяти человек и пойдем по Севастополю. Кто может там сообразить, да еще ночью, что мы — потемкинцы, а не настоящий патруль. Никто! И вот тогда-то мы начнем избивать всех главных начальников и первого, конечно, пропорем штыком Чухнина.

Мы будем прокрадываться в квартиры, в казармы, в караулы, пойдем на крепостную батарею и везде; везде будем беспощадно резать и расстреливать всех наших драконов-начальников. Везде к нам будут присоединяться наши братья матросы и солдаты.

Мы зальем кровью народных тиранов весь Севастополь, мы их утопим в их собственной крови, как утопили они наших отцов и братьев у манчжурских берегов. Они ведь нас не жалели. Они не жалели ни жен, ни сирот, ни стариков... Они не жалели и на наших глазах убивали сотни рабочих в одесском порту или жгли их в пожаре. Они не жалели... Так нет же пощады и им от нас. Братцы! Идемте вместе со мной. Я первый буду колоть их штыком, бить их прикладом... Если штык сломается, я буду рвать руками их поганные горла, я не остано-

влюсь ни перед чем, пока хоть один из них будет живой.

И вот тогда-то мы заберем весь Севастополь в свои руки, мы завладеем всей крепостной батареей и дадим знать «Потемкину». И он придет и заберет всю эскадру с собой. Берегись, изменник «Победоносец»! Вам после этого не сдобровать перед нами.

Голос его вздрогнул, и он тихо, захлебываясь от охватившего его чувства, продолжал:

— А народ... весь народ со всей России, из всех деревень и сел, из всех городов и самых далеких мест придет на берег в Севастополь встречать своих братьев матросов, встречать своих дорогих освободителей.

Все бедные и голодные, все матери со своими грудными младенцами, все искалеченные порт-артурцы без рук, на костылях, все измученные рабочие из тюрем и из Сибири, все бедные евреи и поляки, все, даже иссохшие старики... все, все придут на берег Севастополя, не будет нигде места, где не стояли бы люди И бухту, и набережную, и горы—все покроет собою наш бедный, забитый народ. И все они будут плакать тогда, но плакать хорошими, легкими слезами радости, и мы заплачем вместе со всеми, и море заплачет с нами и поднимется от слез в своих берегах...

Дальше он уже не мог говорить.

Слезы душили его, слезы показались на глазах и у других...

Так весь вечер и всю ночь тов. Кошуба неутомимо агитировал среди нашей команды. Он переходил от группы к группе, из машинного отделения в кочегарное, с бака на ют... и везде с неослабевающим одушевлением продолжал развивать свой «план»...

Я проходил часа в 4 утра мимо пекарни и видел, как он сидел перед пылающей печью среди матросов и с горящими глазами, возбужденным лицом все рассказывал и рассказывал про то, как они освободят весь русский народ...

Его грандиозный по своему безумию и дерзости «план» требовал людей с отчаянной смелостью, а таких товарищей в то время у нас не нашлось бы и десяти человек.

Я долго не мог уснуть и ходил по судну. Ко мне подошел Матюшенко.

— Что теперь будем делать, Кирилл?

Он, видимо, успокоился от потрясений и занят был придумыванием какого-нибудь выхода из нашего скверного положения.

Долго мы с ним сидели на диване и совещались. Для нас было очевидно, что команду сбили итти в Румынию кондукторы.

Они стремились туда, чтобы попытаться завести переговоры о помиловании при посредстве румынского правительства.

Команда поддалась этому благодаря общей растерянности и охватившей всех панике.

— Значит, далеко еще не все было потеряно, и завтра, может быть, нам удастся снова воодушевить команду для продолжения борьбы. Во всяком случае мы не должны выпускать из наших рук и рук народа этих пушек, — сказал я, указывая на стоявшие тут же орудия. — Нужно помнить, что это может больше не повториться [97].

— Да, нужно за них держаться до последней минуты, — согласился Матюшенко.

Матюшенко улегся спать, а я пошел в офицерскую библиотеку порыться в законах о посещении иностранных портов.

В библиотеке я наткнулся на книгу с заголовком: «Правила о пребывании в иностранных портах». Я прочел в ясной и категорической форме о том, что все военные и офицеры по «такому-то» трактату должны обязательно выдаваться правительству по первому его требованию. Параграф этот был теперь, как нельзя более кстати, так как он отрезал легкомысленным матросам отступление на румынский берег.

Год издания этой книги был очень давний, и, по всей вероятности, этого правила больше не существовало, но оно сыграло в нашей дальнейшей участи весьма важную роль.

Довольный своей находкой, я отправился спать. Совсем почти уже светало, и в кают-компании похрапывили Алексеев, Калюжный и Коваленко. Я тоже взял подушку, положил ее на свободный диван и заснул.

•

Факт измены «Георгия Победоносца» оказал решающее значение на крушение наших планов и послужил причиной всех постигших нас неудач.

Вследствие сильного переутомления наших товарищей на «Георгий Победоносец» вызвались ехать в качестве ораторов кондукторы Бурдюков, Лесовой и доктор Голенко. Последний особенно сильно уверял всех, что он сумеет повлиять на команду.

Товарищи матросы созвали команду и стали ее уговаривать действовать совместно с «Потемкиным». Доктор

же Голенко прошел в помещение кондукторов. Там у них происходило тайное совещание, на котором было решено увести броненосец во что бы то ни стало в Севастополь.

С большим трудом удалось убедить победоносцев дружно стоять за одно дело, как вдруг наверх вышли кондукторы во главе с доктором Голенко. Боцман Кузьмин поднялся на мостик и отдал приказание сняться с якоря. Недоумевая, команда все же принялась за работу. Кочегары быстро развели пары. Послышался ропот и голоса: «Куда мы идем и почему не спрашивают команду?»

С «Потемкина» заметили приготовления «Победоносца» к походу и дали ему сигнал: «почему снялись с якоря?»

Боцман Кузьмин и доктор стали кричать, что «Потемкин» приказывает сняться с якоря и итти в Севастополь. Обман им вполне удался, так как редкий из матросов может разбирать сигналы. Сигнальщик же «Победоносца» состоял в заговоре с шайкой предателя.

Они двинулись в путь. Часть команды не поверила этой уловке, стала кричать, что это ложь, что это невероятно. Кощуба, видя намерение предателей дать полный ход, взбежал на рубку и, сдернув штурвальное колесо, бросил его сразмаха в море. Боцман был принужден перейти в боевую рубку, чтобы продолжать управлять броненосцем.

С «Потемкина» опять дали сигнал «вернуться или будем стрелять». Кузьмин и Голенко снова переврали наше приказание и объяснили команде, что «Потемкин» следует за нами». Только когда мы вывесили боевой сигнал, который знает всякий матрос, лгать дальше

стало невозможно. Боцман Кузьмин круто повернул броненосец обратно.

Думая спасти свою шкуру, он на полном ходу ввел броненосец в гавань и поспешил вместе с Голенко ретироваться под охрану казаков и солдат на берегу.

Глава седьмая

НА ПУТИ В РУМЫНИЮ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

19 июня утром мы встали довольно поздно. После длительного сна чувствовалась бодрость и свежесть. Море было тихое и переливалось блеском на всем безбрежном пространстве. На горизонте ни суденышка, ни рыбацкой лодки. Только дельфины, метаясь время от времени над водою, нарушали однообразную картину. Броненосец с шумом разрезал зеркальную поверхность и уверенно двигался в даль.

Под мостиком, на открытой части судна, разгуливали и сидели группы матросов. От нечего делать они толпились на юте. Тут же, около орудийной башни, заливалась развеселым плясовым мотивом гармоника. Рядом с гармонистом, словно на деревенской завалинке, сидело несколько матросов.

Курилов, обнявшись с пузатым фельдфебелем Журавлевым, забыв про все пережитые невзгоды, отхватывал с увлечением «польку», азартно притоптывая каблуками. Другие, окружив их кольцом, смеялись и подставляли им ноги, желая для шутки уронить толстяка Журавлева.

На правом борту с неменьшим увлечением играли в морскую игру, метая по нарисованным мелом квадратам круглые плитки.

На носу собрался хор в несколько человек, и по морю неслись тоскующие звуки малорусского напева...

Вымазанные копотью и маслом кочегары вылазили наверх на минутку поглядеть на общее веселье и потом снова исчезали в свое «кромешное» подземелье.

Одним словом, идиллия корабельной жизни была полная. Неприятель ниоткуда не угрожал, и чувство страха сменилось веселым настроением. Спокойно проведенная ночь подкрепила силы, и наша команда снова воспряла духом.

Однако попадались и унылые лица. Небольшие группы матросов сидели внизу и тихо беседовали между собой. Общее веселье их не увлекало и не захватывало. Вчера они громче кричали «итти в Румынию». Сегодня же, оправившись от растерянности и панического страха, они стали сознавать свое безрассудство. Они не могли себе представить даже приблизительно, что их там ожидало, и неизвестность действовала угнетающе. Смутные надежды на то, что удастся ускользнуть на берег, теряли всякое значение при мысли о незнании тамошних порядков и языка.

Отчасти они надеялись на кондукторов, на их тайные обещания завести переговоры о помиловании через румынского «царя». Но неопределенность вселяла в них беспокойство.

— Кирилл, идите-ка сюда,—позвал меня один из матросов.

— В чем дело? — остановился я.

— В Румынии когда-нибудь бывали?—спросил он.

— Нет! А что?

— Да я так спросил. Интересно знать, какая это земля и есть ли там царь?

— А вы разве сами не знаете? — спросил я в свою очередь.

— Мне откуда же знать. Я плаваю-то всего первый год, а дома был — ничего не слыхал.

— Как же так? Вы кричали вчера громче всех, что надо ехать в Румынию, и сбивали других, а сегодня оказывается, что вы и сами не знаете, куда едете.

Матрос стал оправдываться, что он кричал потому, что все кричали.

— Да все они, может быть, без толку кричали.

— То-то, что без толку. Потому никто из них теперь не знает, куда и зачем мы едем, — упрекающе заключил он.

Я рассказал ему вкратце про Румынию, что знал, и направился в кают-компанию. Сюда стали собираться и другие товарищи. Перед нами стояло много важных дел, и «комитет» спешил обсудить их заблаговременно. Обширное помещение кают-компании переполнилось матросами, следившими с живым вниманием за ходом наших прений.

Вокруг длинного стола, на стульях и креслах, расположился «комитет». Сзади него плечом к плечу теснились любопытные.

— Я предлагаю в председатели Кирилла,—предложил Шестидесятый.

— Хорошо, пусть будет Кирилл, — согласились остальные.

— Лучше другого назначить. «Вольных» не стоит. Пусть свой кто-нибудь,—громко произнесли из задних рядов.

— Конечно, своего лучше,—послышались одобрения из среды матросов, которые собрались, видимо, не

только послушать, но и «последить» за тем, чтобы «комитет» не решил повернуть корабль обратно.

— А все ли понимают значение председателя? — обратился товарищ Кулик к толпе матросов.

Все молчали.

— Может быть, вы думаете, что председатель — это начальник над всем комитетом? — спросил он опять. — Председатель выбирается только для порядка во время разговоров. Он смотрит за тем, чтобы все сразу не говорили и не перебивали друг друга, да еще за тем чтобы все говорили по делу, а не то, что вздумается каждому. Поняли?!

— Поняли, — ответили матросы.

— А по-моему, у нас и «вольных»-то нет. Товарищи Кирилл и Фельдман плавают с нами уже несколько дней. Они разделяют нашу участь и тревоги. Какие же они теперь «вольные»? — добавил Шестидесятый.

— Мы теперь все «вольные». Начальства у нас нет, да скоро его и нигде не будет, — смеясь заметил кто-то из толпы.

Я отказался от председательства и предложил избрать Денисенко или Савотченко. Однако все стали настаивать, чтобы взялся вести собрание кто-нибудь из умеющих хорошо поддерживать порядок. Фельдман тоже упорно отказывался, и остановились на выборе Коваленко. Мы знали, что это заседание было решающим, и чтобы впоследствии не возникло поводов для всяких кривотолков, мы считали лучшим дать самим матросам свободно высказаться о предстоящих задачах.

Коваленко открыл заседание, и мы приступили к обсуждению.

— Самое важное, товарищи,—сказал я,—выяснить. почему мы так позорно бежали из Одессы и зачем мы теперь едем в Румынию. Только дав себе ясный отчет в истинных причинах этого печального события, не обманывая ни себя, ни других, мы будем в состоянии наметить определенный план того, что следует нам предпринять дальше.

Я предлагаю высказаться по этому поводу всем.

Никто из членов комитета не отрицал, что факт нашего поспешного удаления из Одессы есть растерянное и беспорядочное бегство. Причины они усматривали в неожиданности измены «Победоносца» и той деморализации, которую произвело это событие на нашу команду.

— Этого бы не случилось,—возразил Фельдман,— если бы у нас на судне командование и власть находились в более твердых руках. Управлять броненосцем 25 лицам сразу совершенно невозможно. Особенно сказывается непригодность этого в боевую минуту. Я предложил бы выбрать для командования «Потемкиным» всего двух-трех самых надежных товарищей и трех кандидатов к ним.

После горячего обсуждения избрали из своей среды «Исполнительный комитет». В него вошли: Резниченко. Костенко и Матюшенко. В кандидаты к ним назначили еще трех матросов. На их обязанности лежало командование судном при условии полной ответственности перед общим «комитетом».

Все должны были им безусловно повиноваться.

— Еще, товарищи, у нас есть одна важная причина всех неурядиц, — выступил я. — это кондуктора и прапорщик Алексеев. Эти лица доказали нам уже не раз.

что они ждут только критического момента, чтобы окончательно расстроить всю команду и погубить наше дело. Нам давно бы следовало удалить их с броненосца.

Предложение это вызвало горячие споры. Большинство «комитета» согласилось сейчас же убрать кондукторов, предлагая дать им катер и провизию. Другие же упорно настаивали, что теперь отпустить их с корабля невозможно.

— Они прекрасно узнали наши планы, намерения и взаимные отношения команды. Вернувшись в Севастополь, они сейчас же расскажут обо всем начальству и дадут указания, как действовать против нас, —мотивировали несогласные свое мнение..

Вследствие разногласий вопрос о кондукторах остался нерешенным.

Почти все единодушно высказались за то, что в Румынии следует нам запастись углем, водой и провизией; собрать из тамошних газет все известия о политическом настроении в России; узнать, что делается в остальной эскадре, и затем направиться обратно к русским берегам, так как никто из товарищей не считал нашу борьбу оконченной.

— А может, нас Румыния примет к себе на службу или пустит на свою землю...—громко вмешался один из слушающих матросов.

— В самом деле, может, ихний царь примет нас к себе, — поддержал еще кто-то из задних рядов.

— Не в Румынии, так в другом царстве могут принять, — загалдели голоса.

— Товарищи! Вот тут есть статья, или, иначе, закон,— сказал я, показывая отысканные мною вчера «Правила

о пребывании в иностранных портах». Они написаны как раз для тех, кто думает улизнуть на иностранный берег.

Я прочел громко то место, где говорилось о выдаче всех военных дезертиров по требованию правительства.

Сообщение это на многих матросов произвело самое удручающее впечатление. Оно разбивало надежды, скрыто лелеянные ими раньше в глубине души. Нашлись даже такие, которые не поверили мне на слово и попросили дать им прочесть. Я отдал книгу, и она переходила из рук в руки. Когда все убедились, что отступление на берег действительно отрезано, тогда продолжили прерванное заседание.

Единогласно было принято, что во всех сношениях с румынскими властями мы должны держать себя тактично и добиваться необходимого нам разрешения о закупке провианта только дипломатическими средствами. Чтобы нас не приняли за пиратов, решено было составить письменное изложение сущности нашей борьбы и революционных задач и передать это для опубликования в печати и отправки всем европейским державам.

Подобное обращение необходимо было еще потому, что мы были уверены в возможности лжи и клеветы, распространяемой про нас русским правительством, неоднократно доказавшим свою беззастенчивость в подобных случаях.

Тов. Фельдман взялся написать заявление «ко всем европейским державам», а я составил обращение «ко всему цивилизованному миру» [98]. Мы прочли их собравшимся [99].

Воззвания были бурно приняты всеми матросами,

— Теперь, товарищи,—обратился я к матросам,—раз мы объявили себя борцами за свободу открыто перед всем миром, то нам необходимо и защищать свое дело не под Андреевским флагом—этой царской тряпицей, а под своим революционным знаменем. Я предлагаю украсить им наш броненосец.

— Совершенно верно! Давно следует! Конечно, свое знамя надо сделать,—раздались одобрения.

— Я предлагаю сейчас сделать белое знамя и на нем написать красными буквами: «Мы боремся за политическую свободу всего народа и хотим уничтожить все царское правительство», — предложил Звенигородский.

— Нет, это слишком длинно и белый цвет не революционный, — возразил Фельдман.

— А красный вешать нельзя: издали примут его за боевой сигнал, — заметил кто-то.

— Можно и красный, только повесить его не там, где боевой, — предложил Дымченко.

— Уж если делать, так красный. Кумачу у нас хватит, — хором подхватили все.

— Напишем на нем просто: «Долой драконов!» Это коротко и ясно, — крикнул какой-то матрос.

Все рассмеялись, но иронически заметили, что это чересчур страшно.

Хотели принять обыкновенный ряд девизов—«Долой самодержавие. Да здравствует свобода. Мы требуем Учредительного собрания и всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права». Однако всем это казалось очень многосложным.

Наконец остановились на том, чтобы знамя из красной материи было натянуто на четырехугольную рамку

и на одной стороне большими буквами написать: «свобода, равенство и братство», а на другой — «да здравствует народное правление», с таким расчетом, чтобы надпись можно было разобрать издали.

Девиз Великой французской революции сделался таким образом достоянием всей нашей команды и стал впоследствии очень популярен среди нее.

— Теперь, понимаешь, брат, свобода, равенство и братство. Не то, что раньше — «слушаюсь», «никак нет», «точно так». Теперь все будет иначе,—преподавали матросы друг другу.

Мы закончили заседание и разошлись по судну.

■

Около 5 часов пополудни мы подплыли к румынскому порту Констанце. Матросы с любопытством рассматривали этот красивый с моря городок. Бросили якорь и стали на внешнем рейде. Наш приход произвел переполох. Жители сбежались к набережной.

Через четверть часа из гавани показался катер.

— Готовься ребята, к салюту. Румынские офицеры едут, — распорядился вахтенный начальник.

— Подать холостые снаряды! — отдали приказание сверху.

Катер подъехал к трапу.

Мы выстроили почетный караул, как это делается при посещении военного судна иностранными властями.

На броненосец поднялись два румынских офицера и, держа руку под козырек, отрекомендовались: один — начальником порта, а другой — лейтенантом гарнизона с крейсера «Елизавета».

— Караул, смир-но! — скомандовал Коваленко, принявший у трапа гостей.

С верхних башен загудела пушечная пальба, и матросы взяли под козырек. Выстроенный караул вытянулся в струнку.

Мы пригласили румынских офицеров в кают-компанию. С ними прошли еще два санитарных врача. Разговор клеился очень плохо. Один из офицеров мог говорить только по-французски и немного по-немецки. Я и Коваленко стали с грехом пополам объяснять ему цель нашего прибытия в Румынию. С другой стороны, Матюшенко кое-как объяснялся с капитаном порта через одного нашего матроса-молдованина. С большим трудом мы выяснили наконец, что здешние власти не могут разрешить нам купить ни провизии, ни пресной воды, ни угля. Вручив им в конце разговора свои воззвания «к цивилизованному миру» и «ко всем европейским державам», мы распростились. Они обещали о нашей просьбе телеграфировать в Бухарест высшему правительству и ответ немедленно сообщить нам. Проводили их снова с почетом и пушечными салютами.

Румынские офицеры произвели на нас хорошее впечатление. Только обстоятельство, что они не разрешили нам закупить сейчас же провизии, сильно портило настроение матросам. На судне пошли всевозможные толки и предположения.

— Это они хотят, верно, по телеграфу с нашим царем сговариваться, — говорили некоторые матросы.

— Измором взять хотят, — высказывали догадку другие.

Упорнее же всего распространялось мнение, что ухо надо держать востро и не даться в обман.

Помня закон о дезертирах, большинство матросов относилось весьма подозрительно к обещаниям румынских офицеров о возможности завтра получить благоприятный ответ из Бухареста.

По отъезде румынских властей из-за волнореза показалась военная «шестерка».

— Офицер едет! Русский офицер едет! — пронеслось по броненосцу.

Команда стала сбегаться на шканцы.

— Не шумите, ребята, посмотрим, что за птица, — громко сказал Матюшенко.

— Арестовать его надо! Погоны снять! — зашумели опять матросы.

— Не нужно его трогать. На кой он нам чорт, — возражали другие голоса.

— Уходите все отсюда. Не толпитесь наверху, а то он струсит и повернет обратно, — крикнул Матюшенко. Матросы, нехотя, стали расходиться. Тесно сбившись у входа в батарейные палубы, они с любопытством выглядывали оттуда.

«Шестерка» подошла к трапу.

На борт уверенно поднялся пожилой морской офицер, капитан второго ранга.

Мы его сейчас же окружили.

— Могу я видеть г-на командира? — произнес офицер, с недоумением поглядывая на нас.

— Зачем вам нужен командир? — спросил Коваленко.

— Я с ра-п-п-п-по-ртом. Я со ста-цио-о-о-нар-но-го судна «Псезуапе»,—заикаясь, произнес растерявшийся капитан, увидев Коваленко в заграничном кителе, без погон и без шапки.

— А у вас командир сволочь или хороший человек? — перекликивались наши матросы через борт с сидящими в шлюпке.

Капитан побледнел.

— Наш броненосец, капитан, перешел на сторону народа, — заметил Коваленко.

— Разве вы не читали в иностранных газетах? В России ведь произошел политический переворот, — добавил я.

Капитан затрясся в лихорадке.

— Я... господа... не... грам...мотен, т. е. виноват, я не понимаю по-иностранно...му,—бессвязно пролепетал он

Команда разразилась неудержимым хохотом.

— Рапорт ваш нам не нужен, так что прошу вас оставить судно,—произнес тов. Коваленко, выручая капитана из смешного положения.

Он быстро спустился с трапа.

— Счастливый путь. Благополучно дожить до завтра, — шутливо кричали ему вслед наши матросы.

Ночью необходимо было для предосторожности освещать броненосец фонарями. Матюшенко поехал в порт и получил от командира румынского крейсера разрешение.

Опасности никакой не предвиделось. и мы улеглись спокойно спать.

*

20 июня первой нашей заботой было попытаться купить провизии. С 16 числа на судне вышло все мясо, и команда питалась пустыми щами с капустой и картошкой. Второй день мы довольствовались сухарями вместо хлеба.

Матюшенко взял с собою несколько матросов и поехал в порт, надеясь проникнуть в город и закупить хоть немного хлеба и мяса. Команда чрезвычайно страдала от плохого питания, и все возлагали надежды на приобретение необходимой провизии. Около 10 часов Матюшенко вернулся из порта и сообщил, что румынское правительство не разрешило запастись нам здесь никакой провизией.

Он привез телеграмму министра иностранных дел. адресованную нашей команде.

Когда все собрались, Матюшенко громко прочел содержание телеграммы:

«Телеграмма

Майору Негру, Капитану Порта

Бухарест № 102; 8 час. 10 мин. утра.

Постарайтесь убедить русских матросов, что наше правительство будет их считать иностранными дезертирами и, следовательно, оно предоставит им свободу сейчас же, как только они оставят свое судно и высадятся на берег без оружия, и еще с условием, чтобы они сдали корабль неповрежденным. Сейчас, как только они примут это условие, им будет предоставлена свобода выбора отправиться или в Болгарию или же поступить на частные пассажирские суда. После этого предписываю вам занять военным караулом оставленные суда и помочь матросам закупить себе провизию.

Генерал *И. Лаговари*

№ 253 [illegible] (Мин. Иностранн. Дел)».

Матросы понимали, что, сойдя на берег. без своих пушек. они теряют вес и значение.

Они зашумели:

— Пусть нам сначала дадут провизии.

— Это обман. Нас на берег заманить хотят. Это они сговорились с нашим царем. Не желаем выходить на берег. Никто не пойдет к ним!

— Значит, не желаете сдаваться? — крикнул Матюшенко.

— Не желаем!

— В Россию идем! — хором ответила команда.

— В Афонский монастырь поедем, братцы, — крикнул кто-то зычным голосом. — Там у монахов осетрины и вина хватит для нас.

Все рассмеялись и с криками «В Россию! В Россию!» шумно разошлись по броненосцу.

Стали приготовляться к отплытию.

Но куда ехать?

Мнения по этому вопросу разделились. Я предлагал итти на Кавказ, к Поти. У нас было достаточно угля и могли свободно пройти вдоль всего кавказского берега. Там были шансы перехватить какой-нибудь угольщик, идущий из Константинополя. На Кавказе легко могло бы вспыхнуть восстание среди местного населения, широко охваченного революционным движением. Если бы нас разбила эскадра на море, мы на земле продолжали бы борьбу.

Фельдман настаивал ехать в Феодосию, говоря, что там легко достать уголь и снестись с «Крымским союзом». Последний окажет нам поддержку и доставит все необходимые сведения. В Феодосии легко узнать о состоянии остальной эскадры. Последняя мысль особенно прельстила матросов, его мнение взяло перевес. Решили ехать в Феодосию.

— Ничего вы не понимаете, а тоже лезете с советами, — грубо вмешался прапорщик Алексеев. — Никакого угля в Феодосии нет. Нужно ехать или в Керчь или в Евпаторию.

— Уж не для того ли, чтобы вам ближе быть к Севастополю? — иронически спросил я Алексеева.

— Едем в Феодосию!

— Что тут долго разговаривать!—решили матросы.

Товарищи поручили мне, Резниченко и Никишкину передать ответ нашей команды на телеграмму румынского министра иностранных дел.

Необходимо было отправить по почте заготовленные экземпляры воззваний и письмо в редакцию «Искры» (нашего социалдемократического органа. издававшегося за границей) о нашем затруднительном положении.

— Смотрите только, не сообщайте румынским властям, что мы едем обратно в Россию. Назовите лучше какой-нибудь другой иностранный порт, — наставляли нас товарищи, провожая до катера.

— Конечно, конечно, — ответили мы.

Мы направились в город. В одном месте полиция преградила нам дорогу. Навстречу вышло несколько офицеров.

Я им объяснил по-немецки, что мы идем на почту, отправить несколько писем и телеграмм и объяснил их содержание. Они попросили обождать и послали за начальником порта. Последний отказался пропустить нас на почту и предложил отправить все письма через него. Нам никак не удалось убедить его изменить решение.

Пришлось сдать всю почту под расписку, взяв обещание, что она будет отправлена по назначению.

Несколько офицеров настойчиво стали уговаривать нас сдаться, гарантируя полную безопасность и неприкосновенность в Румынии.

Я же добивался, чтобы нам разрешили купить хотя бы частным образом хлеба и мяса.

— Я уже не говорю о человеческих законах, но даже и по международному праву вы не можете отказывать нам в этой элементарной просьбе, — убеждал я.

— Вот сдавайтесь, тогда мы вам дадим хлеба, мяса, одежду и при этом вы будете совершенно свободны, — настаивали офицеры.

— Сдаваться нам рано. Мы еще в силах бороться.

— Как хотите, но мы предлагаем вам самые лучшие условия.

— Если вы так благожелательны, то почему нас на почту не пускаете? Стыдно свободной стране отказывать в куске хлеба борцам за то, чего вы добились у себя, — продолжал я свои доводы.

— Мы сочувствуем вашему положению, но правительство категорически предписало воспретить вам всякую доставку провизии, и мы должны повиноваться, — оправдывались офицеры.

— Придется нам непосредственно апеллировать к румынскому народу, помимо вас и вашего правительства, — резко заметил я.

На это один из офицеров дал понять, что у них имеется большая артиллерия.

— Зачем вы преувеличиваете свои возможности, — улыбнулся я. — Мы хорошо знаем от ваших же матросов, что в Констанце нет ни одной пушки. Апелляцию же к народу вы напрасно понимаете в смысле бомбардировки. Будьте спокойны, мы не разбойники.

Видя, что ничего нельзя добиться, мы стали усаживаться в катер.

— Куда же вы поедете? — заинтересовались офицеры, раскланиваясь с нами.

— В Турцию,—ответил я.—Мы надеемся, что азиатский деспот окажет нам более культурный прием, чем европейская Румыния.

— Прощайте.

— Счастливый путь. Всякого успеха.

Все наши матросы встали в катере и отдали честь.

Офицеры тоже приложили руки к козырьку, и наш катер помчался к броненосцу.

— Браво! Молодцы-матросы, — кричала нам вслед толпившаяся на молу публика и махала при этом шляпами, платками и зонтиками.

*

Около часу дня мы вышли в открытое море.

Чтобы замести за собою след, мы взяли курс на Константинополь, а затем, скрывшись за горизонтом, переменили направление и пошли на Феодосию.

Опять мы, как вольные птицы, несемся по морю.

Снова гармоника, песни и пляска целыми днями, несмотря на черствые сухари и щи с «водой».

Неунывающая русская натура плясала и пела наперекор невзгодам.

Вышел наверх из подземелья и кочегар Никишкин.

В руках у него толстая книга в черном переплете. Он был общим любимцем всей команды и его в шутку звали «чернокнижником» или «проповедником».

Скоро около него собрался значительный кружок слушателей.

Никишкин начал громко и наставительно вычитывать какое-то место, водя по строчкам грязным пальцем.

Прочитав две-три страницы, он пустился в пространное толкование прочитанного. Слушатели удваивали в это время внимание, зная по опыту, что он выкинет какое-нибудь «коленце», заключавшееся в том, что, начав с какой-нибудь христианской морали отца Петрова, Никишкин ловко и незаметно прицепливал сюда «начальство», всякие матросские обиды, непорядки нашей родины, последнюю войну и доходил порой до самого царя.

Беседа заканчивалась обыкновенно какой-нибудь шуткой или остротой, и «проповедник», провожаемый смехом, с победоносным видом исчезал в своей кочегарке с книгой подмышкой.

Маленького роста, с некрасивым, сморщенным лицом, постоянно испачканный маслом, этот матрос пользовался громадным уважением и влиянием на всю команду.

По существу — это русский народный тип вечного искателя «правды». Весь свой досуг от служебных занятий он посвящал чтению книг и газет. Из всякой газеты и прочитанной книги он выписывал места, которые производили на него сильное впечатление, и делился с матросами содержанием прочитанного, пускаясь в подробное толкование наиболее интересных вопросов.

Сочинения отца Петрова, как и евангелие, с которыми он почти никогда не расставался, играли у него еще и другую роль,

Военное начальство строго следило за тем, что читают солдаты, и очень многих, даже классиков, не разрешало к обращению среди войск. Никишкин изощрился вовнутрь «отца Петрова» и «Святого евангелия» переплести запрещенные издания и все время пользовался ими для открытого чтения команде.

— Ты это что читаешь там опять?—крикнет бывало Голиков, увидев Никишкина среди матросов за чтением книги.

— Божественное, ваше высокоблагородие, — не запнувшись, отчеканивает тот, вытянувшись в струнку.

— А ну-ка, покажи, — не доверяет Голиков.

— Слушаюсь, ваше в-бродие! — бежит Никишкин со всех ног и подает евангелие или сочинение отца Петрова.

— Ну, это можно. Читай себе на здоровье,—одобрительно поощряет Голиков, взглянув на верхнюю обложку книги.

— Рад стараться, ваше в-бродие,—молодцевато пристукнув каблуком, произносит Никишкин и марширует на прежнюю трибуну.

Раз как-то он возвращался на судно из города. Благодаря обширному знакомству и связям с рабочими он набрал массу революционных брошюр и прокламаций. Набив ими полную рубашку, он собрался их запрятать по укромным уголкам, как вдруг на палубе его встречает Голиков.

— Никишкин, ты опять грязным ходишь! Сколько раз я тебе замечал, чтобы ты менял костюм, когда выходишь из своей кочегарки.

— Виноват, ваше высокоблагородие, — едва живой от страха, произнес Никишкин. Матроска его так

неестественно оттопырилась, что он считал себя мысленно уже погибшим.

— Смотри, последний раз говорю. В следующий раз переведу прямо на оклад[100]. — пригрозил Голиков и прошел.

— Братцы, я еще живой! Я совсем живой! Совсем живой! — ликующий, кричал он, вбегая в машинное отделение.

— В чем дело? — недоумевали товарищи.

Выгрузив свое «богатство» из-за пазухи, Никишкин со смехом рассказывал, как он чуть не попал «дракону» в пасть. Много хороших воспоминаний оставил по себе этот замечательный человек.

Всегда веселый, он служил источником бодрости даже в самые горькие минуты. Хорошо грамотный и начитанный, он был на судне действительно своего рода «светилом», неутомимо распространяющим вокруг себя революционное сознание.

Яд его всесокрушающей критики и недовольства существующим положением передавался и заражал всю команду.

Товарищи отзывались о нем, как о выдающемся человеке из их среды.

*

Двое суток пути к Феодосии прошли спокойно.

Пользуясь свободным временем, мы собирали команду и выступали с речами.

Команда в своей массе являлась неосведомленной не только в политических вопросах, но и в социально-экономических. Многие впервые услышали от нас

о социалистической борьбе трудящихся масс против современного буржуазно-капиталистического порядка, о всемирной социалдемократической партии с ее целями и стремлениями, о борьбе этой рабочей партии в России за свержение абсолютизма. Мы объясняли при этом непосредственную связь всех интересов трудящихся с широкой политической свободой.

Солдатская жизнь и рабство нашли свою должную оценку в общем разборе всех неурядиц и зол современного общества.

Матросы обнаружили огромную любознательность и сами выступали ораторами.

Особенно много и горячо говорил Кошуба. Он излагал свои мысли в форме художественных иллюстраций и картинок из области вопиющих несправедливостей и обид.

Нередко от вопросов общего характера мы переходили к недочетам и неурядицам нашей собственной внутренней жизни на судне.

Жалобы на игнорирование служебными обязанностями и на ночное прятание некоторых недобросовестных товарищей приносились почти каждый день.

На одном из собраний всей команды было постановлено, чтобы фамилии матросов, уклоняющихся от несения своей служебной очереди, опубликовывались по первому разу во всеуслышание на общих собраниях. Этим апеллировали к стыду и порядочности провинившихся. Если бы это не помогло, то матросы решили «дармоедов» отправлять в наказание на работу часа на четыре в кочегарное отделение.

Фактически не пришлось применять ни того, ни другого рода воздействия, так как после этого постано-

вления не было обнаружено ни одного случая игнорирования своих обязанностей.

На общем собрании всех матросов было решено после Феодосии отправиться на Кавказ и там повести решительное наступление с целью захвата какого-нибудь города как базы для дальнейших действий.

В этих совещаниях и беседах у нас проходили целые дни, и можно было надеяться на полное единодушие и солидарность команды.

Кондукторы и «патроты» попрежнему оставались в стороне и тайком продолжали вести свою линию.

В Феодосию мы единодушно решили притти, разукрасив «Потемкина» революционным знаменем и торжественными флагами на всех реях. Это сильно не нравилось кондукторам, и они втихомолку повели контрагитацию.

Как-то ночью я долго не спал и зашел на штурвальный мостик. На вахте стоял только Костенко.

Вдруг я слышу в командирской рубке:

— Как это можно поднимать праздничные флаги! Я служу двадцать лет и знаю, что флаги можно поднимать только по приказанию адмирала, да и то лишь в царские дни. Тем более нельзя поднимать никаких «красных знамен», раз у нас есть свое, судовое знамя. Я хорошо знаю и когда-то учил в инструкции, что за такую штуку по «международному праву» всех государств нас могут расстрелять иностранные государства. Они объявят нам войну и явятся со своим флотом в Черное море. Главным же образом, если мы допустим повесить на «Потемкине» ихний (т. е. наше знамя) флаг, то тогда от царя не будет уже пощады ни правому, ни виноватому.

Заинтересованный, я вошел в рубку. Там сидел один из кондукторов и несколько матросов.

— О чем это вы рассказываете так оживленно? — спросил я кондуктора.

— Да вот я говорю, что до 8 часов утра нам нельзя будет поднять флаги по морским законам. А в Феодосию мы придем вероятно раньше, — нагло соврал он.

— Я стоял здесь и слышал совсем не то. Стыдно врать! Смотрите, чтобы по «международному закону», о котором вы только-что здесь рассказывали, не очутиться вам в море еще до 8 часов утра, — пригрозил я ему.

Кондуктор не возразил ни слова. Посидев минуты две, он благоразумно исчез.

Контрпропаганда кондукторов однако не имела успеха среди нашей команды, и мы пришли в Феодосию, украсив «Потемкина» революционным знаменем и расцвеченными флагами.

Глава восьмая

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОПЫТКИ ПОД ФЕОДОСИЕЙ

В Феодосию мы пришли 22 июня часов в 8 утра.

Городок этот расположен по скату горы, отлого спускающейся к морю и оканчивающейся извилистой набережной. Узкой полосой от нее, под острым углом, врезается в море каменная гряда волнореза с маяком. Волнорез образует тихую гавань, защищая ее во время осенних бурь от волн.

Внутри порта возвышаются пароходные пристани, товарные склады, конторы и другие здания. Дальше

видны красивые дома, а за ними поднимаются в гору тесные кварталы местной бедноты.

Жизнь здесь обычно била ключом, как и в большинстве торговых портов Черноморского побережья, но теперь в гавани царила тишина. Судов не было видно, за исключением двух-трех безжизненно стоявших кораблей.

Нашего прибытия уже ждали. По молу толпился народ, и на набережной рысью разъезжала конная полиция. Белели солдатские рубашки.

Мы бросили якорь с внешней стороны волнореза и стали поодаль от него.

На всех реях «Потемкина» взвились праздничные флаги, а на кормовой мачте торжественно подняли красное знамя.

Команда принялась спускать трапы, шлюпки и приводить судно в требуемый для стоянки порядок.

Из гавани направился к броненосцу военный катер. На палубе его морской офицер, увешанный во всю грудь орденами, пристально рассматривал в бинокль наше судно. Не доходя, катер вдруг замедлил ход и нерешительно остановился.

— Не бойся, не бойся. Подъезжай ближе! — стали кричать наши матросы, заметив боязливое колебание катера.

Услыша наши требования, катер двинулся тихо вперед.

— Приставайте к трапу! Причаливайте к борту! — приглашали матросы.

— А офицеры у вас есть? — спросили оттуда.

— Есть, есть! Только без побрякушек, как у вас. — смеясь ответили с «Потемкина».

Катер не обнаружил никакого желания подходить к кораблю.

— Да приставайте же к борту. Чего боитесь?—продолжали настаивать столпившиеся на корме матросы.

Офицер с любопытством рассматривал нас и наше знамя, не собираясь подходить к борту. Обогнув корму броненосца, катер дал полный ход и промчался на всех парах обратно в гавань.

Команда разразилась вслед ему дружным смехом, посылая нелестные шутки и остроты.

Мы торопились начать переговоры с городскими властями, добиваясь от них провизии и угля.

Необходимо было вызвать на судно представителей местного самоуправления и уполномоченных от населения города.

Для выполнения этой задачи Кошуба, я и Резниченко отправились в город.

На всякий случай мы вооружились револьверами, а остальные матросы запаслись винтовками.

На набережной толпились рабочие, горожане и полиция.

Мы вскарабкались на мол и решительно направились к толпе. Полиция немного смешалась от нашей уверенности и, попятившись, уступила дорогу.

— Вы кто такой будете? — спросил я полицейского чиновника, отдававшего приказания.

— Я — помощник пристава, — ответил он, любезно расшаркиваясь.

— А тот кто? — указал я на высокую фигуру.

— Это-с — здешний господин исправник.

— Позовите-ка его, пожалуйста, сюда.

Через минуту к нам подошел исправник.

— Вы здешний исправник? — обратился я к нему.

— Да, да. Чем могу служить?—любезно произнес он.

— Мы—депутаты от всей команды революционного броненосца «Князь Потемкин Таврический», — заявил я.—Посланы мы потребовать немедленного прибытия на судно представителей городского управления для очень важных переговоров. Кроме того, мы требуем сейчас же врача, так как у нас на броненосце есть умирающие и больные, и им необходима безотлагательная медицинская помощь. Я должен предупредить вас [101], что в случае промедления в исполнении этих требований или малейшей бестактности со стороны полиции и властей мы не остановимся даже перед разрушением города. Потрудитесь поэтому сейчас же передать то, что я сказал, городской думе, а мы не уйдем с берега до тех пор, пока не явятся сюда ее представители.

Исправник понял нашу настойчивость и серьезность.

— Слушаюсь! Сию минуту распоряжусь,—предупредительно произнес он и торопливо исчез.

Толпа с напряженным вниманием слушала наши переговоры.

К нам протолкался солидный господин и отрекомендовал себя одним из представителей местного самоуправления. Я повторил ему только-что сказанное исправнику, и он исчез, пообещав скоро вернуться с ответом.

Кошуба и Резниченко пытались вступить в беседу с собравшимися рабочими и горожанами. Но я их удерживал, ибо это могло испортить выполнение нашей миссии.

Вскоре к нам подошли городской голова, врач. гражданский инженер и еще два штатских господина [102].

— Мы — представители города. Я — здешний городской голова. Чем можем вам служить, господа? — вежливо обратился к нам один из них.

— Мы не уполномочены вести с вами переговоры,— ответил я. — Наша команда поручила нам только пригласить вас немедленно отправиться на броненосец для выслушания от нее некоторых требований и предложений.

— Мы готовы к вашим услугам, — произнес голова и сейчас же направился в сопровождении остальных лиц на портовый катер. Мы остались на берегу.

— Теперь можно побеседовать и с народом, — сказал я потихоньку товарищам, — наша миссия кончена.

— Товарищи рабочие и граждане, — громко обратился я к толпе. — Мы, матросы-потемкинцы, протягиваем вам братскую руку и готовы вместе с вами, со всем рабочим людом России вступить в открытый бой с самодержавием...

— Расходитесь, господа! Уходите отсюда! Расходитесь, разойдитесь, — и полиция принялась грубо расталкивать толпу.

Произошла толкотня и замешательство.

— Что они одурели, что ли? Надо их остановить!— произнес Резниченко, стоявший рядом со мной.

— Пристав! — крикнул я, расстегивая кобуру висевшего у меня сбоку браунинга, — бестактность с вашей стороны уже начинается. Потрудитесь угомонить ваших разнузданных подчиненных. Вы не забывайте, что теперь наступили другие времена — сила теперь на стороне двенадцатидюймовых орудий. Не заставляйте применять ее сейчас к вам. Извольте немедленно прекратить бесчинства и оставить народ в покое.

— Хорошо, хорошо. Успокойтесь, пожалуйста. Я сейчас распоряжусь... — засуетился пристав. И действительно, полиция притихла и стушевалась.

Мы спокойно продолжали свои революционные речи в разных частях толпы.

В течение получаса мы объяснили цель и задачи нашей политической борьбы с существующим строем. В заключение мы обратились ко всем присутствующим с призывом вместе с нами вступить в освободительную борьбу, начав с захвата в свои руки Феодосии.

— Жизнь кругом нас стала до того невыносимой — говорил я,—столько в ней невинных слез и народного горя, что даже мы, забитые дисциплиной матросы, не можем дольше смотреть на несчастия и муки нашей родины. Нет в нашей жизни ни правды, ни справедливости. Дикое самоуправство чиновных грабителей, обирание крестьян, избиение рабочих, наглая ложь давят всю Россию. Скоро поймут это все и поднимутся следом за нами на защиту народа.

Шум аплодисментов и одобрительных криков не дал мне продолжать дальше.

— Ну, не правду ли я говорю? — обратился я шутливо к полицейскому и положил ему руку на плечо.

— Оно, конечно, верно. Что правда, то правда,— пробормотал он, не зная куда деваться от устремленных на него сотен глаз.

— Если это правда, то скажи теперь перед всем народом: сколько ты людей за свою службу перетаскал за шиворот в участок и за что ты их туда таскал? Смотри, говори только всю правду. Теперь настало время народного суда над всеми вами, и тебе советую чистосердечно покаяться, пока не поздно.

От растерянности полицейский долго не мог произнести ни одного слова.

Чувство страха перед возможностью народного суда у него, очевидно, было так велико, что он вздумал было юркнуть в толпу, но я крепко держал его за плечо.

— Будешь ты теперь притеснять народ и таскать бедняков в кутузку или стегать нагайкой людей, добивающихся правды на земле?—допрашивал я его дальше, делая строгий вид.

— Что вы, что вы? Как это можно! Мы и раньше никого не обижали. Это все наше начальство. Оно приказывает, а мы не при чем... У меня семейство... тоже дети... — бормотал полицейский, и краска стыда залила его лицо.

— Так вот, если ты правду любишь, детей любишь, свою семью... то иди и выпори хорошенько нагайкой свое начальство за то, что оно заставляло тебя делать зло невинным людям, отцам и матерям...

Взрыв оглушительного смеха пронесся по толпе. Полицейский вывернулся у меня из рук и моментально скрылся.

Я принялся открыто раздавать захваченную нами прокламацию «Ко всему цивилизованному миру».

Сзади послышались голоса:

— Шпион перехватил! Шпион взял! Держите его!

Но он успел улизнуть, унося с собою прокламацию.

В тот момент мы чувствовали себя господами положения, и подобное нахальство нас страшно возмутило.

— Пристав! —резко обратился я к полицейскому.

— Что прикажете? — подскочил он, держа руку под козырек.

— Я уже вас один раз предупреждал, но вы, очевидно, решили вызвать кровопролитие! Ваша полиция опять безобразничает. Сейчас на глазах у всех какой-то сыщик перехватил одну из прокламаций, которые я раздавал народу. Какое вы имеете право хватать то, что вам совсем не предназначалось? Если вы не хотите, чтобы мы пустили в ход свои меры, распорядитесь немедленно отыскать прокламацию, а мы не двинемся, пока не получим ее обратно в руки. Поняли?

Пристав опрометью бросился отыскивать похитителя.

На лицах зрителей отражался неподдельный восторг при виде того, как тряслись перед нами эти земные боги.

Времени терять было нельзя, и мы отплыли к своему судну. Толпа посылала нам вслед революционные возгласы и всякие напутствия.

*

На броненосце представители города совещались с нашим «комитетом».

Прежде всего мы предъявили им требование снабдить нас необходимой провизией, пресной водой и углем.

Они выразили полную готовность помочь нам в нашем затруднительном положении. Городской голова убедительно просил только не бомбардировать Феодосию и не причинять никаких несчастий мирным обывателям.

Мы, конечно, гарантировали полную неприкосновенность жителей, если местные власти сами не вынудят нас к насильственным действиям.

Мы выработали список требуемых нами запасов, и представители города пообещали закупить и послать нам сейчас же [103].

После хозяйственной части заседания мы ознакомили их со всеми событиями, начиная с восстания на Тендере, в Одессе. Я произнес речь и изложил нашу политическую программу, указав на всеобщее избирательное право и демократическую республику как на единственное прочное основание будущей народной свободы. Мы будем добиваться ее хотя бы ценою жизни всех нас.

Представители города выслушали нас очень внимательно, и один из них ответил краткой речью.

В цветистых и изысканных выражениях он провел перед нами свою либеральную программу, заявляя о целесообразности создать управление страной по типу двухпалатной системы, как это осуществлено в некоторых государствах Западной Европы.

Вступать с оратором в дебаты, конечно, было бы смешно, и мы, радушно распрощавшись, проводили представителей города на катер.

— Всего хорошего. Всякого благополучия. Спасибо за участие, — кричали наши матросы отъезжающему городскому катеру.

С катера в ответ замахали шапками.

— Только, господа, щадите жителей. Еще раз прошу вас об этом, — громко произнес городской голова.

— Конечно, конечно. Можете быть спокойны, — дружно ответили матросы.

Катер повернул за волнорез и скрылся в гавани.

— Хорошие, братцы мои, люди. Сейчас согласились дать нам все, — весело переговаривались матросы.

— Сегодня щи с мясом будем есть,—торжествующе кричали другие.

Около 12 часов к борту «Потемкина» пристала шаланда, нагруженная всякой провизией и живыми быками. Наши матросы совсем развеселились.

Перспектива мясного обеда, которого мы давно лишились, радовала всех, и команда принялась за энергичную разгрузку привезенных богатств.

На шаланде прибыл один из представителей города, чтобы сдать нам провизию и взять от нас соответствующие расписки. С ним приехал корреспондент французских газет, которому матросы предупредительно показывали все достопримечательности броненосца, позволяя делать некоторые фотографические снимки.

Представитель города извинился, что некоторых припасов, как уголь, вода и сода, им не удалось достать сейчас же. Другие же — папиросная бумага, четыре быка, чай и сахар — были конфискованы военными властям при нагрузке их на шаланду. Остальные с большим трудом им удалось благополучно доставить нам.

Начальник местного гарнизона решил ничего нам не пропускать, бросая вызов к враждебным действиям.

Мы твердо решили добиться возвращения конфискованных быков и доставки нам угля.

*

После обеда в гавань вошел коммерческий пароход с пассажирами на палубе. По словам сигнальщика, он шел из Севастополя. Рассчитывая получить интересующие нас сведения, мы немедленно отправились на при-

бывший корабль. Пассажиры с любопытством устремили взоры на наш катер с вооруженными матросами.

— Откуда идет ваш корабль?—обратился я к публике.

— Из Севастополя! — крикнуло сверху несколько голосов.

— Что там, все спокойно? — спросил я.

— Повидимому, спокойно, но мы простояли там всего несколько часов, — ответил голос из публики.

— А в России что слышно? — задал вопрос один из наших матросов.

— В России? Разве вы газет не читали?

— Нет, давно уже их не видели.

— Ну, так ловите! — и в наш катер посыпались газеты и телеграммы.

— Спасибо! Спасибо! — радостно благодарили матросы, подхватывая на лету свежие вести о родине.

Громко перекликаться было неудобно, и мы решили взойти на корабль.

На набережной, куда направился наш катер, собралась разнообразная толпа. Пристав к спуску, я и Резниченко пошли к пароходу. Вдруг перед нами выступила полурота солдат, торопливо прибежавшая с другого конца мола.

— Не пропускать! — коротко скомандовал офицер.

Солдаты стали плотной стеной, недалеко от подъема на пароход.

Я быстро подошел к одному солдату и, ударив себя рукой по груди, крикнул: «Коли! Или я силой пройду вперед»!

Солдатик растерялся и отступил.

— Коли! — повторил я настойчиво. Ведь я—бунтовщик! Правительство и начальство по-нашему — злодеи.

грабящие нас и проливающие народную кровь. Если по-твоему это не так, коли меня сейчас же, и я не тронусь с места.

Солдатик окончательно оторопел и еще больше попятился, таща за собой винтовку.

— Что же ты не колешь? — возбужденно крикнул я.

— Зачем мне колоть! Мы тоже ведь правду понимаем... — громко проговорил солдат, и по всей цепи послышался ропот одобрения.

— Ну, так если ты правду понимаешь, то коли сейчас же твоего начальника, который посылает тебя, как цепную собаку, убивать людей, борющихся за правое дело!

Солдаты заволновались.

— Цепь кругом! Шагом марш! — скомандовал побледневший офицер.

Солдаты торопливо ушли с мола.

— Браво! Браво, матросы! — зашумела толпа, когда мы двинулись дальше.

Поднявшись на корабль, Резниченко остался на палубе беседовать с пассажирами, а я прошел в каюту капитана. Последний очень любезно принял меня и охотно сообщал все новости. Через четверть часа мы направились к своему катеру.

Здесь тысячи горожан всевозможных званий и положний—рабочие, торговые люди, женщины, несколько студентов, чиновники и даже два офицера — забрасывали наших матросов всевозможными вопросами.

Пользуясь благоприятной минутой, я произнес речь, призывая всех граждан последовать примеру «Потемкина» и вступить в открытый решительный бой с абсолютизмом.

Воцарилась мертвая тишина.

Вдруг в задних рядах произошло замешательство и послышались возгласы:

— Пропустите! Дайте дорогу!

Расталкивая толпу, к нам пробивался хромой порт-артурец, а за ним несколько калек в солдатской форме.

Запыхавшись, передний хромой бросился перед нами на колени. Остальные, обнажив головы, столпились вокруг него, пораженные. Матросы невольно сняли шапки.

— Братцы! Родные братцы! — рыдающим голосом произнес хромой. — Я к вам. У меня «они» взяли все. Я—калека, и мне жить не к чему. Скажите мне, братцы, только одно слово, и я своим костылем пробью головы всем этим мерзавцам. Я их передушу своими руками, скажите только, что нужно, благословите только...

— Идите к нам! Идите, товарищи, с нами! Вместе будем бить наших тиранов, вместе станем умирать! — заговорили матросы, растроганные этим взрывом наболевшего солдатского сердца.

— Возьмите лодку и приезжайте к нам на броненосец. Мы будем ходить за вами и кормить как своих лучших братьев, — продолжали матросы.

— Спасибо, родные, на добром слове! — произнес порт-артурец, поднимаясь на костыли.

— Спасибо, братья матросы! — взволнованно поддержали остальные калеки и, надев шапки, отправились вереницей по молу, чтобы взять шлюпку.

— Мы сейчас приедем к вам,—крикнул один из них.

— Приезжайте! Приезжайте! — хором раздалось с нашего катера.

Впечатление от этой сцены было потрясающее. Ругательства и злобные проклятия по адресу правитель-

ства срывались с уст каждого, и все это слилось в общий гул протеста и революционных возгласов.

Я вскочил на корму и, охваченный общим настроением, крикнул:

— Месть тиранам! Смерть народным врагам! К борьбе, товарищи, с нами, за освобождение всей России!

Тысячная толпа подхватила эти возгласы, и бурный гул раскатился по молу. Сотни шляп, картузов, зонтиков и платков долго мелькали в воздухе.

Мы выехали на середину гавани, махая в ответ фуражками. Полные чувства восторга, мы не обратили внимания на то, что с противоположного мола на нас наводят сотни ружейных стволов. За уступами набережной, в середине гавани, залегло около роты солдат, и возле них суетился офицер. Дула винтовок направились на наш катер и защелкали затворы.

— Бросьте целиться, ребята! Ведь мы—такие же, как вы! — смеялись наши матросы, махая шапками. Они не верили, чтобы открыли огонь свои же солдаты.

И, действительно, последние не сделали ни одного выстрела; высовывая головы из-за барьера, приятельски улыбались нам, пока мы не скрылись за волнорезом.

*

Мы собрали команду и передали ей все, что узнали на берегу. Особенную сенсацию вызвало известие, почерпнутое нами от пассажиров, что два броненосца — «Екатерина» и «Синоп»—тоже взбунтовались и ушли к турецким берегам отыскивать нас.

Слух о том, что севастопольские офицеры вооружили один из контр-миноносцев и разыскивают

«Потемкина», чтобы взорвать его на воздух, вызвал общий смех. Но удручающее впечатление произвели телеграммы. В них было правительственное сообщение о позорной сдаче «Георгия Победоносца», о предании военному суду наших товарищей и о неудачной попытке восстания на учебном судне «Прут».

Обсуждая все эти известия, матросы разошлись группами по броненосцу, а мы отправились в кают-компанию на совещание. Мы получили сообщение о том, что военные власти категорически отказали нам в снабжении провизией и конфисковали все направляемое нам.

Надо было хорошенько обсудить наше дальнейшее поведение.

Товарищи решили, что нам необходимо приступить к насильственным действиям и к бомбардировке, если воспретят доставку необходимого. Особенно критически обстояло дело с углем. Запасы его истощились и пополнить их необходимо было хотя бы с риском для жизни. Предполагали его достать в железнодорожных складах.

На этом совещании горячо настаивал на крутых мерах и революционном образе действий Звенигородский, упрекавший всех остальных в нерешительности и колебании.

В конце заседания подавляющее большинство склонилось на его сторону, и мы постановили отправить письменный ультиматум начальнику гарнизона. При отказе выполнить его решили начать наступление на город [104].

Копию этого заявления мы адресовали в городскую управу для извещения жителей.

Большинство сознавало неизбежность бомбардировки и не находило другого выхода из данного положения. Но в то же время все понимали, что пушечная стрельба по родному городу, где тысячи своих же братьев, а может быть и горячих единомышленников,— тяжелый удел. Мы должны были расстреливать дома друзей и разрушать их жилища...

Враги же наши — продажные слуги ненавистного деспотизма—были как бы неуловимы и невидимы для того, чтобы предать их всех расстрелу 20-пудовыми снарядами [105].

*

Часов в 10 вечера Резниченко и я опять поехали в порт, чтобы передать наше заявление. На случай возможного ареста мы условились с оставшимися на судне, что известим их об этом выстрелами из винтовок.

На берегу было безлюдно, темно. Очевидно, город был объявлен на военном положении, и жизнь в нем замерла.

На набережной нас встретил патруль солдат и полиции. Мы заявили, что желаем видеть городского голову или начальника гарнизона, чтобы передать им от «Потемкина» важные бумаги.

Полицейский сейчас же побежал известить начальство о нашем желании. В ожидании мы уселись на причальные столбы и вступили в разговор с солдатами. Беседа скоро приняла самый задушевный характер, так как некоторые из солдат оказались земляками матросам.

Солдаты уверяли нас, что они никогда не станут стрелять по «потемкинцам», так как сочувствуют и понимают их дело.

Наш разговор был прерван приехавшим членом городской управы.

— В чем дело, господа? — обратился он, соскакивая с пролетки.

Извинившись за беспокойство в такой поздний час, мы объявили ему цель нашего приезда и вручили печатное заявление на имя городского головы.

Прочитав наш ультиматум, он страшно взволновался и стал упрашивать не разрушать города, полагая, что удастся мирно доставить нам все необходимое. В крайнем же случае он просил обождать приезда губернатора, ожидаемого в Феодосию с часу на час.

Он поехал к начальнику гарнизона, чтобы передать ему наше заявление и уговорить разрешить нам погрузку угля.

Исполнив свое поручение, мы направились к катеру, но остановились, увидав бегущего к нам по молу офицера с несколькими солдатами.

— Окружить их! — скомандовал офицер.

Солдаты однако не двигались с места.

— Окружить их! Арестовать! — продолжал горячиться офицер.

Но последние не решались подойти ближе. Резниченко по моему настоянию прыгнул в катер, и матросы взялись за винтовки на всякий случай. Я же отстегнул только кобур своего револьвера и остался на месте.

— Не выпускать их! Окружить! — закричал офицер, выходя из себя от неповиновения солдат.

— Что же вы, братцы? Окружите же наконец! А то офицер ваш со злости лопнет. Посмотрите, какой он уже красный! — указал я пальцем на побагровелое лицо рьяного поручика.

Солдаты, конфузясь, подвинулись немного вперед.

— Идите ближе! Не бойтесь! Заходите кругом! — продолжал я.

Они нерешительно подошли еще ближе.

— Стоять так и не выпускать! — приказал офицер и уселся неподалеку от меня.

Когда солдаты расположились вокруг меня и успокоились, я обратился к ним.

— Теперь вы сами видите, братцы, какие подлецы бывают у нашего правительства. Вот хотя бы ваш офицер. «Окружить! Арестовать!» кричит он. А кого окружить и за что арестовать, он вам даже не объяснил. Вот и стрелять вас заставляют в невинный мирный народ. Скажут вам, как собакам: «усь», «пиль», и вы кидаетесь на людей, хотя это может быть ваши родные и друзья и добиваются для вас же лучшей жизни...

— Отойди дальше! — заревел вспыхнувший офицер и принялся отталкивать от меня солдат.

— Ишь, совесть-то как растерялась у вашего начальника! — иронически заметил я. — Он сам не знает, что ему делать: то окужить велел, то отойти приказывает...

— Они постоянно вертят нами, как деревянной пешкой! — подзадоривали матросы с катера.

— А мы таких мерзавцев давно утопили в море, — громко добавил Никишкин, стоя на корме с заряженной винтовкой и зорко следя за офицером.

— Зарядить ружья! Взять на изготовку!—изменившимся голосом крикнул побледневший офицер. Самообладание его оставило, и он потерялся совершенно, увидя, что ни один солдат не исполнил его приказания.

— Ну, разве я вам не правду говорил, что это кровопийца? За жалованье, награбленное с нашего же брата-

крестьянина, да за «крестик» на шею он готов натравить вас хоть на отца родного. Не слушайте его лучше и присоединяйтесь к нам!

— Кругом! Шагом марш! — дрожащим от бешенства голосом скомандовал офицер.

— Мы ему, братцы, за вас первый заряд влепим, — с хохотом крикнули матросы, когда я прыгнул в катер.

— Да у вас боевых снарядов-то нет!—ехидно заметил офицер нам вдогонку.

— А вот завтра ты увидишь, какой в тебя влетит — холостой или боевой! — смеясь прокричал Никишкин.

Инцидент был исчерпан, и мы скоро скрылись в ночной темноте от поручика, морально разбитого и уничтоженного нами.

На судне вся команда уже спала и царила тишина.

*

Я бродил по судну, подводя итог прожитому дню и обдумывая возможное будущее. Перспектива была не из отрадных. Завтра в случае отказа в наших требованиях предстоит бомбардировка города, а может быть и настоящая схватка с гарнизоном.

Острота положения заключалась в том, что нельзя было хоть приблизительно представить себе, с кем предстоит нам сражаться и что собственно мы будем разрушать. Топография города, как и настроение населения были совершенно неизвестны...

Сколько здесь войск, каков их состав и где они расположены? Есть ли артиллерия и где она установлена? Каков дух солдат и их начальников?

Ничего этого мы не знали.

Неопределенность окружающей стратегической, военной и общественной обстановки, в которой нам предстояло действовать, дурно влияла на наше самочувствие и уверенность.

Большинство матросов твердо надеялось на то, что растерявшиеся власти без боя уступят всем нашим требованиям. Команда была уверена благодаря проявленным к нам симпатиям со стороны солдат, что никто из них не будет стрелять в нас.

Действительность жестоко разочаровала их в этой наивной уверенности.

«Потемкин» позорно бежал, кончив бесславно в Румынии свою блестяще начатую революционную эпопею.

*

Часов в 8 утра (23 июня) меня разбудил Фельдман.

— Вставайте, нужно ехать в порт за углем, — расталкивал он меня.

— Дайте мне пожалуйста отдохнуть! Я страшно устал и лег только в 4 часа! Съездите сами! — проговорил я в полусне и, повернувшись на другой бок, снова заснул.

Но спать пришлось недолго.

Сквозь сон я слышал какой-то шум, топот, беготню и громкие голоса. Кто-то с силой дернул меня за плечо.

— Товарищ Кирилл! Кирилл! Вставайте скорей! Наших стреляют!

Я сел на диван, силясь притти в себя и понять, в чем дело. Коваленко тряс меня за плечо.

— Наших матросов стреляют в порту, и пули летят по всему броненосцу, — проговорил он.

Сон соскочил с меня, как от ушата холодной воды, и я опрометью бросился на бак.

Тут была полная картина панического беспорядка. Кто бежал к пушкам и кричал:

— Бей их, мерзавцев!

— Стреляй по солдатам!

— Нечего жалеть проклятых армяков!

Другие гнались за ними и упрашивали не стрелять.

— Нельзя палить в город! Невинных людей перебьем, а солдат отсюда и не видать даже!

— Подать снаряды к пушкам! — раздавалось в батарейной палубе.

— Не нужно зарядов! Нельзя стрелять! — шумели другие голоса.

— Уходите все с бака! Уходите все сверху! Пули летят сюда!—в паническом ужасе кричала толпа и бросилась внутрь судна.

Ни уверенной команды, ни властного приказания...

— Катер идет! Трапы давайте! Бегите к трапу! — закричало несколько голосов.

Через минуты две подъехал наш катер, а к другой стороне подошел наш миноносец. Лица у матросов были мертвенно бледны. На судне у нас сразу все стихло. Из катера выпрыгнул Матюшенко.

— Носилки! — кратко приказал он. — Циркунов убит, — добавил он глухо.

На носилках при гробовом молчании поднимают к трапу труп Циркунова. Голова его разбита пулей, из черепа сочатся кровь и выбитые мозги.

За ним выносят раненого матроса Козленко, а с миноносца втаскивают Ковалева и Пересадова с окровавленными ногами.

— Арестовал! Наших матросов ведут в порту! — прокричал сверху сигнальщик [106].

Все вздрогнули, и картина сразу переменилась.

— К орудиям, товарищи!

— Выручать надо их!

— Смерть армякам!

— Бей боевую тревогу!

Многие стремглав помчались к своим постам, чтобы открыть огонь по набережной.

Большинство однако бросилось им препятствовать, крича, что нельзя стрелять, что лучше уйти в море и т. д. Чувство страха лишь за себя; боязнь стрельбой вызвать еще более жестокую ответную пальбу из города; инстинкт самосохранения и утрата вследствие паники простого товарищеского чувства охватили эти мало революционные элементы.

Перебранка друг с другом, толкотня и суматоха привели к такому же позорному результату, что и в Одессе, в момент измены «Георгия Победоносца».

Кто-то крикнул: «в Румынию». И этот крик подхватили сотни голосов растерявшейся команды. Напрасно сознательные товарищи горячо убеждали не терять присутствия духа и не позорить себя вторичным бегством.

— Куда вы едете, безумные? — кричали мы.

— Это подлость!

— Это тяжкое преступление перед брошенными на берегу товарищами!

— Остановитесь!

— Не кладите на себя пятна, которое вам после уже не смыть ничем!..

— Едемте лучше на берег и честно умрем с оружием в руках, рядом с убитыми. Они погибли на наших

глазах, и наша совесть будет стонать проклятием всю жизнь, как у жалких трусов и предателей!..

Рядом со мной рыдал машинист Беликов. Он умолял не уходить в море, не отомстив за дорогую кровь своих товарищей.

Толпа однако не хотела нас слушать. И в эту критическую минуту мы опять остались в меньшинстве и были раздавлены стихийной паникой.

Судно снялось с якоря без нашего ведома и двинулось в море.

— На Кавказ поедемте, ребята! Там нас лучше примут, чем здесь. Там могут все, кто ищет честной смерти, высадиться на берег и с оружием уйти в горы на помощь восставшим крестьянам,—попробовал я предложить.

— Угля нет! Угля нехватит!

— Как угля нет? Палубу сожжем, мачты изрубим! — кричал в ответ один фельдфебель.

— Все равно! Едем в Румынию! Все хотят в Румынию. Сдадимся там, надоело уж плавать! — загудели в ответ голоса.

Некоторые матросы стали злобно предлагать мне не мутить команду.

Все это налетело как ураган и смело нас, уничтожив морально...

Не знаю, кто велел сняться с якоря, кто вывел судно в море и кто подсказал всей команде решение опять итти в Румынию...

Когда я очнулся от всей сумятицы, то берегов уже не было видно. Злоба, горечь и досада сразу хлынули на душу.

«Теперь уже погибло все», мелькнуло у меня в голове, и сердце сжалось жгучей, острой болью.

Разбитый, я тихо пошел в кают-компанию, думая найти поддержку среди товарищей. Я не знал, что большая часть самых лучших из них были убиты или арестованы на берегу.

Матюшенко и Резниченко хлопотали неотступно около раненых.

Одинокий, я бессильно опустился на стул...

Много месяцев спустя, встретившись за границей с товарищем Фельдманом, которому посчастливилось бежать из рук палачей, я узнал от него подробности этого трагического происшествия.

23 июня утром на броненосце стало известно, что в порту стоит шаланда с углем. Товарищи решили немедленно взять уголь силой. Вооружившись винтовками, они сели в катер и под прикрытием миноносца отправились в порт. Катер подошел к шаланде, стоявшей в левом углу гавани, и человек десять матросов взобрались на нее. Миноносец выжидал поодаль. Владелец угля заявил, что он охотно дарит его матросам, с условием только, чтобы возвратить ему в целости шаланду. Кошуба, Никишкин и Фельдман принялись вытаскивать якорь. Матюшенко с другой частью матросов был в катере и готовился взять на буксир шаланду, как только поднимут якорь.

В этот момент на молу показались солдаты.

— Солдаты идут! Солдаты!

— Ничего, работай дружней! Все равно стрелять не будут! — уверенно произнес Кошуба и еще энергичнее принялся тянуть якорную цепь.

На мгновение солдаты сомкнулись, и раздался оглушительный залп. За ним другой, третий. В катере кто-то повалился на дно. На шаланде неестественно упал в море Никишкин. От такой неожиданности все растерялись, не подумав даже о сопротивлении. Фельдман, видя, что Никишкин тонет, прыгнул в воду и, схватив его, поплыл к катеру.

Поражаемый пулями, катер дал полный ход. Пули пробивали ему борты и сшибли паровой клапан. Над головой Матюшенко, который выхватил штурвал у раненого Козленко, свистели пули и надвигали ему неоднократно шапку на лоб.

Тщетно гнался Фельдман за катером с безжизненным Никишкиным; в катере все лежали на дне, и никто не мог ему помочь.

На миноносце наверху лежали двое раненых, а остальные были внизу и не видели выбивавшегося из сил Фельдмана. Он выпустил наконец труп и поплыл один.

По тому же направлению плыл Кошуба.

— Давай я помогу тебе!—крикнул он, направляясь к Фельдману.

— Нет, плыви сам и передай последний привет броненосцу, а я вернусь к берегу. У меня нехватает сил... — проговорил, задыхаясь, Фельдман и повернул обратно [107].

Кошубе не удалось доплыть до нас. Солдаты с берега открыли по нем стрельбу.

Раненный в руку, он все-таки продолжал плыть. Солдаты бросились в шлюпку и, догнав, вытащили его из воды.

Остальные матросы при первом залпе бросились в трюм и тем спаслись от расстрела. Всех их конечно

арестовали. Таким образом мы лишились Кошубы, (казненного уже в Севастополе), Никишкина (пуля прошла ему в сердце навылет), Фельдмана, Заволошина, Циркунова и других [108].

Глава девятая

СДАЧА БРОНЕНОСЦА В РУМЫНИИ

Мрачная беззвездная ночь нависла над морем. Черные тучи заволокли горизонт. Волны сердито пробегали вдоль бортов. Огни на «Потемкине» все потушены, все закрыто наглухо. Изредка откроется дверка штурвальной рубки и хлынет полоса света в окружающую тьму.

В кают-компании слабо мерцает электрическая лампа, окутанная глухим абажуром.

Матросы приняли все меры, чтобы пройти незамеченными мимо береговых маяков.

Я сидел на диване в темном углу кают-компании. Было невыносимо тяжело признать, что великое дело, так успешно начатое, кончилось ничтожным и жалким бегством от одного солдатского залпа.

Настроение команды то повышалось, то падало, как морская волна, под влиянием стихийных причин. При таком условии случайность являлась господином положения. Всякое благоприятное обстоятельство вызывало бодрое, решительное настроение; малейшая неудача, ничтожная неожиданность, застававшая команду врасплох, вносила сумятицу, и бодрое настроение в одну секунду сменялось упадком духа и энергии.

За десять дней непрерывной борьбы, моральных усилий и чрезмерного физического труда все чувствовали

переутомление, и даже у лучшей части товарищей опустились руки. Вера в себя, вера в команду после двух пережитых поражений сменилась подавленностью духа и сомнением в целесообразности начатого дела.

Только смутная надежда встретиться в море или у румынских берегов с «Екатериной» и «Синопом» поддерживала еще остаток сил. Надежда эта была мало вероятна, но все же она тлела в душе каждого, не давая совсем погаснуть революционному огню.

Я уже не верил в боевое возрождение команды.

Она открыто и недвусмысленно заявляла: «Довольно плавать. Надоело таскаться по морю. Лучше сдаться, а то всех по одиночке перестреляют», и дружно стремилась в Румынию.

При таком положении возможна была или кровавая борьба революционной части матросов с остальной командой и захват всего судна в свое исключительное владение или же мирная сдача «Потемкина» и выход вместе со всеми на иностранный берег.

Первый исход ввиду сравнительной малочисленности сторонников продолжения борьбы мог быть самым печальным для нашего дела. Несомненно, нас бы перебили, выбросили в море, и наши победители во главе с кондукторами вернулись бы с повинной в Севастополь.

Другой исход сулил из всех зол все-таки самое меньшее.

Только я да еще два-три матроса горячо стояли за то, чтобы итти на Кавказ [109] и там в борьбе сложить с честью свои головы.

Остальные товарищи поддались общему течению и нас не поддержали. Для них была страшна могущая произойти междоусобица среди самих матросов.

Мы остались в меньшинстве, и с этого момента комитет морально распался и утратил всякое влияние на команду. «Оппозиция» взяла теперь верх и стала во главе судна. Мне так тяжело было оставаться на судне, настолько унизительным казалось бегство в Румынию, что я обратился ко всей команде с требованием высадить меня на берег.

Я и еще несколько матросов просили дать нам шлюпку, ружья и патроны. Команда согласилась удовлетворить просьбу, и мы стали собираться.

Море было бурное, и казалось невозможным добраться до берега в маленькой шлюпке. Мы принуждены были отложить свой отъезд, надеясь высадиться ночью где-нибудь у крымских берегов.

Однако нам не пришлось осуществить свое намерение, так как курс был взят открытым морем, и берегов мы не видели за все время пути.

Нервы у всей команды были натянуты, какой-то матрос, без шапки, с бледным лицом и дико сверкающими глазами, стал бросаться по палубе из конца в конец и исступленно кричать, что нужно взорвать броненосец.

Матросы, не понимая, что он в ненормальном состоянии, скрутили ему руки, и потащили под арест. Он потерял сознание; его внесли в кают-компанию и положили на диван. Приведя в чувство и убедившись, что с ним творится что-то неладное, его перенесли в лазарет.

Здесь он снова впал в забытье и вскоре скончался, унеся в могилу тайну своей неожиданной смерти.

Этот случай может быть иллюстрацией того, насколько были измучены все потемкинцы.

Подавленное настроение стало после этого происшествия еще более мрачным, и тяжелая моральная атмосфера нависла над всей жизнью корабля.

24 июня я попрежнему безвыходно продолжал сидеть на диване в кают-компании, поддавшись внутренней душевной борьбе.

Революционное самочувствие товарищей за ночь нисколько не улучшилось, тогда как «миролюбивое» течение, стремление «антибоевое», заметно выросло и укрепилось. Подавляющее большинство команды горело желанием поскорее сдаться, высадиться на берег и обрести хоть какой-нибудь покой.

Это написано было на лицах матросов и слышалось в отдельных отрывочных фразах, которыми они перекидывались.

Отказ дальше продолжать борьбу вовсе не был равносилен торжеству над нами «патриотической группы» — кондукторов и шпионов. Последние попрежнему оставались в незначительном меньшинстве. Их сокровенные желания — вернуться с повинной к адмиралу Чухнину и засвидетельствовать свои рабские чувства «начальству» — встречали резкий отпор почти у всей команды. Матросы искали отдыха и окончания борьбы, но никто не хотел и слышать о раскаянии или повинной перед своими прежними «драконами».

С одной стороны, сознание правоты того дела, за которое велась борьба в течение всех этих дней, с другой—сознание, что жестокое русское правительство едва ли после всего происшедшего даст хоть комунибудь пощаду, способствовали образованию особой партии «мира», ставшей в оборонительную позицию как по отношению к нам—к революционному комитету,

так и по отношению к предательским вожделениям «патриотов».

С нашей стороны они опасались пробуждения революционных стремлений, и за нами установился добровольный надзор чуть ли не всей команды. Одно время громко поговаривали о том, чтобы у «комитета» отобрать оружие. Особенно настаивали на обезоружении меня и Матюшенко. Мы категорически отказались добровольно исполнить это, и команда оставила свое намерение, не желая очевидно больше кровавых сцен.

По отношению же к «патриотам» команда держала себя более строго и решительно.

В эту ночь мы проходили недалеко от Севастополя.

Берегов хотя и не видно было, но в ночной темноте ярко сверкали маяки. Человек 15 матросов бросились на штурвальный мостик и стали ругать Ведермейера за то, что он ведет их в Севастополь, так как маяки не должны быть видны с курса прямо на Румынию. Более горячие из них хотели даже тут же расстрелять предателя.

Костенко сумел их успокоить и уверить, что мы идем правильно, только взяли немного близко к берегу. Он на их глазах повернул броненосец дальше в море.

Всю ночь матросы следили за кондукторами и за штурвальной рубкой.

*

Мне казалось, что мы мучительно медленно подвигались вперед.

За эти двое суток перехода от Феодосии до Констанцы я не участвовал в жизни корабля. Поэтому

я не видел, когда хоронили убитого товарища Циркунова и другого скоропостижно умершего матроса.

Не видели также, как хоронили в морских волнах наше боевое революционное знамя, омытое кровью лучших борцов из наших рядов [110].

К вечеру 25 июня перед нами замелькали наконец огоньки румынского берега. В этот переход, чуть ли не в первый раз за все плавание, мы выдержали небольшую качку. Надо полагать, что море утомилось за одиннадцать суток неподвижно и безмолвно терпеть на своей необъятной груди бесприютного скитальца «Потемкина» и рассердилось за его неугомонность.

Но нашим странствованиям был конец, и стихия как бы подобрела. При полной тишине подошли мы часов в 11 ночи к освещенному бесчисленными огнями порту Констанце.

Матросы хлынули наверх, столпились на баке, на юте и на палубе.

Машины были застопорены, и броненосец едва двигался параллельно к берегу.

На набережной грянул оркестр музыки, и стройные мелодичные звуки полились по морю. Здесь люди беззаботно предавались веселью.

Мы замерли на месте, облокотившись на перила. Долго никто не произносил ни звука. С напряженным вниманием слушали мы ласковые, рыдающие звуки оркестра. Щемящая тоска невольно охватила каждого. Слезы навернулись на глазах у многих матросов...

— Отдай якорь! — неприятно ударила резкая команда, и через секунду якорь бухнулся в воду, с лязгом увлекая за собою толстую цепь.

Иллюзия исчезла, и музыка вдруг оборвалась.

— Эй! На «Потемкин», — пронесся по морю минут через пять голос с волнореза.

— Есть! — протяжно ответили от нас.

— Зачем опять приехали?

— Сейчас расскажем, — крикнули с «Потемкина», и от него отошел катер с матросами и Матюшенко.

Хотя товарищи отъехали с твердым намерением вступить в переговоры о сдаче судна, однако из дипломатических соображений они заявили капитану порта, что прибыли сюда только отыскать «Екатерину» и «Синоп», которые хотят присоединиться к «Потемкину».

Команда нетерпеливо ожидала посланных и горячо обсуждала вопрос, как быть.

Вера в искренность предложения румынского правительства в этот раз была у матросов еще меньше. Но положение было едва ли не безвыходное.

Машинисты заявили всей команде, что вследствие недостатка пресной воды котлы приходилось питать соленой водой, и поэтому большая часть из них стала негодна к употреблению, требуя серьезной чистки.

Известие это положило конец колебаниям, и матросы решили сдаться на каких бы то ни было условиях.

Вернулись с берега и переговорщики.

Они заявили, что «Екатерины» и «Синопа» никто не видал в здешних водах и что «бунт» на них очевидно пустой слух.

Когда утром наши переговорщики снова поехали в порт и получили там предложение сдаться на тех же условиях, что и в первый раз, то вся команда, как один человек, изъявила свое согласие.

Суета поднялась невообразимая. К судну подъезжали шлюпки, катера и пароходы с офицерами, их женами,

детьми и другими горожанами. Матросы стремились на берег и, торопливо захватывая свои пожитки, спешили опередить друг друга. Некоторые впопыхах бросали все свое имущество.

Под влиянием шумных оваций, устраиваемых румынами, матросы опвеселели, имрачные сомнения быстро сменились верой в подлинные гарантии безопасности и искренность румынского гостеприимства.

К полудню «Потемкин» был переполнен местными властями и просто любопытными, ходившими по всем отделениям броненосца. Не осталось ни одного уголка на корабле, куда бы не заглянул любознательный румын. Матросы наши предупредительно водили гостей по судну и показывали им все достопримечательности.

Часть самоотверженных и решительных товарищей лелеяла до последней минуты сокровенную надежду — взорвать броненосец, как только высадится с него вся команда. Они не хотели перенести позор возвращения «Потемкина» из рук народа в руки ненавистного правительства. Теперь же они видели, что их последнее, заветное стремление не может быть осуществлено, не погубив сотни невинных людей, оказавших матросам столь радушный прием. Скрепя сердце, пришлось перенести и этот удар. Высадка была беспорядочна, каждый распоряжался по-своему.

Кондуктор Бурдюков, оставшийся в живых только вследствие всепрощающей доброты матросов, ходил теперь по броненосцу, подняв голову, и, воображая, что власть снова перешла в его руки, отдавал распоряжения направо и налево.

Только здесь, в Констанце, мы встретили наконец одного из товарищей — социалдемократа доктора

Раковского, посланного к нам от заграничной организации «Искры». Ему с большим трудом удалось добраться до нас. Громадные волны бросали как скорлупу его лодчонку, когда он стал приставать к нашему берегу. Он торопился, думая оказать нам всяческие услуги и содействие, чтобы дать нам возможность продолжать борьбу.

Мы познакомили его с безнадежностью нашего положения и с неизбежностью высадки на берег. Тогда он энергично принялся хлопотать о лучшем устройстве матросов и с того момента не оставлял их своей помощью.

На другой день все кондуктора, инженер Калюжный, прапорщик Алексеев и человек сорок матросов отправились в Россию искать «монаршей милости и благоволения». Большинство из них были профессиональные шпионы, составлявшие у нас на судне так называемых «патриотов».

Оставшиеся матросы разъехались по всей Румынии.

Впоследствии, как я слышал, число раскаявшихся увеличилось еще одним-двумя десятками забитых, малосознательных матросов [111].

Вернулся в Россию также и миноносец № 267.

Такой поступок с его стороны нас не удивил. Он служил нам все время поневоле, хотя и нес свою службу добросовестно. Еще в Феодосии к нам на броненосец явился матрос, управлявший миноносцем, и стал слезно упрашивать команду отпустить их в Севастополь.

— Служили мы вам, братцы, верой и правдой. Теперь вы дело свое оставляете и едете в Румынию. Отпустите нас. Мы вам не нужны и поедем в Севастополь, — всхлипывая, упрашивал он.

Команда все-таки отпустить его не пожелала; вплоть до Румынии мы вели миноносец на буксире.

*

Закончив описание «Потемкинской» эпопеи, я считаю необходимым сказать еще несколько слов в заключение.

Когда матросы сложили оружие и вышли на румынский берег, всех занимал жгучий вопрос: почему «Потемкин» сдался и не довел начатого им дела до более славного конца?

Я думаю, что каждый внимательный читатель сам найдет исчерпывающий ответ на это в описанных мною событиях.

А здесь более уместно задать другой вопрос.

Почему «Потемкин», несмотря на все неблагоприятные окружающие условия, несмотря на всякие случайности и на отсутствие какой-либо серьезной поддержки извне, все-таки упорно держался в продолжение одиннадцати суток?

«Потемкин» держал в трепете все реакционные силы, до полицейского надзирателя включительно, в течение одиннадцати дней.

Уже одной своей непокорностью, доведенной до конца, «Потемкин» нанес непоправимый удар наглой уверенности российского абсолютизма в слепой силе солдатских штыков и тем самым пошатнул его основание.

Где же нужно искать причины подобного упорства и непокорности? Я думаю, что они лежат не в роли отдельных героев или отдельных личностей, выдвинутых на поверхность событиями. Нет.

Причины эти нужно искать глубже.

Во-первых, в стихийно назревшей, пока еще бессознательной революционной энергии, которой переполнены самые широкие слои народа, включая сюда и армию. А во-вторых, и главным образом, в том революционном коллективе из среды самих матросов, который явился сознательным выразителем и организатором того, что стихийно назрело уже у большой части команды.

Этот коллектив сосредоточивал в себе ту моральную и организаторскую энергию, без которой невозможно было бы объединить команду, заставляя ее добросовестно исполнять ежедневную службу и работы и поддерживать необходимое одушевление и веру в правоту своего дела.

Но я вовсе не хотел бы умалять значение и заслуги отдельных товарищей.

Каждый из них внес свою лепту в общее дело. Один больше, другой меньше, в зависимости от своих индивидуальных особенностей и природных дарований.

Нет никакой возможности хладнокровно обсуждать это событие, когда по России снова прокатывается волна за волной могучее народное движение освободительной бури. На сцену выступают все новые исторические события и затмевают прошедшие.

Пусть уже будущий историк молодой России беспристрастно разбирает и оценивает их.[112].

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1] Это замечание вполне справедливо, так как рабочее движение в Одессе в первой половине 1905 г. было недостаточно организовано. Наиболее активно выступали мелкие группки ремесленников, рабочие же крупных фабричных предприятий Одессы в некоторой степени были заражены влиянием зубатовщины. Под зубатовцами мы подразумеваем ту часть одесских рабочих, шедших за Шаевичем, который был в тесном общении с департаментом полиции и ее руководителем Зубатовым По мнению зубатовцев, вся работа должна была сводиться исключительно к борьбе за экономическое улучшение положения пролетариата. Никакой речи о политике быть не должно. В январе еще были случаи, когда рабочие передавали полиции агитаторов социалдемократов, пытавшихся организовать забастовку и распространить прокламации. 9-е января, отозвавшееся бурными демонстрациями в ряде городов России, в Одессе не вызвало достаточного ответа. Крупные забастовки начались в марте, когда забастовали железнодорожные мастерские, за ними последовало ряд других забастовок, движение достигло наибольшей силы к 6 мая. В начале июня движение упало, но 13-го опять поднялась новая волна стачек (подробнее о ходе забастовочного движения см. статью тов. В. И. Невского в сборнике „Восстание на броненосце „Потемкине Таврическом". Гиз. М.—П. 1923 г.) Помимо отсталости отдельных слоев одесского пролетариата, одной из причин поражения потемкинцев и всего движения в Одессе было общее состояние партийных организаций к этому времени.

[2] Напомним основные даты русско-японской войны: 24 января (ст. ст.) 1904 г. разрыв дипломатических отношений; в ночь с 26-го на 27-е нападение японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре. 12 — 14 августа (ст. ст.) 1904 г. разгром японцами укреплен-

* В составлении примечаний принимал участие А. Ефимов.

ного лагеря под Ляо-Яном, после чего в России распространилось убеждение о неизбежности проигрыша войны и усилилось оппозиционное и революционное движение. 20 декабря 1904 г. падение Порт-Артура; 11 — 25 февраля 1905 г. тяжелое поражение под Мукденом, 14 – 15 мая 1905 г., непосредственно перед восcстанием в Черноморском флоте — разгром эскадр Рожественского и Небогатова под Цусимой и гибель большего числа моряков.

[3] В 1905 г. в Одессе имелось шесть партийных организаций, которые были связаны с рабочим движением: 1) комитет РСДРП (фракции большинства); 2) группа ЦК РСДРП (фракции меньшинства) (раскол между большевиками и меньшевиками в Одессе оформился 3 января 1905 г.); 3) комитет „Бунда"—социалдемократов работавших и объединявших евреев-рабочих и по преимуществу ремесленников и примыкавших к меньшевикам; 4) комитет партии социалистов - революционеров; 5) группа анархистов - коммунистов; 6) группа „Поалей Цион" — евреев - социалдемократов, которая наряду с классовой борьбой признавала вместе с еврейскими буржуа необходимость разрешения еврейского вопроса в создании еврейского государства в Палестине. Наибольшим влиянием пользовались социалдемократы и бундовцы. Меньшевики имели некоторые связи на Пересыпи и в загородном Хаджибейском районе, где были каменоломни; в городском районе были сильнее бундовцы. Большевики имели связь с 22 заводами рабочего Дальницкого района. Но в общем охват рабочей массы всеми партиями, вместе взятыми, был недостаточно глубок.

Одесский комитет большевиков с 1904 г. входил в Южное объединение (Южное бюро, ЦК), которое связывало екатеринославскую, николаевскую и одесскую организации. Бюро это с осени 1904 г. носило большевистский характер. Одесский комитет сносился непосредственно с женевской группой большевиков, во главе которой как известно, стоял В. И. Ленин. В начале 1905 г. в одесской организации появились примиренческие настроения, однако на 3-й партийный съезд от Одессы были посланы Ленин и Н. А. Скрыпник („Щур").

На руководящей работе в Одессе стояли тт. „Осип" (Левицкий), Книпович, секретарь организации, и еще ряд видных партийных работников.

Большевистская организация в период, предшествовавший восстанию, испытала ряд жестоких разгромов. 11 января во время заседания был захвачен полицией агитаторский центр, 12 февраля был взят весь железнодорожный подрайон Дальницкого района, 12 июня, накануне восстания, в момент обсуждения плана всеобщей забастовки был разгромлен дальницкий районный комитет, самая сильная организация большевиков в Одессе. Для более полного представления об условиях, при которых большевистская организация встретила восстание на „Потемкине", следует отметить, что к июню в одесском комитете получило преобладание „примиренческое" крыло (об этом см. у С. Шрейбера — „Партийная работа в Одессе в 1905 г." „Летопись Революции" № 5, 1925 г.)

[4] Николай Медведев („Федор") — рабочий одесской организации. Он был матросом Черноморского флота и служил на броненосце „Екатерина". Отсюда он бежал после ноябрьского бунта во флотских казармах в Севастополе. (Восстание 3 — 4 ноября в севастопольских флотских экипажах было вызвано распоряжением командира порта не выпускать матросов из казарм без красных билетов. У матросов были белые отпускные билеты, красных же никому не давали. Матросы разбили ворота и послали делегатов к рабочим военного порта, приглашая их присоединиться; вызванный патруль заставили отступить градом камней. После обстрела восставшие сдались и подверглись тяжелым репрессиям — 35 товарищей было сослано на каторгу и в дисциплинарный батальон). После бегства он проживал в Одессе и работал на кирпичном заводе. По своей сознательности и глубоко революционной натуре он был одним из деятельнейших и преданных революционному делу товарищей.

[5] Еще в самом начале движения, 10 июня, перед рабочими выступал член местной группы при ЦК, Илья Львович Левин (м-к). Рабочие просили социалдемократическую организацию вооружить их. Левин предложил вооружаться самим и за свой счет. Замечание „Кирилла" о недостатке оружия, как и последующее изложение, является любопытнейшим в том отношении, что написано автором, бывшим в 1905 году меньшевиком. По сути то, что пишет „Кирилл" о вооружении рабочих, — вопиющий обвинительный акт против меньшевистской тактики в 1905 г. Меньшевики, как известно, еще

на Женевской конференции, происходившей одновременно с большевистским Лондонским съездом, заявили о том, что техническая подготовка восстания и вооружение преждевременны и что нужно вооружить рабочих не винтовками, а сознанием „жгучей потребности самовооружения". В свете новых материалов еще в большей мере вырисовывается не оппортунистическая, а попросту предательская роль меньшевиков. Напр. получение кавказскими меньшевиками у наместника Воронцова-Дашкова большого количества оружия для ликвидации резни и возвращение полностью его. Воронцов аттестовал Николаю II меньшевиков „как мирную социалдемократич. партию".

[6] Хаджибейский комитет находился под исключительным влиянием меньшевиков. Здесь велась энергичная работа автором воспоминаний — „Кириллом".

Фельдман так характеризует тов. Кирилла: „Большого роста, с крупными чертами лица, с окладистой русой бородой, Кирилл имел вид типичного русского мужика-великоросса и всегда импонировал своим видом пришлым рабочим-серякам. „Это уж настоящий-то наш заправский мужик, его послушать, братцы, надо", — говорили всегда при его появлении те самые рабочие, которые не хотели раньше слушать социалдемократических ораторов. И „заправский" мужик могучим голосом начинал свою речь и развивал перед слушателями „заправскую" социалдемократическую программу" (стр. 64). „Кирилл удивительно импонировал матросам своими шутками, и они непрерывно смеялись" (стр. 142 *).

[7] Здесь нужно отметить два момента: во-первых, чрезвычайно положительный — попытки рабочих связаться с крестьянским движением и взять на себя руководство аграрной революцией в деревне, и, с другой стороны — совершенно утопический, напоминающий народничество, план двинуть сагитированных крестьян на каменоломни и в город, чтобы уже с их помощью побудить рабочих активнее действовать.

[8] Оружие рабочие могли достать в арсенале на „Потемкине" или у солдат. Арсенал остался нетронутым, так как потемкинцы боялись

* Как здесь, так и ниже мы ссылаемся на сборник „Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический". Воспоминания, матер. и документы. Редакция В. Невского. Гиз. 1924 г.

отдать оружие. Солдаты по приказу начальства расстреливали рабочих. Социалдемократы не могли снабдить рабочих оружием, так как меньшевики до восстания были принципиально против этого, а большевики в Одессе не смогли развить работу в силу своего разгрома, а следовательно и своевременно руководить вооружением рабочих. Но заграничный комитет во главе с т. Лениным принял все меры к руководству движением.

[9] **Григорий Вакулинчук** (партийная кличка „Владимир")— член Крымского союза Российской социалдемократической рабочей партии. Один из наиболее активных и сознательных революционеров „Потемкина". На корабле он служил как старший унтер-офицер. В глазах начальства он слыл „негодяем". Несколько раз он был наказан за смелые ответы начальству. Перед тем как корабль снялся с якоря, между ним и Гиляровским произошел горячий спор, в пылу которого он угрожающе произнес: „О, все это скоро кончится!" Вакулинчук погиб в самом начале восстания. Фельдман в следующих словах описывает его смерть:

„Пока матросы занимались всеми делами, в карабельном лазарете тихо умирала первая жертва матросского восстания — Вакулинчук жизнью своей заплативший за спасение товарищей. В бессознательном состоянии лежал он, не слыша свободных речей на корабле, о которых мечтал он все долгие годы матросской жизни. Кругом столпились матросы; некоторые из них не выдерживали и плакали; плакали, как дети, эти суровые, закаленные в горе натуры. Только на минуту перед смертью пришел в себя Вакулинчук. — Ну, что на корабле?— был его первый вопрос. — Отомстили за тебя, дорогой товарищ, перебили офицеров и теперь у нас свобода, — ответил стоявший впереди матрос. — Хорошо, хорошо, — едва слышно промолвил Вакулинчук, и лицо его озарилось светлой радостью". (Фельдман). — „...А Гиляровский? — спросил он опять, делая усилие. — ...Гиляровский тоже убит, — ответили ему.—...Ну слава богу... теперь... я могу спокойно умереть. Только, братцы... не бросайте дела. — ...Мы будем действовать, пока хоть один из нас останется в живых, — ответили растроганные матросы. — Пожалуйста... ...Пожалуйста..." („Кирилл" Березовский). „Он хотел еще что-то сказать, но страшная смерть сжала его в своих холодных объятьях, и через минуту он был уже мертв. Так умер этот герой, смертью своей указавший матросам тот пролетарский девиз,

который выставили они в своем обращении к одесситам: „Все за одного, один за всех". (Фельдман).

[10] Автор воспоминаний передает здесь содержание произнесенной им речи.

[11] В истории русского революционного движения впервые было поднято красное знамя во время восстания крестьян в селе Бездна в 1861 г. В рабочем движении впервые — в организованной землевольцами в Петербурге демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 г. Во флоте—на „Потемкине".

[12] Это замечание относится ко времени написания воспоминаний — к 1905 г. В настоящее время „Потемкин" не входит в состав военного флота СССР и был разобран на слом.

„Князь Потемкин" длиною в 113 метров, шириною в 22 метра имел водоизмещение в 12 500 тонн и максимальную скорость в 16 узлов. Вооружение его состояло из 5 минных аппаратов и 48 пушек, из них 4 в 305 мм и 12 в 160 мм.

[13] Длительная достройка корабля способствовала конечно установлению более тесной связи между матросами и рабочими.

[14] Остров Тендер (Тендра — на картах Тентер) с бухтой того же названия находится верстах в 120 к югу от гор. Очакова и в несколько большем расстоянии к востоку от Одессы. Каждый год сюда приходила на 2 месяца для учения черноморская эскадра.

[15] Исправляем неточность: из Петербурга были командированы лейтенант Григорьев, член комиссии морских артиллерийских постов (Григорьев в момент, когда на „Потемкине" началось восстание, бросился в воду и был убит в воде) и начальник артиллерийской чертежной морского технического к-та полковник корпуса морской артиллерии Шульц (Шульц был свезен на берег в Одессе).

[16] Революционная работа среди севастопольских моряков началась с 1903 г. (по сведениям Яхновского, еще раньше, в 1902 году). Целый ряд источников, в том числе письмо из Бухареста 14 матро-

сов, руководителей и участников восстания на „Потемкине“ (в большинстве членов матросского к-та), в газете „Революционная Россия“ № 70 за 1905 г.), говорит о том, что наибольшим влиянием во флоте пользовались социалдемократы и что руководящее ядро „Потемкина“ считало себя социалдемократами. Социалисты-революционеры пробовали в 1903 г. организовать матросские кружки, но эти кружки, просуществовав 3-4 месяца, распались. С конца 1904 г. социалисты-революционеры возобновили работу в Севастополе, но их было немного — 4-5 человек, и влиянием они не пользовались. Первыми социалдемократами во флоте были рабочие, члены социалдемократической партии, призванные на военную службу. В 1903 г. в Севастополе Яхновским и Медведевым был организован центральный комитет матросов в составе Яхновского, Волошина („Дмитрия“) рабочего из Донбасса, бывшего кочегаром на крейсере „Очаков“, Зимина, Титова, Кривоконя, Фуголя и др. К 1905 г. в ячейку вошли Мартыненко (казнен белыми в 1918 г.), Петров (руководитель восстания на „Пруте“) и Матюшенко (с „Потемкина“). В это время в Севастополе (по сведениям участника восстания, матроса Кирилла Орлова) работали Кирилловский, „Вера“, Шмидт (лейтенант запаса) и матросы-социалдемократы Иноземцев Яков, Иван Колесниченко, брат Ал. Петрова — Михаил Петров и др. В 1905 г. матросские кружки уже связались через севастопольский комитет с Крымским союзом РСДРП. В Симферополе была организована нелегальная типография Крымского союза, выпускавшая прокламации о войне 9 января и по другим поводам. Всего в севастопольской организации было 50 — 60 человек. Актив социалдемократической организации в подавляющем большинстве меньшевистский, состоял из 15 — 20 человек. В комитет входили Николай Канторович („Николай“), Инна Смидович („Нина“) и Генриэтта Мешман (Ольга). Два большевика, активно работавших в организации, „Матвей“ и Кабанов, среди матросов работы не вели.

11 Команда „Потемкина“ состояла из нескольких груп совершенно различного характера. Верхушка команды из сверхсрочно служащих матросов („шкур“) в известной части примыкала к кондукторам, шпионила командиру броненосца и т. д., да и еще кое-кто из команды тянул к ним. Далее следовали матросы машинной минной и артиллерийской команд — высококвалифицированные, в большин-

стве рабочие-металлисты. Это—наиболее сознательная и революционная часть команды. Строевая же команда, служившая для неквалифицированных работ, для десантных и абордажных операций, набрана была из деревенских парней, подверглась муштре в экипаже (береговой казарме), была запугана и забита. „Шкур“ было несколько десятков, матросов машинной команды — несколько сотен, остальные—нестроевая команда. Всего на „Потемкине“ было около 800 человек.

„Определенно политически настроенных на судне было человек 200. В своем подавляющем большинстве они принадлежали к минной, машинной или кочегарной команде и до службы были рабочими на фабриках и заводах.

К ним примыкали 300 матросов, у которых существовало смутное недовольство тяжелой службой, несправедливостями начальства и вообще царящими неурядицами в России. Последняя неудачная война и ряд морских поражений пробудиили дух открытого протеста. К тому же у них было сильно развито чувство товарищества. Это были, так сказать, колеблющиеся то вправо, то влево.

Все остальные были как бы в оппозиции. Чаще всего оппозиция эта была скрытая и молчаливая, хотя в критические минуты она конечно, выливалась наружу. В этих рядах находилось большинство новобранцев, поступивших на службу в начале текущего года и состоявших теперь в строевой команде. Неграмотные и просидевшие свою жизнь в темных углах отдаленных деревень, они дико смотрели теперь на все совершающееся вокруг них, не понимая ни смысла, ни содержания разыгрывающейся борьбы. Единственный инстинкт, которым они все время руководились, — это страх за целость своей жизни и страх перед „начальством“. В этой-то среде „кондуктора“ и „патриоты“ и думали создать контрреволюцию, действуя обманом и науськиваниями на остальных“ („Кирилл“ Березовский).

18 З в е н и г о р о д с к и й — матрос-механик. Сын журналиста. Единолично составлял газету и читал ее команде. Один из наиболее влиятельных членов судовой комиссии восставшего „Потемкина“. Член социалдемократического матросского кружка.

19 Машинный квартирмейстер (унтер-офицер) Е в т и х и й Р е з н и ч е н к о — один из руководителей восстания, член судовой комиссии, член социалдемократического кружка.

[20] Было опасение у руководителей, что „Потемкин" выступит против восставших. Поэтому некоторые считали важным, чтобы общее восстание начал именно „Потемкин".

[21] Показания Федора Ковалева, матроса инженера-механика. Автор воспоминаний, живя в Румынии после сдачи „Потемкина", записал ряд свидетельских показаний очевидцев восстания; в большинстве матросов. Записанные показания были скреплены подписями свидетелей. На эти показания он ссылается в дальнейшем изложении.

[22] Овладение крепостной артиллерией было необходимо для успеха восстания.

Восстание 11 кораблей во главе с „Очаковым" в ноябре 1905 г. было подавлено огнем крепостной артиллерии.

[23] Барон Клодт фон-Юренгсбург, лейтенант.

[24] Макаров был ревизором, т. е. заведующим хозяйством и казначеем, на „Потемкине". По всем данным, он обкрадывал матросов в компании с командиром Голиковым. Если при аресте Макарова, вытащенного из воды, он прежде всего занялся сушкой пачки банковских билетов, то про Голикова матросы говорили, что он построил три дома в Севастополе за счет „экономии" на матросском пайке.

Червивое мясо было куплено Макаровым в Одессе, хотя ему указывали, что на Тендере можно дешево достать продукты хорошего качества.

[25] Спардек — навесная палуба, площадка, которая образуется потолком надстройки, имеющейся в средней части корабля. На спардеке расположены рубка и капитанский мостик.

[26] Е. С. Смирнова.

[27] Кондуктора — технические и строевые специалисты флота (нечто вроде пехотных подпрапорщиков), из старослужащих унтерофицеров. В кондуктора назначались наиболее „благонадежные" в политическом отношении и наиболее способные к поддержанию царской

дисциплины среди матросов. Выбившиеся из „нижних чинов", сравнительно хорошо обеспеченные (50 — 70 рублей при готовом содержании), они были крайне реакционно настроены, шпионили за матросами и пользовались их заслуженной ненавистью.

[28] Автор цитирует показания Козленко, матроса с парового катера броненосца.

[29] Плохая пища была уже неоднократно поводом для недовольства во флоте. Выступление матросов лазаревских казарм в декабре 1904 г., недовольство на „Потемкине" в начале 1905 г., когда за счет команды довольствовалось 60 рабочих, монтировавших технические установки на броненосце, и часть матросов ежедневно оставалась без пайков; возмущения на „Екатерине", „Синопе" и др. кораблях были также связаны с плохой пищей и обкрадыванием матросов. Однако плохое питание было конечно лишь одной из причин восстания.

„Матросам Потемкина была известна история на крейсере 1-го ранга „Березине", происшедшая в июле месяце 1903 года, когда он возвращался из Сухума в Севастополь. Причиной было тухлое мясо, пять дней висевшее на солнце и полное червей; судовой врач Золотарев назвал его очень „питательным". Матросы собрались на палубе и, громко крича, стали требовать офицера Коскова, заведывавшего снабжением провианта. Вахтенный офицер старался успокоить матросов, но на все его увещания они отвечали: „Дайте нам хлеба, мы голодны, мы хотим есть!" Иные, разрывая рубаху и обнажая грудь, исступленно кричали; „Прикажите нашим братьям застрелить нас!" В это время мимо них проходило пассажирское судно „Пушкин". Как только матросы заметили его, они начали делать знаки, чтобы он остановился, и кричали: „Пушкин, дайте нам хлеба, мы хотим есть!.." Когда матросы наконец пригрозили „открыть кингстоны" и утопить судно, комендант обещал исполнить все их требования и тотчас послал офицера за новой провизией.

История этого голодного бунта невольно вспомнилась потемкинцам; они громко говорили о ней" (Кирилл).

[30] Прапорщик Левенцов, или Ливенцов, во время восстания выбросился из пушечного порта (отверстия) и утонул или был застрелен в воде.

[31] Ют—кормовая часть верхней палубы, от кормы до бизань-мачты.

[32] Не „нок-мачта", как сказано в рукописи, а мачтовый нок, т. е. одна из поперечных подвижных балок наверху мачты. Самую речь командира Перелыгин (матрос) передает несколько иначе: „Доктор признал этот борщ хорошим, но вы, как я замечаю, уже не в первый раз заявляете подобные претензии, и помню я, что то же самое было 13 ноября. Вы находите, что пища плохая, а я вижу, что это только с вашей стороны придирка, а потому я теперь поступлю иначе, а именно: эту пробу сейчас запечатаю и отправлю к прокурору, а с вами расправлюсь. Кто хочет кушать борщ, выходи к 12-дюймовой башне, а кто не хочет, для тех на корабле имеются ноки, и, указывая на них пальцем, сказал: „там будете" (293).

[24] Апанас (Афанасий Николаевич) Матюшенко — наиболее выдающийся из руководителей восстания. А. Н. Матюшенко — украинец, сын крестьянина Харьковской губ., родился 2 мая 1879 г. Образование получил в церковно-приходской школе, в деревне. Во флоте служил минно-машинным квартирмейстером 1-й статьи на „Потемкине", Перед восстанием был связан с социалдемократической организацией, после восстания в письме из Бухареста в № 70 „Революционной России" за 1905 г. сообщил, что он ни к какой партии не принадлежит, так как не успел еще разобраться в программах и что сочувствует всем тем, кто „хорошо бьет начальство". За два года, протекшие со дня восстания, Матюшенко успел быть и социалистом - революционером и анархистом. Прожив в Румынии с 23 июня 1905 г. по июнь 1906 г., уехал в Америку, где жил по март 1907 г., а затем во Франции. 28 июня вернулся в Россию, а 3-го июля 1907 г. в г. Николаеве был арестован анархист-синдикалист Федоренко, в котором жандармы опознали Матюшенко. Несмотря на состоявшуюся амнистию, Матюшенко был казнен 20 октября 1907 г. в Севастополе. „Герой, но не вождь", так совершенно правильно характеризует Матюшенко тов. В. И. Невский. Матюшенко был способен к высокому героизму в момент революционной вспышки, но он же первый поддавался панике при неудачах.

Фельдман, близко узнавший Матюшенко, пишет:

„Матюшенко не был сознательным социалдемократом, несмотря на то, что всегда называл себя таковым; я даже думаю, что он никогда не был в организации и не знал социалдемократической лите-

ратуры; все знакомство его с ней не простиралось дальше нескольких прокламаций и брошюр.

Но природа наделила его мыслью, решительностью, необычайной смелостью. Он всегда поражал даже начальство своей сообразительностью, быстротой и ловкостью в исполнении всех приказаний; он считался лучшим матросом и был произведен в фельдфебели.

И еще наделила его природа чутьем: он удивительно понимал настроение массы. Но он не был вождем: он был сыном массы, он был только первым из массы. Когда она молчала — он молчал; когда она стала просыпаться — он первый схватился за оружие, первый крикнул: „Долой угнетателей". Храбрый, как лев, когда она была сильна, он терялся и шел во главе отступления, когда масса переставала чувствовать себя сильной; жестокий, когда масса ненавидела, он поражал своей кротостью, когда она прощала; полный кипучей энергии во время подъема настроения массы, он впадал в апатию во время упадка его. И мысль его шла впереди массы, но не выходила из круга предрассудков, окружавших его. Он не мог понять положение и, опираясь на силу его, заставить массу итти за собой; но он наделен был чутьем и угадывал не только господствующее настроение массы, но и то, что назревало в ней, и он действовал согласно с этим".

Об идеологии Матюшенко дает представление его письмо к офицерам, войску и флоту, написанное вскоре после восстания, в котором он, называя офицеров братьями, уговаривал их „скинуть с себя проклятую форму царских лакеев и собраться вокруг красного величественного и свободного флага верных сынов отечества". В этом утопическом воззвании Матюшенко писал, что, когда Россия станет республикой и земля будет в руках всего народа, хорошо будет жить не только тем, кто руками может обрабатывать землю, но и офицерам, так как „молодым и красивым всегда хорошо". Здесь выступает крестьянская идеология Матюшенко, демократическое, а не пролетарское содержание его положительной программы и утопичность его тактики. В качестве лозунга в письме стояло: „Борьбою выиграешь право свое".

[34] Матросы, бывавшие в заграничных плаваниях и видевшие на Востоке изображения отвратительных чудовищ-драконов, окрестили этим именем своих офицеров.

[35] Показания матроса Шестидесятого, члена революционного комитета.

[34] Старший офицер — заместитель командира и его помощник по административной и хозяйственной части. „За кратковременное пребывание на броненосце он обнаружил грубость, властолюбие и крайнее честолюбие. Он арестовал на три дня матроса, донесшего на своего товарища Фурсаева (история с прокламацией) за то, как говорили матросы, что он сделал донос прямо командиру, а не ему, старшему офицеру.

В разговорах с офицерами он однако либеральничал, браня „неспособных", доведших Россию до полного расстройства. Он даже обещал после окончания войны и поражения японцев самому отправиться в Петербург с топором в руках (слова, переданные офицером-механиком Коваленко; крайне неправдоподобно звучит такая фраза в устах Гиляровского, приходится предположить какую-либо ошибку в передаче), чтобы наказать министров. Либерализм его был чисто показным; по отношению к матросам он требовал слепого, беспрекословного повиновения. Поэтому весьма вероятно, что Гиляровский по собственной инициативе задержал 30 оставшихся матросов желая превзойти усердием своего командира. Последний помогал ему в охоте за матросами, когда некоторые из них хотели убежать через люк, ведущий в адмиральскую каюту". (Кирилл).

[37] Показание матроса Денисенко.

[38] Центральная батарея, или батарейная палуба—закрытая толстой броней надстройка на середине броненосца. В ней находятся входы в машинные и минные части и арсенал.

[39] Показания матроса кочегара Рыжова.

[40] Иеромонах Пармений, горький пьяница, прозванный командой „отец халдей". Во время свалки попу Пармену случайно разорвали нос.

[41] Из записок Матюшенко. В своем новом рассказе Матюшенко дополнил свои первые сообщения.

[42] При начале восстания, помимо офицеров, в панике бросились в воду до 30 матросов. Часть из них погибла. (Показания Сергея Головлицкого, матроса, находившегося на миноносце № 267, откуда можно было видеть всю сцену начала восстания, а также показания матроса Волобуева).

[43] Адмирал Макаров погиб на броненосце „Петропавловск" у Порт-Артура. Юнга — ученик, мальчик, готовящийся на корабле в матросы.

[44] Железная пловучая мишень для учебной артиллерийской и минной стрельбы, укрепленная на деревянных бревнах.

[45] Оба инженера в восстании роли не играли; о Коваленко ниже.

[46] Коваленко отбывал воинскую повинность во флоте. Окончил в 1903 г. Харьковский технологический институт. Инженер-механик „Потемкина". Добродушие матросов к Коваленко объясняется тем, что многие знали его передовые взгляды, не раз получая от него либеральные прокламации. Он участвовал в „союзе офицеров-друзей народа" в Севастополе. (В донесениях охранного отделения упоминается о „группе офицеров военной организации политического переворота", распространявшей прокламации в Одессе и Севастополе). Коваленко был основателем союза.

Фельдман, характеризуя Коваленко, говорит, что „это был совсем еще молодой человек с большими, светлыми волосами, с добрыми, мягкими чертами лица. По своим убеждениям скорее либерал, чем революционер, он обладал нежной натурой, неспособной к борьбе. ...В его речи всегда была какая-то неуверенность. Его нежная натура не могла примириться со всеми жестокостями восстания. Он готов был отдать свою жизнь народу, но звать к этому других, не останавливаться перед пролитием крови он не мог. И поэтому он не давал нам того, что мог бы дать" (стр. 75).

После того как Коваленко был выловлен из воды, он безоговорочно присоединился к восставшим и в дальнейшем рьяно помогал восставшему броненосцу.

[47] Алексеев в 1904 г. был призван во флот, отбывал воинскую повинность матросом. В июле 1904 г сдал экзамен на прапор-

щика по морской части. С апреля 1905 г. был назначен на „Потемкин". Во время восстания команда заставила Алексеева быть командиром „Потемкина". Реакционно настроенный матрос Кузьма Перелыгин рассказывает, что Матюшенко и Родин „отправились к прапорщику Алексееву, который одевался в адмиральской кают-компании и ожидал такой же участи, как и с командиром. Вошли к нему с ружьями... и сказали:

„Ваше благородие, мы вас не тронем, потому что вы были для нас хороший ротный командир и потому назначаем вас командиром судна". Алексеев отказывался от этого назначения, говоря: „Лучше убейте меня, но командиром быть не могу". Собравшиеся же возле него бунтовщики сказали ему: „Вас никто не будет убивать, и вы все-таки, хотя и без вашего согласия, будете командиром судна", взяли его на руки и с криками (ура) вынесли наверх. Еле передвигая ноги, прапорщик Алексеев удалился в свою каюту" (Восстание броненосца „Потемкин". 1923 г., стр. 236). Повидимому Перелыгин хотел в своих показаниях оправдать действия офицера и привел данную версию назначения Алексеева.

Совсем иначе описывает Фельдман: „Появился и Алексеев.— Не убивайте меня, я всегда с вами,— обратился он к команде.— ..Матросы назначили себе в командиры ничтожного Алексеева.

...Это было ничтожество... Испугавшись, чтоб его не убили, он стал убеждать матросов о своей всегдашней с ними солидарности; из этого же страха он принял командование кораблем. Но, сделав этот шаг, он стал уж бояться другого возмездия: наказания правительства. И тогда он замыслил измену восстанию; но как ничтожество он не решился действовать открыто и лично. Он действовал исподволь и через других. Когда на собрании обсуждался вопрос, стрелять или не стрелять в город, он не проронил ни одного слова, несмотря на усиленные просьбы матросов высказаться... Боясь командовать судном, он не решился открыто отказаться от этого, но сказался больным. Но в тот момент, когда подходила эскадра, он принял командование в надежде предать нас.

Это не был сознательный провокатор... Для этого он был слишком ничтожной личностью. Но он был провокатор положения, он действовал предательски, чтобы спасти свою маленькую жизнь. И если б история не сыграла с ним такой шутки, сделав его руководителем восстания, он был бы честным человеком. И глядя на его

натуришку, невольно вспоминаются бессмертные слова Золя: „Какие подлецы эти честные люди". (Там же, стр. 56, 57, 58, 59).

48 Этот факт подтвердил матрос Головков — фельдфебель артиллерии. Другими показаниями автору не удалось это подтвердить.

49 Есть сведения, что погибло около 30 человек.

50 Показания инженера Коваленко.

51 Ревизор Макаров, виновник покупки гнилого мяса.

52 Показания Сергея Головлицкого.

53 Никишкин — матрос-революционер, агитатор, пользовавшийся большим влиянием среди команды. Его проповеди имели религиозный характер, его любимым автором был „отец" Григорий Петров, поставивший себе целью реформировать христианскую религию путем „очистки" ее от позднейших наслоений. (Сам „отец" был расстрижен и отлучен от православной церкви. Выдающийся оратор, автор ряда популярных статей религиозно-нравственного содержания. В 1919 г. бежал в белую эмиграцию). Фельдман говорит, что „Никишкин походил скорей на философа, чем на солдата. Но философия любви не одурманивала его: он прекрасно понимал, что есть враги, против которых нужно действовать не словом, а силой" (стр. 91).

54 В конце этото совещания были приняты следующие решения:

1) Постараться завтра же принять полный груз угля (100 000 п.), пресной воды (2 000 тонн), запастись хлебом и вообще всякой провизией на случай возможного плавания или сражения с остальной частью эскадры.

2) Дать знать обо всем случившемся одесской социалдемократической рабочей организации и попросить у нее содействия, немедленного извещения через „севастопольский комитет социалдемократической партии" всех остальных судов Черноморского флота о „начале" восстания, предпринятого „Потемкиным". Сочувствующие суда должны были поспешить на присоединение к нему.

3) Составить подробный протокол события, происшедшего на Тендере, и снять по этому поводу показания с офицеров, находившихся на судне под арестом.

4) Труп товарища Вакулинчука похоронить обязательно в городе, а устройство похорон поручить одесским рабочим.

5) В конце совещания проверили судовую кассу. В ней оказалось 27 000 руб. и пакет с 4 600 руб. личных денег инженер-механика Харькевича. (Деньги эти были отданы Харькевичу, когда его на следующий день свезли на берег).

Протокол этот был составлен самими матросами, и содержание его приведено ниже.

Свидетельские же показания офицеров были впоследствии затеряны, как и многие другие документы.

Тут же составили прокламации к казакам и армии.

Вот их подлинное содержание:

„От команды броненосца „Князь Потемкин Таврический".

Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу; пришел последний час нашего страдания — долой самодержавие!

У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. При сопротивлении город будет разрушен".

Прокламации эти отпечатали на пищущей машине, в нескольких десятках экземпляров и решили завтра утром распространить на берегу.

Составили также письмо к французскому консулу и воззвание к населению Одессы.

Вот текст этого воззвания.

„Почтеннейшая публика г. Одессы. Командой броненосца „Князь Потемкин Таврический" сегодня, 15 июня, было с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику г. Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение за правилами; требовать от полиции, а также и казаков, прекратить свои напрасные набеги, почему это все бесполезно; 3) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца

рабочей партией; 4) команда просит публику города Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований.

В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу орудийная стрельба изо всех орудий. Почему команда предупреждает публику и в случае возникновения стрельбы просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нам ожидается помощь из Севастополя для этой цели — несколько броненосцев, и тогда будет хуже".

[55] Французская „свободная" демократическая республика действительно оказала в 1905 — 6 году ценные услуги... русскому царю, ссудив ему крупные суммы для подавления революции.

[56] Вопрос о помощи восстанию стоял не только в одесских, но и в центральных органах социалдемократов. Когда Ленин, живя в эмиграции — в Женеве, узнал о восстании, то он немедленно командировал от ЦК большевиков тов. Васильева-Южина для связи с восставшими. Васильев-Южин был поражен широтой намеченного Лениным плана развития восстания на „Потемкине". Ленин настаивал на необходимости принять меры для того, чтобы захватить в свои руки остальной флот, и высказывал уверенность, что большинство судов примкнет к восставшему „Потемкину" — стоит только действовать решительно и смело. В случае присоединения эскадры к „Потемкину" тов. Ленин требовал немедленно послать за ним миноносец; он выедет в Румынию и оттуда морем в Россию. „Вы серьезно считаете это (т. е. присоединение эскадры) возможным, Владимир Ильич?" — спросил его тов. Васильев-Южин. — „Разумеется считаю совершенно возможным. Нужно только действовать решительно и быстро", — был ответ.

Вполне солидарный с мнением В. И., что нужно действовать решительно и быстро, тов. Васильев-Южин решил всемерно использовать восстание „Потемкина" и, если бы не удалось овладеть Одессой, направиться с революционным броненосцем к Кавказским берегам, в район Батума, гарнизон которого был хорошо распропагандирован социалдемократами.

В. И. перед отъездом тов. Васильева-Южина еще раз говорил с ним и снова настаивал на том, чтобы там, на юге, постараться заручиться поддержкой крестьян.

Тов. Васильев-Южин благополучно перебрался через Австрию и Россию, но к сожалению приехал в Одессу поздно, когда „Потемкин“, поколебленный изменой „Победоносца“, уже ушел из Одессы, направляясь в Румынию. Тов. Васильеву-Южину, связавшемуся с заграницей тотчас же по приезде в Одессу, оставалось известить В. И. о невозможности выполнить возложенную на него миссию.

Из статьи тов. Ем. Ярославского в „Правде“ мы узнаем, что одновременно с созданием базы революционного движения на Кавказском побережьи должна была по плану, несомненно исходившему также от Ленина, вестись работа в Севастополе среди моряков и солдат крепости с призывом к последним перейти на сторону восставших матросов. Только дальность расстояния помешала В. И. Ленину выполнить через инструктированного им товарища этот широкий решительный замысел (Ан. Герасимов. „Красный броненосец“. Раб. Из-во „Прибой“, Ленинград, 1925 г., стр. 91—92).

[57] Это постановление о выжидательном и оборонительном образе действий имело огромное значение для дальнейшей судьбы восстания.

[58] В каждой роте как во флоте, так и в других частях войск назначались солдаты, заведывавшие пищевыми припасами — они назывались артельщиками.

[59] Фельдман Константин Исидорович, партийная кличка — „Иванов“, окончил весной 1905 г. одесскую гимназию. Входил в социалдемократическую организацию. Был одним из руководителей восстания. Во время десанта в Феодосии был ранен и арестован. Бежал 14 августа 1905 г. при содействии социалдемократов из севастопольской гауптвахты.

Борис — социалдемократ-большевик, был организатором Дальницкого района с февраля 1905 г.

К. Н. Фельдман говорит в первом издании своих воспоминаний о товарище А., бывшем с ним и Кириллом на „Потемкине“, во втором — о тов. Афанасии (тов. Афанасий — социалдемократ Плесков, член одесского комитета). Когда на рейде появился броненосец, то большевики, меньшевики и бундовцы составили коалиционную комиссию, которая уполномочила тов. Афанасия (Кирилл и Фельдман полномочий от организации не имели и прибыли на корабль по собствен-

ной инициативе). Относительно „Афанасия“ мнения расходятся. Большевик Мохов, член одесской организации в письме к К. И. Паламену от 24 июня 1905 г. аттестовал Плескова как „самого неспособного товарища из комитета“, бывшего к тому же примиренцем. К. И. Фельдман, бывший в 1905 г. меньшевиком, очень хвалит Плескова: „Товарищ Афанасий — член одесского комитета (большевиков) имел за собой долгий революционный опыт. Он много работал в военных организациях, был прекрасным организатором, превосходным тактиком“. „Афанасий“ судился в 1906 г. по делу об одесском комитете социалдемократов.

[61] Бак — носовая часть верхней палубы, место отдыха матросов.

[62] На военных судах употребляются особые свистки, называемые „дудкой“. По этому свистку пьют чай, собираются к обеду, вызывают вахтенных и проч.

[63] „Сбор“ — сигнал на барабане, по которому вся команда должна немедленно выходить и строиться на „баке“ или на „шканцах“. Шканцы — часть палубы против кормовой орудийной башни. На шканцах происходят судовые церемонии.

[64] Тов. Кулик и Резниченко начали выкликать фамилии матросов, спрашивая, желают ли их выбирать или нет. Присутствующие хором отвечали „желаем“, и предложенный товарищ считался утвержденным. Если же раздавались голоса „не желающих“, то кандидат проваливался и называли другого. Из команды тоже называли фамилии матросов и их ставили на голосование.

Список судовой комиссии „Потемкина“.

1. Матюшенко (минный машинист)
2. Денисенко (машинист)
3. Кулик
4. Дымченко (фельдфебель строевой команды)
5. Костенко
6. Ведермейер или Видермиллер (старший сигнальщик)
7. Сопрыкин (писарь)
8. Шендеров
9. Савотченко (машинист)
10. Бредихин (матрос из строевой команды)

11. Попруга
12. Логинов
13. Никишкин (кочегар)
14. Резниченко (машинист)
15. Заулошнев
16. Родин (машинист)
17. Шестидесятый (машинист)
18. Иваненко
19. Зайцев
20. Харитонов
21. Егоров
22. Мартыненко (расстрелян белыми в 1918 г.)
23. Заволошин (техник)
24. Самойленко (рулевой)
25. Шевченко
26. Черницын
27. Алексеев (прапорщик)
28. Коваленко (инженер-механик)
29. Карпенко
30. Журавлев
31. Филипп Мурзак (боцман, расстрелян белыми в 1918 г.).
32. Кирилл Орлов
33. „Кирилл" Березовский, с.-д. м.-к.)
34. Константин Фельдман (Иванов, с.-д. м-к.)
35. Афанасий (Плесков, с.-д. большевик).

16 и 17 июня в комиссию входил Голенко (доктор, предатель), с вечера 18-го Кошуба с „Георгия" (арестован в Феодосии и расстрелян), см. „Потемкинские дни на Черном море", стр. 104.

Заседания комиссии были открытыми, и на них присутствовало обычно до сотни матросов. Председательствовал обычно инженер-механик Коваленко, реже Денисенко или Кулик.

В выбранной комиссии далеко не все матросы обладали политической зрелостью, так как в основание ее выборов была положена идея технического, а не революционного руководства.

В ней наряду с революционными товарищами принимали участие и просто специалисты в различных областях, хорошо знающие свое дело.

[65] „Дудка просвистела собраться комиссии" и пр. Это значит следующее: у каждого вахтенного начальника имеется особый свисток. Когда нужно передать какое-нибудь приказание, то он сначала протяжно свистит, а затем громко кричит самое приказание — „собраться комиссии", „грузить уголь" и т. п.

[66] Вопрос о десанте с самого начала поднял представитель партии большевиков. Фельдман пишет: „Комиссию не трудно было

склонить на нашу сторону, но с командой сладить было не так легко, мы получили уже предостережение. Товарищ большевик (девица), приехавший сегодня на броненосец, произнес талантливую речь, в которой убеждал матросов сойти на берег. Я не присутствовал при речи товарища и не видел ни аудитории его, ни впечатления, произведенного им, но один из матросов подошел ко мне и сказал:

— Барышня хорошо говорит, хорошо, да только то, что предлагает она, нам несподручно, нам на берег сойти нельзя" (стр. 68).

Но в данном случае агитаторы с самого начала не учли обстоятельства контр-агитации, ведшейся среди команды. С самого начала было упущено звено, за которое следовало ухватиться.

[67] „Я подошел к одному из товарищей матросов, заседавших перед этим в комиссии, и стал расспрашивать его, чем объясняется такая перемена в команде, настроенной раньше так восторженно и встречавшей с энтузиазмом каждую шлюпку с рабочими.

На это он мне вполне откровенно объяснил, что на судне у них есть так называемые „патриоты", или, попросту, шпионы, подкупленные еще раньше Голиковым из среды самих же матросов, чтобы следить за командой и доносить ему о тайной социалдемократической пропаганде, ведшейся уже давно на „Потемкине". Таких патриотов, по словам товарища, было на броненосце человек 30, и вот они-то теперь и настраивали все темные и покорные элементы против „вольных" вообще и против революционеров в особенности.

Они усердно распространяли слух среди всей легкомысленной и трусливой части команды (а таких было около 300 человек), что нужно ждать теперь какую-то телеграмму. Царь-де, мол, вас обязательно помилует, если вы будете вести себя дальше тихо и не будете бунтовать народ в городе. „Шпионам" конечно помогали в этой разлагающей деморализации и некоторые из кондукторов.

Вледствие этого характер общего настроения всей команды был далеко не единодушным, хотя большинство и проявляло себя в высшей степени революционно и уверенно шло за своими вожаками.

При таких условиях нам пока нельзя принимать никаких решительных действий. Если мы высадим десант из ненадежных, то он разбежится на берегу и испортит все дело. Если же мы все сами пойдем на берег, то оставшаяся дрянь может увести „Потемкина" в Севастополь, вместо того чтобы поддержать нас своими пушками.

Поэтому остается одно — ждать прихода всей эскадры. Я уверен, что многие суда обязательно присоединятся к нам, и тогда дух команды станет всеобщим, и мы завоюем все Черное море" (Кирилл).

68 По боевому расписанию, которое составляется на всяком судне, каждому моряку указывается его место на случай сражения — у каждой пушки, минного аппарата, электрических звонков, всяких приборов. По сигналу или „тревоге" все должны быть моментально на своих местах.

69 Есть сведение о том, что матросы, находившиеся под влиянием социалдемократов, отказывая эс-эрам в допуске на корабль, заявили еще, что считают эс-эров чуждой им партией.

70 „Зоря" — особый сигнал перед вечерней молитвой.

71 Как выяснилось потом, подпоручик корпуса инженер-механик Петр Калюжный отказался съехать на берег, так как считал, что революционеры чрезвычайно сильны в городе и скоро возьмут власть. Весь поход он пролежал на койке у себя в каюте, имел крайне растерянный и тупой вид. Вернулся с группой патриотов на „Потемкине" в Россию, был судим и получил легкое наказание.

72 Позднейшее поведение Алексеева заставляет предположить, что здесь несомненно имел место сознательный саботаж. Фельдман приводит другой вариант, почему не стреляли в порт в первый день массового убийства рабочих: „Когда, затаив дыхание, мы прислушивались к новым и новым залпам, и после каждого крик отчаяния вырывался из наших грудей, он (Алексеев) вдруг подошел к нам и сказал: „Да что вы глупости говорите; разве так стреляют? Это просто крыши от огня лопаются". Заявление Алексеева, сказанное авторитетным тоном, несколько успокоило нас" (стр. 77).

73 По данным портовой администрации, в порту в ночь на 16 июня пострадало всего около 1 200 человек, из них убито и ранено 200. Фактически пострадало гораздо больше. Кроме того были произведены массовые аресты рабочих; арестованные подверглись жестокому избиению в полицейских участках.

[74] Тов. Александр — повидимому, социалдемократ большевик Плесков. О тов. Александре см. дальше.

[75] Заградительные сети опускаются в воду на некотором расстоянии от бортов для ограждения от мин.

[76] Фельдман рисует Дымченко как наиболее преданного революции матроса.

„Своими загорелыми, неправильными, но удивительно мягкими чертами лица, наивными детскими глазами, он сразу располагал к себе человека. Полный веры в людей и наивной смелости, он походил на взрослого ребенка. Он готов был броситься в огонь и воду за этого (партийного) хорошего человека, готов был каждую минуту отдать свою жизнь для общего дела. Но этот мужественный человек лишен был инициативы и в решительные минуты терялся; терялся и из-за сознания той громадной ответственности, которая лежала на нем; терялся потому, что от его действий зависела жизнь массы. И он не способен был тогда на резкие решительные действия. Он не мог быть вождем, а жизнь навязала ему эту роль" (стр. 64).

[77] Есть показания о том, что Матюшенко переслал все же 1 000 р. жене Алексеева по собственной инициативе. Нам кажется это сведение крайне сомнительным, так как по другой, гораздо более правдоподобной версии, Матюшенко переслал 1 000 р. вдове командира Голикова. Хотя по показаниям матроса Перелыгина однажды „Алексеев вошел в средину команды и со слезами просил отпустить его на берег, говоря: „Я больше не могу управлять броненосцем, я болен, у меня украли собственные деньги более 2 000 рублей, я не могу оставаться с такою командой" (стр. 248).

[78] Инженер-механик А. Коваленко в своих воспоминаниях „11 дней на броненосце „Князь Потемкин Таврический" говорит о том, что Кирилл „ошибочно приписывает инициативу похода в Румынию Алексееву, Голенку и мне вместе с ними. Он также совершенно неточно передает там мой разговор с ним по поводу этого похода. Я думаю, что такая ошибка явилась результатом того обстоятельства, что товарищ „Кирилл" уже по прошествии значительного времени после событий хотел объяснить то, что было для него самого не

совсем ясно или совсем неизвестно по той причине, что это произошли еще до его прихода на „Потемкин".

„Александр Михайлович, — обратился он (Алексеев) ко мне несвойственным ему заискивающим тоном, — а что если бы теперь отправиться куда-либо в иностранный порт, например в румынский Кюстендже, о котором говорил Ястребцов. Я думаю, что команда согласилась бы, если бы вы ее убедили. А то с часу на час может притти эскадра, и тогда мы все тут пропадем вместе с броненосцем".

Я терпеливо слушал эту тираду. Мое внимание вероятно ободрило его, и он совсем уже нежно добавил:

„Ведь подумайте только, что ждет нас, если эскадра овладеет „Потемкиным" и если она просто пустит его ко дну. Надо сказать, что, когда только что после катастрофы в Тендеровском заливе „Потемкин" снялся с якоря, офицеры, которые находились под караулом, были уверены, что цель этого похода — какой-нибудь иностранный порт, куда команда хочет спастись.

Это предположение не было оставлено даже в первое время после прихода броненосца в Одессу. Думали, что здесь команда хочет только пополнить необходимые для этого похода запасы. Офицеры стали перебирать в памяти знакомые им иностранные черноморские порты, и тут-то прапорщик Ястребцов, который был хорошо знаком с побережьем Черного моря, напомнил, между прочим, румынский порт Кюстендже (Констанца), который он даже показал на карте. Алексеев, который большей частью оставался в кают-компании, конечно, что называется, намотал себе на ус этот разговор и вероятно уже с того момента начал пропагандировать в приверженных ему сферах поход в Румынию. Меня поэтому не удивило его обращение. Команда теперь надеется на присоединение к „Потемкину" по крайней мере нескольких судов эскадры и во всяком случае решила встретиться с эскадрой во что бы то ни стало, чтобы таким образом вопрос об ее отношении к „Потемкину" разрешился так или иначе. И поэтому я считал бы для себя преступлением предлагать команде спасаться в Румынию теперь, когда перед „Потемкиным" раскрываются такие широкие перспективы. На поход в Румынию можно смотреть как на крайнее средство, — например в случае какого-нибудь поражения „Потемкина"... Алексеев не возражал... Между тем раздались звуки барабана, бивших сбор, и я отправился на бак, где мало-по-малу собиралась команда. Там я встретил

Кирилла, который был видимо чем-то озабочен. — Ну, что? — обратился я к нему с неопределенным вопросом, в надежде узнать причину его озабоченности. — Не совсем ладно, — ответил он, — между командой замечается разлад.—Я еще утром заметил, что среди команды нет такого единодушия, какое представлялось мне вчера вечером, однако слова Кирилла обеспокоили и меня; тем более, что я еще не успел ориентироваться в своем новом положении и разобраться во всех мелочах и деталях новой организации жизни в этой только-что народившейся республике. — Откуда-то взялась идея итти в Румынию, и я боюсь, что она смутит часть команды, — продолжал Кирилл.

— Если только это, то мне кажется, что еще нет оснований беспокоиться, — сказал я, — ведь эта идея возникла вовсе не среди команды. Разговор о возможности похода в какой-нибудь иностранный порт был только между офицерами, когда они сидели под караулом и когда им не было еще ничего известно о намерениях комиссии. Правда, — продолжал я, — Алексеев, который вероятно заметил себе на всякий случай кое-что из этих разговоров, заговаривал со мной и сегодня о походе в Румынию, но я ему на это сказал, что комиссия, насколько я успел себе уяснить, имеет совсем другие намерения и совсем иначе настроена. Я не думаю, чтобы он после этого решился пропагандировать эту идею.

Однако же разговоры об этом слышны уже и среди кондукторов, — заметил Кирилл. — Но мне кажется, — возразил я, стараясь успокоить его и себя, — что теперь этот план не может иметь успеха среди команды, хотя бы Алексеев и добивался этого. Разве уж „Потемкина" постигнет какая-нибудь особенная неудача или поражение".

(„Былое". 1907 г., февраль, стр. 126, 127, 128, 129)

79 Вопреки сообщению „Кирилла", поп Пармен свою миссию выполнил: он был у командующего войсками и получил пропуск. Об этом подробно пишет Фельдман, который был в делегации. „Кирилл" же на берег в это время не съезжал и передает рассказ с чужих слов. Возможно, что поп сбежал с похорон. Отсюда версия о 6 рублях.

80 Из записок Матюшенко.

81 Первые три выстрела были сделаны холостые для предупреждения о начинающейся бомбардировке. После этого были пущены два боевых снаряда.

[82] Сигнальщик Ведермейер за отсутствием артиллерийского офицера корректировал стрельбу. Перелыгин показывает: „Грянул выстрел и полетел с шумом и свистом через город (сигнальщики тоже имели заговор). Сигнальщик передает: довольно стрелять, виден белый флаг. Бунтовщики не доверяли и стали рассматривать, где этот флаг, но его не было. Приказано заряжать бронебойный снаряд, который также был пущен через город" (стр. 242) Ведермейер скрыл также сигнал с берега, который передавали солдаты: „Продолжайте бомбардировку. Утром присоединимся к вам".

[83] В число требований не вошло освобождение трех наших матросов, арестованных после похорон Вакулинчука, так как на „Потемкине" об этом факте достоверно узнали только на следующий день. Да и товарищи, ходившие на похороны, вернулись на судно после отправки депутатов к командующему войсками.

[84] Вот точное описание, данное Фельдманом.

„Товарищ, несший парламентерский флаг, опустил его согласно обычаю к ногам генерала, после чего тот спросил о цели нашего прихода. Я ответил ему:

— Мы дали сегодня два выстрела как демонстрацию того, что во всякую минуту мы можем приступить к решительным действиям; но мы не желаем напрасного кровопролития. Поэтому мы предлагаем командующему войсками явиться к нам на корабль или послать уполномоченного для выслушания наших требований. — А если мы не исполним этого требования? — Мы тогда оставляем за собой свободу действий. — Хорошо, я передам командующему ваше требование.

— Еще одно предупреждение, — остановил я его, когда он уже поднялся, — если мы к 10 часам вечера не вернемся на корабль, по городу откроют огонь из всех орудий. — Генерал и офицеры вздрогнули. — Я все передам командующему, — сказал генерал и удалился. Мы стали ждать" (стр. 95).

[5] Настроение матросов на „Екатерине" было таково, что начальство сочло за лучшее снять замки у орудий и отобрать ружья у всей команды. „Синоп" выступил в поход лишь после того, как посланные на корабль пехотные войска произвели усмирение команды.

[86] Первая эскадра шла под командой Вишневецкого. Вторая — под командой старшего флагмана Кригера. В состав второй эскадры входили еще миноносцы „Строгий“ и „Свирепый“.

[87] Адмирал Вишневецкий, получив приказание выйти в море и уничтожить „Потемкина“, предпочел пойти на остров Тендер и там заночевать. Утром он подошел к Одессе с незаряженными орудиями и обратился в бегство при виде сигналов „Потемкина“. Вишневецкий не без основания считал, что в случае боя матросы перейдут на сторону „Потемкина“. Главной своей задачей он считал „не открывать огня“ и старался уговорить потемкинцев сигналами вроде: „Повинную голову меч не сечет“ и т. п.

[88] Мы знаем, что третий „вольный“ на корабле был большевик Афанасий Плесков и что больше „вольных“ на корабле не было. Имеется большое основание предполагать, что „Борис“, Афанасий (Плесков) и „Александр“ — это одно и то же лицо.

В „откровенном“ показании очевидца — матроса Кузьмы Перелыгина, бывшего с 1903 г. в социалдемократической партии (стр 252),— говорится, что 17 июня были свезены на берег два человека для закупки угля для прожекторов и кислоты для прицелов у орудий и что эти люди не вернулись на броненосец. „Один из них был матрос Шендеров,—добавляет Перелыгин,—а другой—революционер, студент „Борис“. Есть еще сведение о том, что именно Плесков съехал на берег для закупки углей для прожекторов. Таким образом приходится отбросить версию „Кирилла“ о том, что „Борис“ был послан с каким-то важным поручением в другой город и потому покинул восставший корабль. Если же это так, то мы признаем, что утверждение мемуаристов, в котором они сходятся все, что на корабле осталось трое "вольных", справедливо. Что касается множества псевдонимов Плескова — „тов. А.“, „Афанасий“, „Борис“ — то это может быть объяснено условиями конспирации — вспомним, что „Борис“ был опытным партийным работником и что он остался в России после ухода „Потемкина“. Никто из писавших в период 1-й революции не называл Плескова по имени, даже „раскаявшийся“ матрос Перелыгин называет его в своем показании „Борисом“.

[89] „Семафорить“ — переговариваться посредством поднятия рук в различных сочетаниях, соответственно условной азбуке. При

переговорах на большие расстояния в каждую руку берется по цветному флажку; ночью сигналы передаются двумя цветными фонарями.

[90] Флагман — старший начальник, под командой которого идет эскадра. Флагманом называют иногда и корабль, на котором находится старший начальник.

[91] По словам одного очевидца, в это же время на броненосце „Двенадцать Апостолов" матросы побросали в море некоторые части пушек и минных аппаратов, чтобы сделать невозможным бой с „Потемкиным".

[92] Текст предупреждения:

Г-ну Командующему войсками
Одесского военного округа

Заявление

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический", броненосца „Георгий Победоносец", миноносца № 267 и госпитального судна „Веха" в виду возможности нападения на нее остальной части Черноморской эскадры считает своим долгом заявить, что она твердо решила вступить в этот бой за великое дело освобождения всего угнетенного народа России.

Поэтому во избежание могущих произойти несчастных жертв и повреждений как с жителями порта и города, так и с различными судами наша эскадра ставит Вам в обязанность немедленно принять все надлежащие меры для самого широкого оповещения жителей об угрожающей опасности горожанам и частным судам.

Командир флагманского судна эскадренного
броненосца „Князь Потемкин Таврический",

(Подписи не было)

Приложена судовая печать,

Дня 17 июня 1905 г.

[93] На наружной носовой части „Георгия Победоносца" был навален какой-то лес и плахи. Это-то возвышение и служило все время импровизированной трибуной.

[94] Требования эти писал я, а поэтому мне не трудно привести их по памяти:

Командующему войсками
Одесского военного округа

Заявление

Третьего дня (16 июня) после похорон матроса Вакулинчука не возвратились с берега трое наших товарищей (фамилии их); кроме того в тот же день не вернулись с берега еще трое матросов, посланных нами в город за покупкой мяса (фамилии). По имеющимся у нас сведениям, все эти матросы арестованы полицией и заключены под стражу. Ввиду этого мы требуем немедленного их освобождения и беспрепятственного возвращения на судно.

Далее мы требуем:

1. Доставки для всей команды необходимой провизии угля, воды и прочих запасов.

2. Освобождения из тюрем всех политических, как борцов за народное дело, за которое готовы сражаться и мы.

3. Немедленного очищения города от войск, передачи его во власть населения и свободного вооружения всего города.

4. Мы же после этого будем добиваться установления Народного Правления как в городе, так и по всей России.

В заключение мы заявляем, что если хоть одно из наших требований не будет удовлетворено в течение 24 часов, то мы приступаем к бомбардировке города и захвату его силой. И тогда мы снимаем с себя всякую ответственность за невинные жертвы,—они падут на вашу зачерствелую совесть.

Заявление это было подписано так:

Команда революционной эскадры, состоящей из броненосцев — „Князь Потемкин Таврический", „Георгий Победоносец", миноносца № 267 и госпитального судна „Веха".

Оно было напечатано на пишущей машине, и к нему была приложена печать „Потемкина" (Кирилл).

[95] Как раз в то время, когда „Потемкин" без достаточных внешних поводов бежал из Одессы, в Одессе среди рабочих подготовлялась массовая демонстрация на поддержку „Потемкина", а в Севастополе социалдемократическая организация вела усиленную работу по организации общего вооруженного восстания моряков. Восстание было назначено на 19-е, но „власти" проведали, и ночью руководители предполагавшегося восстания были разбужены и потихоньку, чтобы не проснулась команда, были вызваны в канцелярию, где их арестовали.

Наутро матросы экипажей были выстроены во дворе, якобы для встречи адмирала Чухнина. Простояли они несколько часов в ожидании, но никто не приехал, а когда они вернулись в казармы, то оказалось, что все ружья куда-то исчезли. Когда команда была обезоружена, начались массовые аресты (по некоторыму сведениям, было арестовано до двух тысяч).

[96] Кошуба Дорофей Петрович — машинист первой степени 28-го флотского экипажа (26 лет от роду), был из крестьян Харьковской губернии. На службу матросом поступил в 1901 году. Он был один из руководителей восстания на „Георгии Победоносце". После измены последнего перешел на „Потемкин".

Фельдман пишет, что Кошуба был „маленький, тщедушный с некрасивыми и неправильными чертами лица. Ни фигура ни лицо его не говорят ничего о скрытой в нем духовной мощи. Только живые, маленькие глаза свидетельствуют о непрерывно работающей мысли. До „Потемкина" Кошуба не участвовал в политической жизни, свою громадную мощь и силу этот титан-человек тратил на мелочи. Храбрость льва, свирепость и кровожадность тигра по отношению к тиранам соединялись в нем с удивительною кротостью и любовью ко всем угнетаемым". (Стр. 122). На „Потемкине" Кошуба развил энергичную деятельность, был арестован во время десанта в Феодосии, предан военному суду и расстрелян в Севастополе. Из оставшейся команды „Георгия" 75 матросов были также преданы суду, 55 осуждены на разные сроки и кроме того еще двое — Степанюк и Дейнега — расстреляны по особому приговору вместе с Кошубой.

[97] Здесь необходимо отметить один из чрезвычайно важных и в высшей степени трагичных моментов июньского восстания в Черноморском флоте. 19 июня утром, получив сведения о восстании на „Потемкине", в Николаеве восстала команда большого транспорта „Прут" во главе с матросами социалдемократами Александром Петровым, Титовым, Черных и Адаменко (все четверо затем были расстреляны) и др. Сначала матросы надеялись, что их освободит „Потемкин", потом не выдержали пассивного ожидания и восстали. На „Пруте" был убит боцман и вахтенный офицер, который стал давать тревожные гудки, офицеры были арестованы. В Одессу „Прут" пришел в 6 ч. вечера 19-го, в то время когда „Потемкина" там уже не было. Тогда „Прут" решил сам выполнить миссию „Потемкина" и под красным флагом пошел в Севастополь, чтобы там поднять восстание. В пути он был задержан двумя миноносцами и приведен под конвоем в Севастопольский порт. Здесь на борт явилось начальство с ротой солдат, и было арестовано 44 человека из команды. Кроме четырех расстрелянных, еще 38 матросов-революционеров было послано на каторжные работы и в дисциплинарные батальоны.

Дадим краткие сведения о, пожалуй, самой выдающейся фигуре черноморского восстания — Петрове. Руководитеть восстания на „Пруте" Александр Михайлович Петров, матрос второй статьи с учебного судна „Прут", еврей из кантонистов, род. в 1892 г., служил счетчиком в казначействе, вел социалдемократическую работу в Казани, Владимире и др. городах. Во флоте входил сначала в социалдемократический кружок на „Екатерине", затем, незадолго до восстания, был переведен на „Прут". Сохранившиеся письма Петрова, воспоминания о нем, его поведение на суде и в последние часы рисуют его как сознательного, пользовавшегося огромным влиянием, быстрого в решениях и энергичного, самоотверженного революционера.

[89] Вот текст этих обращений:

КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МИРУ

Граждане всех стран и всех народов! Перед вашими глазами проходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которых русское правительство довело многострадальную Россию, переполнило чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди — долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода! — как гром раскатился по всей необъятной России.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине.

Однако обезумевшее самодержавие забыло одно, что темная и забитая армия — это сильное орудие его кровавых замыслов — есть тот же самый народ, есть те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И армия рано или поздно поймет это и сбросит наконец с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев. И вот мы, команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический", решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас свое проклятие, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его! И наш общий девиз — смерть или свобода для всего русского народа!

Мы требуем непременной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии. Мы требуем непременного созыва всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы вместе с нашим броненосцем пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический" и миноносца № 267".

(Печать броненосца)

„КО ВСЕМ ЕВРОПЕЙСКИМ ДЕРЖАВАМ

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический“ начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что [мы] гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю и всем иностранным портам, здесь находящимся.

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический“.

99 Коваленко А. М. в своих воспоминаниях „Одиннадцать дней на броненосце „Князь Потемкин Таврический“, приводя воззвание „Ко всему цивилизованному миру“, дает несколько иную редакцию: так, в 1-м абзаце (сравните с примечанием № 98, стр. 254), строка 2-я, у него написано: „Перед вашими глазами происходят грандиозные события великой освободительной борьбы: угнетенные и порабощенные народы России не вынесли векового гнета и своеволия деспотического царя“.

2-й абзац, стр. 255, 5-я строка, нет слова „русской“.

3-й абзац — нет слова „царское“, а в конце — вместо „родине“ — „необъятной России“.

4-й абзац — нет слова „обезумевшее“ и 3-я строка — вместо „есть те же самые сыны“ написано: „есть силы тех же самых“. Далее до слов: „И вот мы“ — отсутствует. В конце абзаца нет слов „нашей родины“.

5-й абзац — нет слова „русского“.

6-й абзац — вместо „непременного созыва“ сказано „немедленного созыва“.

7-й абзац — Перед „народов“ нет слова „всех“.

(„Былое“, 1907 г., стр. 59, № 3/15).

100 „Перевести на оклад“. Некоторые матросы, особенно кочегары и машинисты, получали кроме солдатских грошей еще определенное жалованье от 12 — 17 руб. в месяц. В наказание их переводили на „оклад“, т. е. лишали жалованья на несколько месяцев, и они получали в это время, как обыкновенные солдаты, т. е. от 43 — 60 коп. в три месяца.

[101] В то время на корабле было несколько матросов, серьезно больных и почти при смерти от какой-то желудочной болезни, с которой фельдшер не мог справиться.

[102] Во главе делегации был городской голова Дуранте, гласный Крым и врач Муралевич. Симферопольский жандарм в донесении в Петербург писал об этих двух „отцах города": „...докладываю, что гг. Дуранте и Крым обладают в Феодосии громадным недвижимым имуществом и видимо главным образом опасались не за город, а за свои дома".

[103] Список запасов, затребованных комиссией от представителей города Феодосии:

Угля 30.000 пуд.
Воды 40 тонн.
Мяса 40 пудов.
Быков (живых) — 8.
Масла для машины 50 пуд.
Пакли 10 пуд.
Соды 5 пуд.
Муки 200 пуд.
Красного вина для больных и машинной команды 1 бочонок.
Табаку 3 пуда.
Ящик папиросной бумаги.
Хлеба 100 пудов.
Для больных: яиц, кур, уток и пр. сколько возможно.

[104] Содержание этого ультиматума следующее:

„Начальнику Феодосийского гарнизона

Заявление.

В виду того, что по вашему распоряжению полиция и войска препятствуют снабжению нас провизией и конфискуют ее — так, у нас конфисковали уже на берегу четырех быков, ящик папирос и много др. — в виду того, что мы не можем обойтись без угля и пресной воды, доставка которых также воспрещена вами, мы заявляем, что если завтра к 6 часам утра все это не будет доставлено к нашему судну, то мы будем вынуждены приступить к самым решительным действиям и взять все необходимое силой.

При этом мы даем еще 4 часа сроку для оставления города всеми мирными жителями.

Команда революционного броненосца „Князь Потемкин Таврический"
Судовая печать. (Кирилл).

[105] Здесь автор совершенно справедливо замечает, что одних двадцатипудовых снарядов было недостаточно, чтобы найти выход. Цель неизбежных ошибок предопределялась соотношением всех политических сил в стране и во флоте, своеобразно отражавшем соотношение борющихся классов в стране. Кирилл и Фельдман, мужественно боровшиеся до конца за успех восстания, проводили при этом тактику своей партии социалдемократов меньшевиков, тактику преклонения перед событиями; а ведь это были одни из наиболее политически развитых вождей восстания.

[106] Тов. Фельдман раненый упал в воду и был схвачен. В трюме угольщика, которого буксировал катер, полиция схватила матросов Тихонова Александра, Мартьянова, Заулошнева Александра, одним из первых восставшего на „Потемкине", Горбача и механика Мольнева. Из воды были выловлены Дорофей Кошуба, Иван Задорожный. Никишкин, всегда жизнерадостный и деятельный агитатор, был застрелен в воде.

[107] Фельдман иначе передает разговор: „Плыви, товарищ, и передай матросам, что их расстрелянные товарищи вопиют о мести. Смотри же, доплыви, не взирая ни на какие опасности. — Ладно, — ответил Кошуба" (стр. 148).

[108] А. Заволошин был приговорен к смертной казни с заменой каторжными работами на 15 лет.

[109] Революционное движение на Кавказе в это время шло на подъем, особенно сильно была захвачена движением Гурия (в Кутаисской губ.), где с февраля 1905 г. были изгнаны царские власти и установлена местная республика. В Тифлисе максимум революционного движения падает на октябрь — ноябрь 1905 г. В Баку движение шло вверх до провокационной августовской национальной резни, сопровождавшейся огромными нефтяными пожарами.

[110] Матюшенко так описывает: „В море похоронили мы свой и всего русского народа боевой красный флаг — флаг свободы, равенства и братства, чтоб он не достался в чужие руки. Черное море было свидетелем наших слез и горя, когда бросили его за борт!

Как было тяжело смотреть, когда он то опускался, то подымался на гребнях волн, как-будто приглашая всех матросов продолжать борьбу!..“ (Стр. 313).

[111] Всего вернулось в Россию 110 человек. Подверглись разным наказаниям 68 человек, из них 25 человек команды оправданы, 3 — приговорены к смертной казни, но амнистией им казнь заменена 15 годами каторжных работ, все остальные сосланы на каторжные работы.

Миноносец № 267 вернулся в Россию и сдался в Севастополе. Броненосец „Потемкин“ был передан русскому правительству, за ним явилась эскадра. Впоследствии „Потемкин“ был переименован в „Святого Пантелеймона“, но в том же 1905 г. экипаж принял участие в Севастопольском восстании матросов.

[112] Прилагаем протокол событий на броненосце.

Оригинал этого протокола находится в руках румынского правительства. Я не успел достать его своевременно; поэтому принужден поместить здесь один из переводов, взятых из иностранных газет.

Протокол этот характерен как документ, составленный самими матросами. Но он далеко не соответствует в некоторых своих местах действительности. Объясняется это, надо полагать, тем, что составители его как участники всего происшедшего не обладали в момент его редактирования требуемым хладнокровием и не считали вероятно нужным подвергнуть предварительно самое событие более тщательному исследованию, чем снятие показаний только с нескольких участников.

Протокол этот, составленный в ночь на 15-е, содержит ряд неточностей. Перечислим кратко важнейшие (часть неточностей подлинника уже исправлена в том тексте, который дан автором воспоминаний). Командир Голиков был убит на корабле, в воду бросился и поплыл на миноносец № 276 ревизор Макаров, и он не был убит. Гурьев назван Гуриным; в тексте Кирилла после слов „врач Голенко“ пропущены слова подлинника: „прапорщик запаса Алексеев, Ястребцов“ (надо — Ястребов, прапорщик 2-й роты А. Е.), подпоручик, инженер-механик Калюжный назван старшим лейтенантом Калюжным (в подлиннике — ошибочно — Кальяни). Далее, офицеры не заявляли себя солидарными с командой; неизвестно, действительно ли Тон хотел взорвать крюйт-камеру и т. п.

ПРОТОКОЛ

„11 октября 1904 года броненосец „Князь Потемкин Таврический" поступил с завода на практические испытания. За все это время обращение начальства было дурное, особенно по отношению к пище. Команда бесчисленное количество раз требовала улучшения пищи; на эти требования не обращали никакого внимания. Однако команда переносила подобное обращение.

12 июня броненосец находился в Тендеровской бухте для того, чтобы начать практические занятия в стрельбе. 13 июня было привезено мясо из Одессы, которое благодаря дурному запаху и многочисленным червям, находящимся в нем, для варки не годилось. Несмотря на это, из этого же мяса было сготовлено кушанье для команды. 14 июня команда отказалась есть это мясо: каждый матрос мирным образом довольствовался куском хлеба и стаканом воды. Когда командир узнал об этом, он приказал команде собраться на баке. Командир спросил команду, почему она не ест мяса, а она в ответ на это указала на состояние, в котором находится мясо. После этого командир спросил, кто из команды хочет есть мясо, и указывал при этом на последствия неповиновения военной дисциплине. Часть команды из страха согласилась есть мясо, остальная же команда была разделена на группы. В то же время было скомандовано: „Караул наверх". Еще раз спросили команду, хочет ли она есть мясо, а она ответила отрицательно и громко потребовала лучшей пищи. Тогда старший офицер приказал караулу стрелять, но караул отказался. Офицер вырвал ружье из рук близстоявшего матроса и выстрелил в Григория Вакулинчука, которого он и убил. В виду такой жестокости и беспощадного обращения офицеров с подневольными солдатами команда была вынуждена принять меры защиты. Матросы бросились к патронным погребам и стойкам с ружьями зарядили винтовки и стреляли беспрерывно в течение десяти минут в офицеров. Командир побежал в каюту, откуда он поплыл к миноноске № 267, стоявшей неподалеку. Старший офицер был расстрелян на баке, труп его был брошен в море. После этого привезли с миноноски командира и расстреляли на верхней палубе таким же образом. Были убиты: офицеры — лейтенант Неупокоев, старший офицер артиллерии лейтенант Тон, старший флотский офицер и старший врач Смирнов. Ранен мичман Вахтин. Судьба офицера Левенцова неизвестна. В живых остались: капитан Гурин, старший механик Цветков,

старший лейтенант Заушкевич и Коваленко, младший врач Голенко, инженер-механик Харкевич, командир миноноски № 267 барон Клодт, старший лейтенант Назаров, священник Пармен и старший лейтенант Калюжный. Все они заявили себя солидарными с командой. Минного офицера Тона застали в пороховом погребе как раз в тот момент, когда он хотел взорвать судно. В живых также остались двадцать человек рабочих с французских заводов и два рыбака, присутствовавшие при всем и могущие засвидетельствовать справедливость сего.

Помещаем хронологическую сводку (по старому стилю) важнейших восстаний во флоте в первую революцию:

1904 г. 3 – 4 ноября — бунт в Севастопольских флотских экипажах.

1905 г. 14 июня — восстал „Потемкин Таврический" (11 суток).

„ 16 „ — восстало учебное судно „Прут" (3 суток).

„ 17 „ — восстал „Георгий Победоносец" (1 сутки)

„ 15 июля — выступление 1-го Балтийского флотского экипажа в Либаве.

„ 23 октября — митинг матросов и солдат в Кронштадте. Предъявление экономических и политических требований.

„ 24 -25 „ — митинги в частях войск Кронштадтского гарнизона.

„ 26 „ — восстание флотских экипажей в Кронштадте.

„ 28 „ — разоружение и аресты восставших матросов и солдат в Кронштадте. Вооруженное выступление солдат и матросов во Владивостоке.

„ 12 ноября — выступление Севастопольской крепостной саперной роты (присоединение к восставшим).

„ 14 „ — волнения в Аму-Дарьинской флотилии в г. Чарджуе.

„ 14—15 ноября — восстание на 11 кораблях в Севастополе (руководители — лейтенант Шмидт, Частник, Антоненко, Гладков).

1906 г. 11 марта —	восстание Иннокентьевской батареи во Владивостоке, поддержанное Сибирскими флотскими экипажами и 32-м Восточно-Сибирским стрелковым полком.
„ 6 июня —	волнения в 1-м и 2-м батальонах Севастопольской крепостной артиллерии.
„ 19 июля —	выступление гарнизона Кронштадтской крепости. Восстание в Ревельской бухте на крейсере „Память Азова".
„ 20 „ —	восстание в крепости Свеаборг и на Скаудден.
1907 г. 14—15 сентября—	восстание в казармах Брестского полка в Севастополе, неудавшаяся попытка поднять общее восстание гарнизона и флота.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

